

Хью Лофтинг

Доктор
Дулиттл
и его звери

Хью Лофтинг

Доктор Дулиттл и его звери

Сочинения для детей
в трех книгах

Книга третья

МОСКВА
• Олимп • ППП •
1993

С английского

Пересказ

Барбары Давыдовой и Валерия Нижника

Рисунки

Марата Закирова

Оформление *В. Завадовской*

Лофтинг Х.

Л 81 Доктор Дулиттл и его звери: Сочинения для детей в трех книгах. Книга третья. — М.: «Олимп» • «ППП», 1993. — 320 с.

ISBN 5-7390-0116-1

Л 4804040100-005 Подписное
Г68(03)-93

ББК 84.7 США

© Пересказ Б. Давыдовой, В. Нижника, 1993
© Состав, оформление. Агентство «Олимп», 1993

Опера
доктора
Дулиттла

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЗООМАГАЗИН

После того как Блоссом бросил свой цирк на произвол судьбы и Джону Дулиттлу пришлось всерьез взяться за ведение дел, доктора пригласили на гастроли в Лондон. Хозяева самых больших увеселительных садов хотели, чтобы у них выступила знаменитая «Пантомима из Паддлеби».

Но касса цирка была пуста, Блоссом украл все, что заработал цирк в Манчестере, и пришлось друзьям выступать в маленьких городках, чтобы расплатиться с долгами и собрать денег на дорогу до Лондона.

Вся цирковая труппа состояла теперь из Мэтьюза Магга, который вел представление и объявлял номера, силача Геракла, поднимавшего тяжести на потеху публике, акробатов братьев Пинто и клоуна Хоупа. Теодора, жена Мэтьюза Магга, шила костюмы и готовила еду. Кроме них доктор пригласил нового зрителя зверинца. Это был толстый добродушный мужчина средних лет. Звали его Фредом.

Зверинец был небольшой. В нем остались лев, леопард, слон и американский опоссум, которого раньше Блоссом выдавал за кровожадного хищника харри-гарри. Но гвоздем программы был конечно же двуглавый африканский зверь тяни-толкай.

Они ездили из города в город в ярко раскрашенных фургонах, на которых крупными буквами было написано: ЦИРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА. Вместе с доктором в

фургоне путешествовали его друзья: пес О'Скалли, поро-сенек Хрюкки, сова Бу-Бу, утка Крякки и белая мышь.

Времена для цирка настали нелегкие, поэтому было даже хорошо, что труппа оказалась такой маленькой, иначе трудно было бы заработать на пропитание.

Артисты не получали жалованья, а делили прибыль — конечно, когда она была. Случалось, и нередко, что дела шли неважно, и тогда все сидели без гроша и радовались, если удавалось пообедать. Несмотря на это, из цирка никто не ушел и доктору никогда не приходилось выслушивать нарекания или распекать кого-либо из артистов, а артисты во всем доверяли доктору Дулиттлу и надеялись, что он сумеет поставить цирк на ноги. И в конце концов наступил день, когда их надежды оправдались, и доктор воздал им за доверие сторицей.

Но это будет позже, а пока Джон Дулиттл ломал голову над тем, чем бы привлечь разборчивую лондонскую публику. И, как это часто бывает, все началось с ничем не примечательного случая.

Как-то вечером цирк приехал в небольшой городок. Артисты дружно взялись за работу, поставили шатры, сколотили помосты. Когда все было готово к завтрашнему представлению, доктор с Мэтьюзом Маггом вышли прогуляться. О'Скалли увязался за ними. Они бродили по улицам, глазели по сторонам. На площади им встретился кабачок. На тротуаре у дверей стояли столики. День выдался жаркий, и доктор с Мэтьюзом решили присесть и выпить по стаканчику пива.

Они сидели и отдыхали, когда вдруг услышали птичье пение. Голос был очень мягкий и таинственный, он звучал то тише, то громче, судя по всему, пел удивительный мастер своего птичьего дела, так как ни одна трель в его песне не повторялась.

Доктор был большим знатоком птичьего пения и даже когда-то написал книгу о соловьях и певчих дроздах.

— Ты слышишь, Мэтьюз? — спросил доктор своего спутника.

— Замечательно поет, — с восхищением сказал Мэтьюз Магг. — Держу пари, что это соловей. Должно быть, он сидит вон там, на тех больших тополях около церкви.

— И непременно проиграешь пари, — ответил док-

тор. — Это вовсе не соловей, а канарейка. Просто она подражает соловью. Наверное, она когда-то слышала его пение. Я совершенно уверен, что это голос канарейки. Прислушайся, сейчас она передразнивает черного дрозда.

Так они сидели за столиком, наслаждались теплым вечером и пением канарейки, которая подражала то малиновке, то щеглу, то зяблику, то мухоловке. Вдруг доктор Дулиттл сказал:

— А знаешь, Мэтьюз, было бы совсем не плохо взять к нам в цирк канарейку. Я уверен, что она быстро подружилась бы и с людьми, и с животными. Конечно, нехорошо держать птиц в клетке, но, если она захочет, мы будем ее выпускать на прогулку. Давай-ка пройдемся вдоль по улице, может быть, нам удастся увидеть того, кто так замечательно поет.

Доктор и Мэтьюз Магг допили пиво, расплатились с трактирщиком и зашагали по направлению к церкви. Наконец они остановились перед витриной зоомагазина, где продавали разных птиц и мелких зверушек. Доктор сказал:

— Именно здесь сидит в клетке та канарейка, что нам пела. Бедняжка! В зоомагазинах продавцы никогда не ухаживают за птицами как следует, держат их в тесноте и редко чистят клетки. Я стараюсь обходить зоомагазины стороной.

— Почему? — удивился Мэтьюз.

— Да потому, — ответил Джон Дулиттл, — что звери и птицы сразу же меня узнают и просят купить их. Они знают, что у меня им будет лучше, чем у кого-либо. А у меня нет денег, чтобы купить им свободу. Вот и сейчас у меня осталось в кармане всего три шиллинга.

Доктор сунул руку в карман и вытащил оттуда три серебряные монеты, грустно посмотрел на них и уже собрался уходить, когда птица снова запела.

Доктор Дулиттл остановился в нерешительности и снова грустно взглянул на три серебряных кружочка, лежавших у него на ладони.

— Как хорошо она поет! — тихо сказал он.

— Так купите ее, если она вам так нравится, — предложил Мэтьюз.

— Во-первых, это наши последние деньги, — ответил

доктор. — А во-вторых, стоит мне зайти в магазин, как птицы, кролики и морские свинки тут же бросятся уговаривать меня купить их, а мне придется их огорчить. А я от этого сам огорчаюсь. Лучше нам уйти.

— Давайте я зайду в магазин, — вызвался помочь Мэтьюз. — Меня звери не знают, и я без хлопот куплю канарейку.

Он взял у доктора деньги, вошел в магазин и через минуту вернулся. В руке он держал закрытую бумагой клетку.

— Вот ваша певунья, — сказал он и протянул клетку доктору.

— Спасибо, Мэтьюз, — поблагодарил его доктор. — А теперь нам пора домой. Теодора и Крякки небось уже ждут нас к ужину.

Когда доктор Дулиттл возвратился в свой фургон, он первым делом снял бумагу с клетки. Затем он долго разглядывал сидящую внутри птицу. Наконец он захохотал:

— Ха-ха-ха! Мэтьюз, поди сюда! Кого ты нам купил?

— Птицу, — ничуть не смутился Мэтьюз. — Продавец сказал мне, что это зеленая канарейка.

— Конечно, это зеленая канарейка, — не стал спорить доктор. — Но продавец всучил тебе самочку, а самочки, как известно, не поют. У канареек поют только самцы.

— Может быть, и так, господин доктор, — оправдывался Мэтьюз. — Но та, которая пела, стоила пятьдесят шиллингов, а вы дали мне всего три. И то, думаю, слишком дорого за такую пичугу. Хорошего голосистого петуха можно купить всего за шиллинг.

Доктор только улыбнулся в ответ. Он не мог сердиться на Мэтьюза Магга за то, что тот купил птицу, которая не умела петь. Как-никак последние три шиллинга были потрачены не зря — на них купили свободу маленькому живому существу. Тем более что неизвестно, сколько еще пришлось бы томиться канарейке в зоомагазине, ведь люди охотно платят деньги только за певчих птиц.

После ужина доктору пришлось заняться цирковыми делами. Вернулся он поздно и устало рухнул на стул. Тут же на него надела сова Бу-Бу, которая прекрасно знала арифметику и ведала всеми счетами цирка.

Они долго, очень долго вели самую скучную на свете

беседу — о деньгах и цифрах. И вдруг послышалось тихое щебетание.

— Боже! — воскликнул доктор. — Что это такое?

Пение звучало все громче. Доктор повернул голову и увидел, что поет та самая канарейка, за которую Мэтьюз Магг заплатил три шиллинга.

Для любого другого человека это было бы обычным пением канарейки. Но для доктора это была настоящая песня: он понимал, о чем поет канарейка. А канарейка пела о жизни в неволе, о свободе, о несчастной любви.

...Прощальный взмах крыла — и милый улетел...

Джон Дулиттл встал со стула и подошел к клетке. Зеленая канарейка смолкла и выжидательно смотрела на доктора.

— Мне казалось, ты самочка, — неуверенно сказал доктор Дулиттл.

Канарейка ответила:

— Вы не ошиблись, я самочка.

— Но ты же поешь!

— Почему же мне не петь?

— Потому что все знают: самочки не поют! — воскликнул обескураженный доктор.

Маленькая зеленая пичуга разразилась долгой трелью — так она смеялась.

— Опять все та же старая глупая история, — сказала она. — Все эти глупости выдумали самцы. У нас, у самочек, голоса намного лучше. Но самцы боятся уступить нам первенство в чем бы то ни было и поэтому не разрешают нам петь. А если кто-то нарушит запрет, то на него бросается вся стая и преобильно клюет. Несколько лет тому назад мы даже объединились, чтобы бороться за свои права. Мы назвали наше движение «Равноправное пение». Но нам очень трудно бороться, потому что пожилые канарейки, а прежде всего старые девы упорствуют и говорят: пение — дело не женское, место самочки — в гнезде, на яйцах. Сами знаете, какие глупости они городят, наверное, у людей точно так же. Именно поэтому до сих пор считают, что самочки канарейки не поют.

— Но ведь в магазине пела не ты? — спросил доктор.

— В магазине не то что петь, даже дышать трудно: та-

кой там спертый воздух, — ответила канарейка. — Думаю, даже вы не смогли бы там петь.

— Почему же ты запела сейчас?

— Потому что я поняла, что меня купили по ошибке. Ведь вы послали своего приятеля в магазин за самодовольным желтым самцом. Этот зазнайка чирикает с утра до вечера, хотя у медведя слух и то лучше. Я видела, как ваш приятель спрашивал у продавца о цене. И догадалась, что он ничего не смыслит в птицах, поэтому я запела, чтобы показать вам, что вы не выбросили деньги на ветер.

— Невероятно! — не переставал удивляться доктор. — Действительно, по сравнению с тобой тот желтый самец не поет, а просто дерет горло. Какой у тебя голос, контральто? Или меццо-сопрано?

— Ах, доктор, — пожала плечами зеленая канарейка, — я не знаю, о чем вы говорите. Все эти выдумки людей нам неизвестны, но я могу взять самую высокую ноту.

— Как тебя зовут? — спросил доктор.

— Пипинелла, — ответила птичка.

— А что это за песня, которую ты пела? — продолжал расспрашивать доктор.

— Это история моей жизни.

Доктор удивился еще больше.

— Но ведь это были стихи! — воскликнул он.

— Ну и что же? — горделиво повела головой канарейка. — Я сама их сочинила, даже не сочинила, а изложила в стихах всю мою жизнь. У птиц, живущих в клетках, уйма свободного времени, особенно когда нет необходимости сидеть на яйцах и кормить птенцов.

— Мало того что ты поешь, ты еще и стихи сочиняешь! — восхитился доктор. — В такой маленькой птичке и так много талантов.

— Я еще и музыку сочиняю, — с достоинством добавила Пипинелла. — Я сама написала песню, которую вы только что слышали. — И если вы заметили, я не взяла для своей песни ничего старого и известного. Разве что одну музыкальную фразу из «Любовной песни зябликов». Я вставила ее в то место, где рассказываю, как мой любимый бросил меня и улетел в Америку, а я осталась в слезах на берегу.

Неожиданно беседу доктора с канарейкой прервала утка Крякки. Она принесла чай и бутерброды.

— Уже поздно, доктор, — сказала утка, — не хотите ли перекусить?

Но, к огорчению Хрюкки, который надеялся, что и ему что-то перепадет, доктор отчаянно замотал головой.

— Нет-нет, — наотрез отказался он. — Наша гостья мне намного интереснее любых бутербродов.

Поросенок обиженно хрюкнул себе под нос:

— Подумаешь, пучок перьев! Да я дюжину таких пичуг отдам за ломоть хлеба с солью.

Тем временем доктор Дулиттл нашел в своем старом

портфеле нотную тетрадь. Как вы знаете, он педурно играл на флейте и даже иногда пытался сочинять мелодии.

— Не могла бы ты повторить для меня историю своей жизни? — обратился он к канарейке. — Она меня очень заинтересовала.

— С удовольствием, — ответила птичка. — Но сначала налейте мне воды в блюдце, у меня уже пересохло в горле.

— Да-да, конечно! — Джон Дулиттл поспешно вскочил с места и едва не наступил на поросенка.

Поросенок обиженно хрюкнул и забился в угол.

— Вот она, человеческая дружба! Грош ей цена. А ведь я пою ничуть не хуже.

Доктор Дулиттл принес блюдечко с водой и поставил в клетку к канарейке.

— Пей, пожалуйста. Я хотел попросить тебя петь по-медленнее. Дело в том, что я хочу записать мелодию, а она у тебя очень сложная. А слова твоей песни мы запишем как-нибудь в другой раз.

Глава 2

БЕЛАЯ ПЕРСИДСКАЯ КОШКА

Доктор устроился поудобнее и взял в руки карандаш. Зеленая канарейка пела, а он быстро записывал ноты. Маленькие черные значки заполняли страницу за страницей.

Песня была длинная, на полчаса, не меньше. Несчастный Хрюкки время от времени бормотал:

— Чай, наверное, уже остыл, и бутерброды засохли. Ну как можно петь на пустой желудок?!

Наконец канарейка закончила песню, доктор закрыл нотную тетрадь и спрятал ее в портфель. Затем он сел к столу и взялся за чай с бутербродами. Обрадованный Хрюкки тут же устроился рядом с доктором.

— Может быть, ты выйдешь из клетки и поужинаешь с нами? — спросил Джон Дулиттл канарейку.

— А здесь есть кошки? — вопросом на вопрос ответила канарейка.

— Нет, — покачал головой доктор, — я не держу у себя в фургоне кошек.

— Тогда я с удовольствием покину клетку, — сказала канарейка. — Откройте, пожалуйста, дверцу, чтобы я могла выйти.

В разговор вмешался О'Скалли:

— Почему ты боишься кошек? У тебя есть крылья, и ты всегда сможешь упорхнуть.

Канарейка перелетела на стол, села возле тарелки доктора и склевала крошку.

— Конечно, упорхнуть от кошки не трудно, но только в том случае, когда ее видишь, — сказала пичуга. — Но кошки очень любят подкрадываться незаметно, и тогда беды не миновать. Кошки очень ловко охотятся.

— Так уж и очень ловко! — обиделся О'Скалли. — Что касается охоты, то самая последняя дворняга заткнет за пояс любую кошку.

— Ну уж нет, — возразила канарейка. — Вы, собаки, кошкам и в подметки не годитесь. Не обижайся, но это так. Вы можете учуять добычу, выследить ее, догнать лучше любой кошки, но в хитрости вам с кошками не сравниться. Разве вы способны часами сидеть у входа в норку и подкарауливать маленького мышонка? Ты хоть раз видел собаку, способную просидеть неподвижно пять минут? Если собака найдет вход в нору, то она тут же начнет лаять и скрести лапами так, что хозяин норы и носа оттуда не высунет. Нет, мы, птицы, боимся кошек как огня. Уж лучше сидеть в комнате с дюжиной собак, чем с одной кошкой.

— У тебя были уже неприятности из-за кошек? — спросил доктор.

— У меня нет, но у других были, если только смерть можно назвать неприятностью. Я предпочитаю учиться на чужих ошибках. Так безопаснее.

Канарейка умолкла, словно вспоминая что-то, а потом сказала:

— Если хотите, я расскажу вам одну жуткую историю, которая произошла у меня на глазах. Как-то мне довелось жить в одном доме с попугаем. Хозяйка наша была

добрая, но недалекая женщина. Однажды ей подарили персидскую кошку. Она была белая, пушистая и очень любила тереться о ноги хозяйки и мурлыкать.

Старый попугай сказал мне в тот вечер:

— Она кажется смирной и добродушной.

Но я не согласилась с Жако — так звали попугая.

— Кошка всегда остается кошкой, — сказала я. — Им никогда нельзя доверять.

— Может быть, именно поэтому они стали такими коварными? — перебил канарейку доктор. — Если тебя постоянно называют лжецом, ты станешь лжецом, если тебя считают негодяем, ты станешь негодяем.

— Ну нет, — не согласилась с доктором канарейка. — Наша хозяйка доверяла своей кошке, и вы сейчас узнаете, что из этого получилось. Она даже иногда оставляла кошку на ночь в одной комнате с нами. Моя клетка висела высоко под потолком, и я не боялась, что кошка доберется до меня. А вот несчастный старый Жако ни за что не хотел поверить, что это милое белое, пушистое животное — страшный хищник. К тому же у Жако не было клетки, он сидел на шестке из двух скрещенных жердочек, а чтобы он не улетел, ему к ноге прикрепили длинную цепочку.

В один прекрасный день кошка вскарабкалась на шесток к попугаю и уже хотела расправиться с ним, как вдруг Жако показал себя опытным бойцом. В честном бою он мог постоять за себя, да еще как! Своим большим и острым клювом он ударил разбойницу в нос, а затем отхватил ей пол-уха. Кошка взвыла и бросилась наутек.

Тогда я сказала Жако:

— Может быть, теперь ты мневеришь? Будь осторожен, иначе, как только ты зазеваешься, кошка набросится на тебя сзади и тогда тебе несдобровать. Запомни, Жако: как только ты уснешь при кошке, то уже никогда не проснешься.

Зеленая канарейка умолкла на минутку, прошла по столу к чашке поросенка и отпила из нее каплю молока. Поросяенок так опешил, что даже не смог открыть рот, чтобы выбранить «нахальный пучок перьев».

Затем птичка вытерла клюв о скатерть и продолжила свой рассказ:

— Я не в ладах с арифметикой и только поэтому не могу сказать, сколько раз я спасала жизнь доверчивому Жако. Попугаю уже было немало лет, он любил спокойную, размеренную жизнь. У него были свои привычки, и он терпеть не мог, если что-то нарушало их. Он привык принимать ванну по субботам, и у него на весь день портилось настроение, если его вдруг забывали искупать. Но самой опасной его привычкой был сон после обеда. Сколько раз я говорила ему:

— Не спи, Жако! Дверь в нашу комнату никогда не закрывается, и кошка может войти в любую минуту.

Но попугай ни за что на свете не хотел расстаться со своими привычками и пропускал все мои слова мимо ушей.

— Что может быть лучше, чем вздремнуть после обеда, — отвечал он на мои предостережения. — Да пусть в доме бродит не одна, а целая дюжина кошек, и то я не откажусь от послеобеденного сна.

Канарейка снова умолкла, в задумчивости склевала еще одну крошку, а затем продолжила:

— Теперь я думаю, что старый попугай был не так уж и не прав. В его презрении к суеде кроется нечто прекрасное. У него были раз и навсегда установленные правила, и ничто не могло заставить его изменить этим правилам.

А тем временем ужасная кошка только и ждала удобного случая. Часто бывало, что Жако беспечно дремал на своем шестке, а кошка кралась по коридору или уже вспрыгивала на стол, откуда ей можно было лапой достать до попугая. Тогда я пронзительно свистела, Жако просыпался и кошка убегала стремглав, бросая на меня яростные взгляды. Она сердилась, что я испортила ей забаву.

Нашей же хозяйке никогда и в голову не приходило, что кошка — хищник.

Однажды к ней пришли гости, и один из них спросил, не боится ли она, что кошка съест попугая.

— Ну что вы, моя Пушинка такая добрая. Она и пальцем не тронет моего любимого Жако, не правда ли, Пушинка?

Шелковая обманщица терлась о колени хозяйки, сладко мурлыкала и всем своим видом показывала, что безобиднее нее нет никого на свете.

Я делала все, что было в моих силах, однако настал день, когда белая чертовка провела и меня. Наша хозяйка уехала погостить к друзьям в деревню, а у служанки был выходной. Попугаю и мне насыпали вдоволь корма, налили свежей воды, дом заперли на ключ. Дверь в нашу комнату закрыли, и мне казалось, что в этот день никакая опасность не угрожает моему другу. После полудня началась гроза. Сильный ветер жутко завывал над крышей дома. От внезапного порыва ветра дверь в нашу комнату распахнулась. Оказалось, что ее не заперли на защелку, а лишь прикрыли.

— Жако, не спи! — крикнула я попугаю.

— Но кошка не появлялась, и через час я уже подумала, что, наверное, ее закрыли в другой комнате. Я так успокоилась, что перестала бояться. После обеда Жако крепко уснул, меня тоже клонило в сон, и я задремала. Мне снились кошмары: огромные коты носились по воздуху, попугаи сражались с ними на мечах и копьях. От страха я проснулась и услышала грохот.

На полу лежал Жако. Он был мертв. Рядом с ним на ковре сидела белая персидская кошка и злорадно ухмылялась.

Пипинелла снова оборвала рассказ. Ее била дрожь.

— Я была слишком напугана, чтобы издать хоть какой-то звук, — продолжила канарейка. — Я ждала, что кровожадное чудовище сожрет моего несчастного друга у меня на глазах, но кошка об этом и не подумала. Она не была голодна — хозяйка кормила ее по нескольку раз на дню всяческими кошачьими лакомствами. Ей просто хотелось убивать ради самого убийства. Три месяца она терпеливо ждала, пока наконец не совершила задуманное.

Кошка оскалилась, показав в победной улыбке острые зубы, и выбежала за дверь. На полу лежало мертвое тело бедняги Жако.

«Уж теперь-то кошке несдобровать, — подумала я. — Теперь старая хозяйка поймет, что ее любимая Пушиночка — убийца, и прогонит ее прочь».

Но все произошло совсем не так. Мне вспомнились слова моей матери: «Кошкам сам черт помогает, иначе бы их давно сжили со свету». Я никогда не задумывалась над этими словами, но после того, что случилось, я вынуждена признать, что моя мать была права.

Судите сами: если бы двери оставались открытыми, всем сразу бы стало ясно, что кошка вошла в комнату и убила попугая. Но как только Пушинка выбежала в коридор, новый порыв ветра захлопнул дверь. Теперь никто и подумать не мог плохо о распрекрасной Пушинке.

Несомненно, кошке помогал сам черт. Ну что стоило ветру захлопнуть дверь на мгновение раньше и запереть убийцу вместе с телом жертвы?

На следующий день вернулась хозяйка и никак не могла понять, что же случилось. Дверь была закрыта, а в комнате на полу лежал мертвый попугай со свернутой шеей.

В конце концов женщина решила, что виной всему мальчишки — они залезли в дом через каминную трубу, свернули шею попугаю и убежали.

Хозяйка очень расстроилась. Она рыдала, не находила себе места от горя, но вернуть попугая к жизни было уже нельзя.

— О Господи! — причитала старушка. — К счастью, у меня еще остались Пипинелла и Пушинка.

А белая пушистая чертовка ласкалась к хозяйке и мурлыкала так сладко и ласково, что получила в награду блюдце сливок.

Никогда не верьте кошкам! — подытожила свой рассказ канарейка.

Доктор Дулиттл помолчал в задумчивости, а затем сказал:

— Да, кошки — странные существа. Я знаю язык животных и понимаю их как никто из людей, но кошка до сих пор остается для меня загадкой. Животные убивают, чтобы утолить голод; кошка — ради самого убийства. Однако нельзя спешить с осуждением, может быть, всему виной доставшиеся им от природы особые черты натуры. Кстати, Пипинелла, не могла бы ты завтра утром повторить свою песню? Я хочу записать историю твоей жизни.

Глава 3

ЖИЗНЬ КАНАРЕЙКИ

Доктор Дулиттл уже давно подумывал о том, что пора взяться за жизнеописание зверей. Действительно, а почему бы и нет? Неужели среди животных не найдется никого, чья жизнь была бы интереснее, чем жизнь Наполеона?

Однажды вечером он даже заговорил об этом со своими зверями. Мысль поправилась всем без исключения, а особенно — Хрюкки.

— Правильно! — обрадовался поросенок. — Чур, я первый. Сначала напишите книгу обо мне, а уж потом обо всех остальных. Жители Манчестера обидели меня, не захотели поставить мне памятник. Может быть, хоть теперь они прочитают обо мне, расскажут и исправят ошибку. Так и быть, я их прощу. Но только если памятник будет большой-пресобольшой!

— Получится очень смешная книга, — улыбнулся в ответ доктор Дулиттл. — История поросенка-зазнайки, который то и дело попадает в просак.

После успеха «Пантомимы из Паддлеби» Хрюкки возомнил себя великим актером и стал очень гордым, а еще больше — упрямым.

— Нет-нет, — сказал он, — так дело не пойдет. Может быть, на сцене я и выгляжу смешно, но книга обо мне должна быть серьезной.

— Это и будет очень серьезная книга, — вмешался О'Скалли. — Большая и серьезная поваренная книга. Ведь ты всю свою жизнь только и делаешь, что ешь, и все твоё жизнеописание превратится в блюдописание твоих обедов, завтраков и ужинов. Уж лучше читать историю замшелого камня, чем твою.

Поросенок обиженно умолк. На том разговор и кончился.

Но теперь в фургоне доктора Дулиттла поселилась маленькая зеленая канарейка, и он записал ее историю. Так родилась первая книга из серии «Жизнь замечательных зверей».

У Пипинеллы была удивительная память, она помнила мельчайшие подробности, и благодаря этому книга получилась очень живая и занятая. А в предисловии доктор предупреждал читателей, что книга записана им со слов самой канарейки. Увы, ему не верили и считали смешным чудачком и выдумщиком.

Книга называлась «Жизнь великой певицы Пипинеллы, зеленой канарейки, или В клетке тоже поют». К сожалению, глупые книготорговцы продавали книгу в зоомагазинах, там же, где продавались и канарейки, оттого до сих пор мало кто о ней знает. Наверняка и вам она не попадалась, поэтому я сейчас расскажу историю Пипинеллы так, как сама канарейка поведала ее доктору Дулиттлу.

— Люди думают, что нет ничего скучнее, чем жизнь в клетке, — начала свой рассказ Пипинелла. — А мне кажется, что жизнь намного скучнее у свободных птиц. Я не раз беседовала сквозь открытое окошко с дроздами и скворцами. Боже, от их рассказов я начинала зевать, и меня неудержимо клонило в сон.

Послушайте же историю моей жизни.

Я родилась в большой клетке. Моим отцом был ярко-желтый самец канарейки, а матерью — самочка зяблика с зелеными перышками. Именно поэтому мои братья и сестры, а нас было шестеро, получили от рождения такую же окраску, как и я.

Первые дни глаза у нас не открываются, поэтому мы сидели, ничего не видя вокруг, и только разевали рты, когда родители нас кормили. А они были очень заботливые и любящие и кормили нас по четырнадцать раз на день.

— Вот бы мне так! — мечтательно вздохнул Хрюкки. — Меня никогда так не кормили.

Доктор Дулиттл строго посмотрел на поросенка и сказал:

— Ты очень плохо воспитан, Хрюкки. Невежливо перебивать других.

И он снова повернулся к Пипинелле и спросил:

— А как же вы узнавали, что родители принесли вам еду, если у вас еще не открылись глаза? Не могли же вы все время сидеть с раскрытыми ртами?

— У нас было очень уютное гнездышко, которое соо-

рудила нам мать, — отвечала Пипинелла. — Как только родители усаживались на край гнезда, мы догадывались об этом по легкому вестерку от их крыльев и сразу же разсвали рты.

Я не раз в своей жизни видела человеческих детенышей — они сначала открывают глаза и только потом учатся говорить. У птенцов все наоборот: они еще ничего не видят, но уже щебечут.

— Какие глупости! — опять перебил ее Хрюкки. — О чем вы можете щебетать, если еще ничего не видели? Весь ваш щебет выеденного яйца не стоит.

Канарейка смерила поросенка презрительным взглядом и сказала:

— В этом-то и состоит разница между птенцами и поросятами. Мы с закрытыми глазами понимаем больше, чем вы с открытыми. Наверное, мы рождаемся с запасом ума, а вам еще надо его набираться. Хотя многие из вас, — при этих словах она многозначительно взглянула на Хрюкки, — похоже, никогда его не наберутся.

Однако давайте вернемся к птенцам. Я ведь собиралась рассказывать вам о них, а не о поросятах.

О чем же мы говорили, пока сидели слепые в гнезде? Каждый из нас по-своему пытался представить себе окружающий мир, и мы рассказывали друг другу, что же увидим, когда наконец откроем глаза.

Как известно, у людей есть пять чувств: они слышат, видят, различают вкус и запах, воспринимают предметы на ощупь. У нас, у птиц, есть еще шестое чувство. Что это такое, очень трудно объяснить. Мы словно угадываем, что нас окружает. Это чувство развилось у нас, пока мы сидели слепые в гнезде.

Мы слышали, как шуршат мыши под полом, как ветки деревьев стучат в окно.

— Сегодня дует сильный ветер, да? — спрашивали мы отца.

— Очень сильный, — отвечал отец. — Он дует с севера. Только северный ветер сгибает ветки жасмина так, что они стучат в окно. Прочие ветры сгибают жасминовый куст в другую сторону.

Вот так, по мелодии, которую ветки выстукивают на оконных стеклах, мы узнавали, откуда дует ветер.

Благодаря шестому чувству мы знаем, где искать корм, где и как вить гнезда, в каких краях спастись от холода. И все это мы узнаем неизвестно как.

И вот наступил волнующий день — мы открыли глаза. До сих пор для меня осталось загадкой, как мы узнали, что следующим утром наши глаза откроются. Мы не спали всю ночь, ждали. Каждому хотелось быть первым, первым увидеть окружающий нас мир.

То, что мы увидели, по правде говоря, разочаровало нас. Вместо зеленого луга и тенистого леса мы увидели прутья клетки, а за ними просторную комнату. Итак, наш мир был ограничен не только клеткой, но и стенами дома.

В комнате были цветы в горшках, пальмы в кадках и несколько других клеток с птицами. Днем в комнате хозяйничала женщина. Она сметала пыль, натирала до блеска полы, приносила нам корм. Сначала мы, птенцы, подумали, что женщина — наша хозяйка, но потом поняли, что это не так. Вечерами к нам заходил мужчина. Он проверял, чистые ли у нас клетки, сыты ли мы, есть ли у нас вода, и, если что-то было не так, он бранил женщину. Он-то и был нашим хозяином.

Он был добрый человек и хотел, чтобы нам у него жилось хорошо.

Со временем мы поняли, чем занимался наш хозяин, — он разводил певчих птиц и очень гордился, если его питомцы оказывались лучше других.

В комнатах рядом, по-видимому, тоже жили птицы, потому что время от времени оттуда доносились трели. Иногда наш отец переговаривался с соседями за стеной. Как правило, они беседовали о домашних делах, о качестве зерна, о том, что сегодня налили слишком холодную или слишком теплую воду, и о прочих пустяках.

В нашей же комнате подле нас висела еще одна клетка с канареечной семьей. А у них росли малыши. Каждое утро наша мать оценивающе смотрела на соседских птенцов и говорила отцу:

— Боже, что за уроды! А наши дети — ну просто красавчики!

Если напрячь слух, то можно было услышать, как мать соседского выводка говорила то же самое своему супругу.

У нашего хозяина были дети — двое мальчиков. Иногда они приходили к нам в комнату, глазели на нас, угощали крошками сладкой булки. Старший мальчишка просовывал свой палец сквозь прутья клетки, а на пальце у него лежала самая большая и вкусная крошка. Поначалу мы опасливо жались к противоположной стене клетки, но потом осмелели и ловко склевывали крошки с пальца. Мальчишка при этом задорно смеялся, а мы отвечали ему благодарным щебетом.

Дети часто играли на полу своими человеческими игрушками, а мы внимательно наблюдали за ними. Нам было весело смотреть на их игры, и мы всегда радовались, когда дети приходили к нам.

Мой отец, насколько я теперь могу судить, прекрасно пел. Как только у него выдавалась свободная минутка и не надо было кормить вечно голодных, прожорливых птенцов, он усаживался на жердочку и запевал песню. Как-то утром отца куда-то унесли. Я забеспокоилась и спросила у матери:

— А где же наш папа? Он к нам вернется?

— Ну, конечно, — ответила мать. В ее голосе звучала гордость. — Отца повезли на конкурс канареек. Он будет там состязаться в пении с другими птицами. Я уверена, что он не посрамит нас.

Вечером хозяин вернулся вместе с отцом. Лицо хозяина сияло от радости. Наш отец занял первое место на конкурсе! Ему не нашлось равных среди других певцов.

Хозяин рассказывал детям о конкурсе, дети восторженно смотрели на нашего отца, а он никак не мог успокоиться и продолжал заливаться трелями. Даже потом, когда хозяин и его дети ушли, отец не перестал петь и рассказывать нам о конкурсе, о том, что сказали судьи, кого и как ему удалось победить.

Может быть, со стороны наша жизнь и покажется кому-то скучной, но нам она такой не казалась. Я родилась в клетке и через какое-то время уже не представляла себе иной жизни. Иногда я смотрела в окно на деревья в саду, на прилетевших весной скворцов, на распутившиеся цветы, и тогда где-то в глубине души появлялось щемящее чувство тоски по свободной жизни. Но как-то раз я увидела, как на маленького хромого воробья с неба кам-

нем упал сокол. Когтистые лапы ухватили серый трепещущий комочек, мгновение — и сокол взмыл ввысь со своей жертвой.

Дрожа от страха, я спряталась среди братьев и сестер и благодарила судьбу за то, что она дала мне возможность жить в безопасности в четырех стенах нашего дома. Так я открыла хорошую сторону клетки: хотя она лишает нас свободы, но в то же время защищает от кошек и хищных птиц.

Глава 4

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПИПИНЕЛЛЫ

Знаете ли вы, что больше всего тревожит птицу, которая родилась в клетке? Не пища, не свобода, не любовь — нет. Ее тревожит, оставят ли ее в доме или же продадут, обменяют или просто отдадут кому-то.

Наш хозяин был настоящим любителем канареек, птиц у него было много, но еще больше у него было друзей. К нему часто приходили и приезжали, даже издалека, люди, чтобы полюбоваться на его птиц и послушать их пение.

В доме явно не хватало места для всех птичьих семей, которые там жили. У птиц вырастали дети, у тех вырастали свои дети, и конечно же хозяин не мог всех-всех оставить у себя. Как только малыши подрастали и оперялись, он отбирал тех, кто ему больше нравился и кого он хотел бы держать в своем доме. А отбирать он умел и по голосу, и по красивому оперению. Остальных он обменивал, продавал или дарил.

У меня не было ни малейшей надежды остаться с ним, потому что он никогда не брал к себе молоденьких самочек канареек.

Однажды вечером, недели две спустя после того, как мы научились самостоятельно клевать, мои родители завели беседу об этом. Мы внимательно прислушивались, ведь речь шла о нашей судьбе.

Мать сказала:

— Ах, милый, я так боюсь, что он захочет избавиться от наших детей. Ты посмотри, у него в доме уже нет места для новых клеток. К тому же он очень и очень присматривается к выводку соседей. Ума не приложу, что он в них нашел. Недотепы! Шеи длинные, худые, в чем только душа держится! Да я бы ни одного из наших детей не променяла на всю их компанию.

— Совершенно с тобой согласен, — ответил ей отец. — Смотреть не на что! Им же было бы лучше, если бы хозяин раздал их знакомым и друзьям по одному.

— По одному? — удивилась я. — А почему лучше по одному?

— Ты еще маленькая, — нравоучительно сказал отец, — и еще не знаешь жизни. Дело в том, что, чем меньше в доме канареек, тем лучше о них заботятся. Ухаживать за нами, птицами, не так уж и просто, а люди ленивы от природы. Хуже всего приходится птицам в зоомагазинах — клетки чистят лишь раз в неделю, там шумно, стоит вонь, гуляют сквозняки. Не дай Бог, вас, дети мои, отдадут торговцу птицами.

— А мне бы хотелось, — сказала я, — чтобы нас купили всех сразу, чтобы не разлучаться.

— И не надейся, — разрушил мои надежды отец. — Люди почти никогда не покупают самочек.

— Но почему? — не могла понять я. — Чем мы хуже вас, самцов?

— Потому что канареечки не поют, — объяснил отец.

Он так и сказал: «не поют», вместо «не умеют петь». Во мне всегда жил сильный дух противоречия. Не знаю, откуда у меня взялась эта черта. Наверное, мне все же следовало родиться самцом. Несправедливый приговор отца привел меня чуть ли не в бешенство.

Однако мы, канарейки, очень хорошо воспитаны, поэтому я сдержалась и мягко заметила:

— Это просто смешно, папочка. Ты же сам прекрасно знаешь, что самочки канареек рождаются с такими же голосами, как и самцы. Это вы считаете, что мы не должны петь, и запрещаете нам упражняться. Только поэтому мы и теряем в ранней молодости голос. Вы жестоки и несправедливы.

Родители расценили мои слова как бунт. Отец раскрыл рот, но ничего не смог из себя выдавить, кроме хриплого бульканья. Мать набросилась на меня:

— Да как ты смеешь! Что за дерзкая девчонка! Кем ты вырастешь, если с раннего детства грубишь взрослым. Немедленно ступай в угол клетки и стой нам в наказание, пока я не разрешу тебе оттуда выйти!

Я хотела ей напомнить, что клетка у нас круглая и в ней нет ни одного угла, но не успела: мать взмахнула крылом и закатила мне такой подзатыльник, что я кубарем скатилась с жердочки на пол.

Мне было больно и обидно, но я ни капельки не раскаивалась. Подумайте сами: только потому, что мне не разрешают петь, я с сестрами попаду в затхлый и душный зоомагазин! Где же справедливость? А ведь если бы мы умели петь, нас могла бы купить добрая хозяйка. Она бы нас любила и ухаживала за нами.

Вот так во мне созрела решимость, и я начала упражнять свой голос, чтобы в конце концов научиться петь не хуже братьев.

Пока все мое семейство день-деньской клевало зернышки и щебетало о пустяках, я отходила к дальней стенке клетки и потихоньку пела. В скором времени хозяин заметил, что я ищу уединения, и посадил меня в отдельную клетку. Здесь я могла петь сколько душе угодно. Единственное, что меня поначалу донимало, так это издевки других канареек. Они смеялись надо мной, показывали на меня крыльями и пытались допечь язвительными замечаниями.

— Вы только послушайте ее голос! — насмехались они. — Это же скрип колодезного ворота.

Но я очень скоро научилась пропускать их насмешки мимо ушей. «Смейтесь сколько вам угодно, — думала я. — Посмотрим, что вы скажете, когда я запою по-настоящему».

В один прекрасный день наш хозяин привел к себе в дом приятеля. Тот хотел посмотреть на канареек.

— Какие замечательные птицы! — восхитился приятель.

Хозяину польстило его внимание.

— Ты можешь выбрать себе любую из молодых кана-

рск, — предложил он приятелю. — Я охотно тебе ее подарю.

Лицо гостя понравилось мне. Я подумала, что он добрый человек. И мне захотелось, чтобы он выбрал меня. Увы, ему больше приглянулись птенцы наших соседей — у них было очень яркое оперение, а люди так падки на все, что блестит!

Он стоял у соседней клетки и внимательно рассматривал птенцов. И тогда я решилась на отчаянный шаг — я запела в полный голос. И хозяин и гость сразу же удивленно посмотрели на меня.

— Как красиво она поет! — сказал гость.

— То-то и странно, — недоумевал хозяин. — Ведь это самочка, а они не поют.

— Если уж ты непременно хочешь сделать мне подарок, то подари эту птицу.

Я чуть не плясала от радости. Принесли небольшую дорожную клетку, меня пересадили в нее, и я поменяла хозяина.

Клетку обернули тканью, и больше я ничего не видела. Издалека доносились голоса моей родни:

— Прощай! Будь счастлива!

Я почувствовала, что клетку поднимают в воздух и несут к выходу. Хлопнула дверь, сразу же пахнуло холодным ветром — и я впервые покинула дом. Раздался цокот лошадиных копыт, клетку приторочили к седлу, и началось мое первое в жизни путешествие.

Сквозь ткань проникали новые, незнакомые запахи. Пахло лошадиным потом, спелой пшеницей, полевыми маками. Я догадалась, что мы уже покинули город и едем по проселочной дороге среди полей. До тех пор я никогда не бывала в деревне и знала о ней только по рассказам отца, которого вывозили туда на выставки.

Наконец лошадь замедлила шаг. Теперь лошадиные копыта стучали не по мягкой дорожной пыли, а по булыжной мостовой. Мы въехали в другой город, где чирикали воробьи, ворковали голуби, лаяли собаки, бранились соседки и пронзительно кричали играющие в свои игры мальчишки.

Мы остановились. Клетку отвязали, и чьи-то руки подняли ее вверх. Раздались приветственные возгласы. Снова хлопнула дверь, и меня внесли в дом. Там царили замечательные запахи, запахи кухни: овсяной каши, сливового пудинга, тушеных овощей и яблочного пирога.

Клетку поставили на стол. Чьи-то пальцы сняли ткань, и я наконец смогла увидеть свой новый дом.

Глава 5

НОВЫЙ ДОМ

Вокруг меня стояли люди: мужчины, женщины, дети с румяными, добрыми лицами. Они улыбались и с любопытством смотрели на меня.

Комната была большая, много больше той, где я жила раньше. В ней стояли тяжелые дубовые столы и такие же стулья, потолок был сделан из толстых просмоленных бревен. На стенах висели картины, на которых были изображены сцены охоты — мужчины в красных камзолах скакали верхом за оленями. Над входной дверью красовались олени рога, а над камином — большая и страшная кабанья голова.

Меня пересадили в уютную, просторную клетку и поставили ее на подоконник. В окно был виден широкий, засаженный деревьями двор.

В новом доме было многолюдно. То и дело кто-то входил, кто-то выходил, люди менялись, появлялись новые лица, так что я даже не могла запомнить всех. Поначалу я думала, что все они родственники и друзья хозяина, но потом выяснилось, что это не так. Однажды в теплый летний день хозяйка распахнула окошко, и я увидела во дворе молодого скворца. Он носился взад-вперед по двору, собирал соломинки и конский волос, чтобы свить себе гнездо на тополе у дома.

Я уже давно не разговаривала ни с кем из птиц, и мне захотелось поболтать. Я позвала скворца, и он присел возле меня на подоконник.

— Какой странный дом, — сказала я. — Не мог бы ты объяснить, кто мой хозяин? И почему у него каждый день так много гостей?

— Сразу видно, что ты родилась в клетке, — улыбнулся в ответ скворец. — Все эти люди ему не друзья и не родственники, а этот дом — постоянный двор. Люди платят за то, что живут и кормятся здесь. Каждый день к вечеру сюда приезжает почтовая карета с севера, а по утрам — почтовая карета с юга. Здесь меняют усталых лошадей на свежих, пассажиры отдыхают и перекусывают.

Мне нравилось на постоялом дворе. Там было шумно и весело. Ухаживал за мной сын хозяина. Добрый и неплохой мальчик, несмотря на то что иногда он, заигравшись, забывал подлить мне свежей воды. Но маленький сорванец так искренне раскаивался в ошибке, что я прощала его.

После разговора со скворцом я стала внимательнее присматриваться ко всему, что происходило в доме. Но больше всего я любила прислушиваться к разговорам путешественников. Они рассказывали о дальних дорогах, бурных морях, больших кораблях.

Из клетки меня не выпускали, но я не стремилась покинуть ее. Когда настало лето, по утрам клетку выносили во двор и ставили на каменную ограду у ворот. Оттуда я видела дорогу и первой замечала почтовую карету. Сначала вдалеке показывалось легкое облачко пыли, потом облачко приближалось, увеличивалось, и наконец из него выплывала пара лошадей и сама карета. Тогда я начинала петь придуманную мной песенку. Начиналась она словами: «Выходи скорей, девчонка, и встречай гостей». Никто из людей не понимал слов моей песенки, но слуги и горничные очень быстро выучили мелодию и, как только я запевала, выходили на порог дома, чтобы помочь постояльцам внести в дом сундуки, корзины и баулы. В столовой накрывали столы, на кухне начинали ставить на огонь сковородки, конюхи выводили из конюшен свежих лошадей.

Я радовалась, когда от моей песенки весь постоянный двор вдруг начинал шуметь, люди начинали суетиться. Я чувствовала себя не пленницей в клетке, а полноправным членом этого мира.

Птицы, живущие на свободе, избегают людей. Им кажется, что люди похожи друг на друга как горошины одного стручка и что всех их следует бояться. Но это не так. Мы, выросшие в клетке, знаем, что все люди разные, они такие же разные, как и птицы.

У меня появилось много друзей среди людей. Одного из них я помню до сих пор. Это был пожилой кучер, он приезжал к нам на почтовой карете с севера. Он очень ловко управлял лошадьми, лихо въезжал в ворота постоянного двора и громко кричал мне: «Привет, Пипинелла!

А пот и я!» Он оглушительно щелкал длинным кнутом, и на этот звук выбегали конюхи, меняли лошадей, чистили упряжь, смывали грязь с поводьев. Они работали быстро и весело, а старый кучер сидел и курил трубку.

Кучера звали Джек, и я сложила для него песню. Каждый вечер, услышав щелканье длинного кнута, я запевала ее. От песни конюхи работали еще усерднее, а на лице кучера появлялась улыбка. В моей песне был звон колокольчиков, шорох скребницы по спине лошади, монотонный стук колес, а кончалась она так: «Джекки-Джек! Джекки-Джек!»

Старый Джек каждый раз угощал меня сахарными крошками. Перед тем как пойти ужинать, он просовывал сквозь прутья клетки палец, на котором лежало мое любимое лакомство...

Глава 6

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Пипинелла рассказывала свою историю очень долго — целый день. Всей этой книги не хватит, чтобы поведать о ее приключениях, поэтому дальше ее историю изложу я, и покороче.

Не многим птицам, живущим в клетках, я уж не говорю о людях, довелось прожить такую бурную жизнь, какая выпала на долю Пипинеллы.

Однажды на постоянный двор завернул человек очень знатного рода. Он услышал пение Пипинеллы и решил ее купить. Хозяин не хотел ее продавать, но, когда маркиз — а знатный человек был настоящим маркизом! — предложил за нее золотую монету, пришлось ему сдаться. Так канарейка впервые узнала, что такое деньги и какая у них сила.

Новый хозяин привез ее в свой дом. Это был даже не дом, а настоящий дворец, большой, просторный. Вокруг дома расстился парк с подстриженной травой и замечательными деревьями.

Пипинеллу посадили в серебряную клетку. Жизнь в доме-дворце совсем не походила на жизнь на постоялом дворе. Ее новый хозяин владел полями, и пастбищами, и шахтами, и фабриками. Он занимался деньгами, и только деньгами, на все остальное у него не было времени. Его жена чувствовала себя несчастной и, как ни старалась канарейка развеселить ее своим пением, бедняжка с утра до вечера грустила.

Хозяин богател, а его рабочие беднели. И вот настал день, когда бедняки стали роптать. А однажды, когда маркиз с маркизой уехали в Лондон, разгневанная толпа ворвалась во дворец, разграбила все, что можно было разграбить, и подожгла его. Когда огонь перекинулся на конюшню и псарню, сами бунтовщики вывели лошадей и собак, чтобы они не сгорели. Но Пипинелла сидела в горящем доме, и никто ее не спасал. Ее просто-напросто не заметили, ведь она сидела в клетке, подвешенной чуть ли не к потолку. Бежать она не могла и только с ужасом смотрела, как пламя гуляет по комнатам и перепрыгивает с этажа на этаж.

Бедняжка уже потеряла последнюю надежду и мысленно распрощалась с жизнью, как вдруг послышался громкий барабанный бой. Это из города прислали полк солдат, чтобы усмирить бунтовщиков и спасти от огня дворец.

Солдаты быстро погасили огонь, а один из них заметил дрожащую от страха канарейку и взял ее с собой.

— Бедная птица! — сказал солдат. — Хозяева бросили тебя на произвол судьбы. Но ничего, я возьму тебя с собой и позабочусь о тебе. погоди, я только сделаю тебе новую клетку, деревянную. Негоже мне, простому солдату, таскать с собой в походы клетку из серебра. Да и тебе, простой пичуге, она не к лицу.

Спасенная от смерти Пипинелла стала любимицей всего полка. Она жила с солдатами в казарме, сопровождала их во всех походах. Ее баловали, заботились о ней, словом, обращались как с приносящим удачу талисманом.

Именно в это время она сложила новую песенку, которую насвистывала под барабанную дробь военного марша. Песенка начиналась словами: «Я дитя полка, я крылатый стрелок».

Однажды в городе восстали рабочие. Они прогнали прочь полицию и жандармов, перегородили улицы баррикадами и приготовились скорее умереть, чем сдаться.

Полк Пипинеллы послали подавить восстание. Солдаты не хотели стрелять в безоружную толпу и сдались рабочим. Пипинелла вместе с клеткой превратилась в военную добычу и перешла в собственность к одному из рабочих.

Но к городу стянули новые войска, загрели выстрелы. Рабочих разгромили, хозяина Пипинеллы ранили, но он сумел выбраться из города вместе с птицей.

Раненый рабочий укрылся в шахтерском поселке у своего друга. Полиция рыскала по округе, искала уцелевших бунтовщиков, чтобы расправиться с ними. Кто-то выдал хозяина Пипинеллы, нагрянула полиция и увела его.

А Пипинелла осталась с шахтером.

Работа под землей очень опасна. Иногда в шахту начинает сочиться рудничный газ. Этот газ ядовит. Рудничный газ скапливается под потолком подземной выработки.

Шахтер брал с собой под землю канарейку и подвешивал клетку к потолку. Затем он принимался за работу и время от времени поглядывал на птичку — жива ли она. Если бы канарейка умерла, это было бы для шахтера сигналом опасности.

Так тянулись неделя за неделей. Канарейка не видела солнечного света, ведь каждое утро шахтер уносил ее в шахту, и только вечером они снова выбирались на землю.

Но однажды Пипинеллу увидела пожилая дама. Она предложила за канарейку хорошую цену, и шахтер согласился уступить ее.

В жизни Пипинеллы начался новый период.

Наступила весна, и хозяйка решила выдать замуж Пипинеллу. К ней в клетку посадили красивого самца. Он был не особенно умным, но очень милым и обходительным. А самое главное, у него был замечательный голос. Ни до того, ни после Пипинелла не встречала среди канареек певца, который мог бы соперничать с ее Корнелиусом — так звали жениха.

После бурных, наполненных опасными событиями дней настали дни спокойной семейной жизни. Пипинелла высиживала птенцов, затем выхаживала их, кормила, воспитывала. Забот было выше головы, и все остальные тревоги отошли куда-то далеко, как говорят люди, на задний план.

Когда птенцы подросли и оперились, их подарили многочисленным подругам хозяйки. Снова Пипинелла и Корнелиус остались одни.

И тут произошло событие, которое круто изменило жизнь канарейки. Однажды в доме появился человек, которого хозяйка наняла, чтобы он вымыл окна в доме. Мойщик окон драил стекла и весело насвистывал песенку. В его натуре чувствовалось что-то родственное птицам, он радовался жизни, он не унывал, и сразу же становилось понятно, что он моет окна только потому, что надо чем-то зарабатывать на кусок хлеба пасущного.

Мойщик окон понравился Пипинелле, и она подпевала ему. Каждое утро мойщик окон ставил клетку с канарейкой у того окна, которое собирался мыть, затем брал в руки тряпку и говорил птице:

— Ну что, споем на пару, пичуга?

Хозяйка Пипинеллы была женщина добрая, но ужасно скучная. В доме у нее все лежало на своих местах, все было чисто, все сверкало, все делалось в свое время. Но такая размеренная жизнь тяготила Пипинеллу, ей не хватало всеселья и бесшабашности, поэтому она обрадовалась, когда услышала, что мойщик окон говорит:

— Насколько помню, хозяйка, мы сторговались на пяти шиллингах. Отдайте мне вместо пяти монет эту пичугу — и мы квиты.

Хозяйка согласилась. А Пипинелла даже не сожалела, что придется расстаться с Корнелиусом. Голос, конечно, у него был замечательный, но по натуре он был запудой, и теперь, когда они остались без детей, жить с ним было не так уж и сладко.

Новый хозяин, оказывается, жил не в обычном доме, а на старой мельнице. По утрам он уходил мыть окна, после обеда возвращался, приносил хлеб, сыр, корм для канарейки, пересвистывался с птицей, а затем садился к столу и что-то до поздней ночи писал. Странное дело — все написанное он прятал под половицу.

Однажды утром он, как обычно, ушел в город. Клетка Пипинеллой висела у окошка, футах в двадцати над землей. Прошел день, наступило время ужина, но хозяин не возвратился.

Так же прошло еще два дня. Корм у канарейки уже давно кончился, вода тоже была на исходе. Пипинелла поняла, что с хозяином случилось несчастье и что на старой, заброшенной мельнице ей никто не сможет помочь. Бедняжка приготовилась к голодной смерти.

На третью ночь, под утро, разыгралась буря. Ветер тряс клетку, а потом сильный порыв сорвал ее с гвоздя и ударил о землю. Клетка разбилась, но птица, к счастью, уцелела, отделавшись испугом и легкими царапинами. До рассвета она просидела среди груды прутьев, только и оставшихся от ее бывшего дома. Когда первые солнечные лучи озарили небо, Пипинелла увидела, что она свободна.

Впервые в жизни она столкнулась со свободой, и ей еще предстояло узнать, что это такое.

Глава 7

СВОБОДА

Что заключено в этом слове, которое так часто повторяют на все лады? Рожденные свободными не знают, что это такое, потому что никогда не жили за решеткой; рожденные в неволе — потому что никогда не жили на свободе.

Поначалу Пипинелла обрадовалась свободе — ведь теперь она могла лететь, куда ей вздумается. Но очень скоро она поняла, что свобода — это еще и необходимость заботиться о себе самой. Надо было добывать корм, искать убежище, а на каждом шагу подстерегали опасности. Как только она поднималась в воздух, ей грозили хищные птицы, как только она спускалась на землю, на нее охотились кошки и ласки. Колючие ветки ежевики ранили ей крылья, часто ей приходилось устраиваться на ноч-

лег с пустым желудком. Пролетев всего лишь несколько метров, она чувствовала себя смертельно усталой. Почти весь день Пипинелла отсиживалась в темных углах старой мельницы.

Однажды голод выгнал ее из убежища, и тут же на нее бросился коршун. Пипинелла отчаянно махала крыльями, пытаясь уйти от погони, но коршун не отставал. Безжалостный хищник был уже совсем близко, и вдруг к нему метнулся зяблик. Коршун сразу же позабыл о Пипинелле и погнался за ним.

Пипинелла спряталась в колючих кустах и с трудом перевела дух. Ей даже не верилось, что она избежала смерти в когтях коршуна. А храбрый зяблик тем временем увел коршуна за собой, а потом очень ловко юркнул в густые заросли и был таков.

На следующий день он отыскал Пипинеллу и взял ее под свою опеку. Он не отходил от нее ни на шаг, во всем помогал и одним тихим вечером признался в любви.

Пипинелла была тронута его добротой и самоотверженностью и ответила ему «да». И они отправились вдвоем на поиски удобного места для гнезда, где можно было бы высидеть птенцов. Они летели рядом, и зяблик без умолку пел ей о любви.

На морском берегу у небольшого залива, где плескались волны, они нашли тенистую рощу. Рядом раскинулся цветущий луг. Лучшего места для гнезда и представить себе было нельзя. Зяблик и канарейка летали среди цветов, вили гнездо, а над рощей звенела «Весенняя песня любви».

Но счастье кончилось так же неожиданно, как и началось. Гнездо еще не было готово, как в роще появилась стая зябликов. Они насмешливо наблюдали, как выют гнездо зяблик и канарейка.

— Кого ты выбрал себе в жены? — спрашивали они мужа Пипинеллы. — Неужели ты не нашел самочку нашей породы?

Поначалу влюбленные не обращали внимания на насмешки. Но разговоры продолжались.

— Ах, какая она неуклюжая и неумелая!

Что ты в ней нашел? Лучше лети с нами в Америку. Злое чириканье отравило счастье Пипинеллы и зяб-

лика. Через два дня зяблик косился на канарейку, а на третий — гордо отвернулся от нее.

Стая зябликов поднялась в воздух и полетела через океан в Америку, а Пипинелла осталась одна на берегу.

«Наверное, так и в самом деле будет лучше, — пыталась она утешиться. — Наверное, мы и вправду не пара. Я выросла в клетке, а он — на свободе, нам не понять друг друга. Лучше мне вернуться к людям. Полечу-ка я по свету, может быть, мне удастся отыскать моего последнего хозяина — мойщика окон».

«К чему мне свобода, — думала канарейка, — если я не умею ею пользоваться? Я вернусь в клетку и буду жить рядом с хозяином. Я знаю, что нужна ему. Я буду петь ему песни, а он будет мне подсвистывать».

И Пипинелла полетела вдоль морского берега на поиски пропавшего хозяина, но нигде не встретила его следов. Тогда она подумала: «Если его нет здесь, то, может быть, я отыщу его в других странах. Полечу-ка я через море».

Бедная, наивная, глупая пичуга! Она думала, что если зяблики и другие птицы пересекают океан, то и ей это будет по плечу! Но куда было ей, выросшей в клетке неженке, до настоящих диких птиц! Она ничего не знала ни о ветрах, ни о морских течениях, ни об островах на пути, где можно передохнуть и подкрепиться.

Но храбрая сердцем Пипинелла бросилась в дорогу, как в омут головой. В пути ей пришлось туго, не выручило ее даже хваленое птичье шестое чувство. Как только родной берег скрылся из виду, она вдруг почувствовала, что смертельно устала и что сил у нее не осталось ни для того, чтобы лететь вперед, ни для того, чтобы вернуться. В отчаянии она присела отдохнуть на пучок морских водорослей.

Волны мерно покачивали канарейку, убаюкивали ее, а она сидела, сложив крылья, и ждала, что с минуты на минуту из воды вынырнет большая зубастая рыба и проглотит ее. Мимо пролетала чайка. Она заметила посреди моря перепуганную пичугу и опустилась рядом с ней на воду.

— Лети все время к югу, — сказала чайка, — и скоро доберешься до берега. А здесь тебе оставаться нельзя, к вечеру поднимется буря, и тогда тебе не спастись.

Пипинелла поблагодарила чайку и полетела к югу. Действительно, скоро она добралась до Острова Черных Деревьев — небольшого клочка суши среди океана.

Когда канарейка немного отдохнула и пришла в себя после пережитого, она облетела остров, и он ей понравился. Ярко светило солнце, добыть корм не составляло труда, а главное — там не было кошек.

«По-моему, мне здесь будет неплохо», — подумала Пипинелла и решила остаться на острове.

Местные птицы встретили ее дружелюбно. Многие из них даже ухаживали за ней, но канарейка еще слишком хорошо помнила измену зяблика и сторонилась шумных птичьих стай.

Все свободное время она сочиняла новые песни. Но, странное дело, все песни у нее получались грустные. Она пыталась петь старые песни, но они тоже звучали грустно. «Почему? Почему?» — спрашивала она себя. И неожиданно поняла, что тоскует по мойщику окон.

Канарейка еще раз облетела остров и вдруг обнаружила на высоком холме шалаш из веток и травы, а рядом с ним — привязанный к высокому столбу носовой платок. Это был платок мойщика окон. Ошибиться Пипинелла не могла — она слишком хорошо помнила тщательно заштопанную дырку посередине платка. Несомненно, ее друг был на острове и привязал свой платок к столбу, чтобы проходящие мимо корабли заметили его. Платок был знаком бедствия.

«Наверное, он попал на остров после кораблекрушения», — решила Пипинелла. — Но что же с ним случилось дальше?»

А несколько дней спустя канарейка заметила плывущий по морю корабль. «Корабль плывет к северу, может быть, даже в Англию, — сказала сама себе канарейка. — Если я полечу вслед за ним, то сумею вернуться домой».

Недолго думая, Пипинелла вспорхнула и полетела за кораблем. Но скоро погода испортилась, задул сильный ветер, пошел дождь. В поисках спасения маленькая пичуга опустилась на палубу корабля. Моряки поймали ее и посадили в клетку.

Корабль был большой, на нем плыло много пассажиров. Пипинеллу баловали, и жилось ей совсем неплохо.

Клетку повесили в парикмахерской, где уже жила еще одна канарейка. Птицы подружились и весело пересвистывались. В парикмахерскую то и дело заходили моряки и пассажиры, обменивались новостями, судачили о том о сём, и Пипинелла не скучала. Парикмахер, веселый, неунывающий человек, ловко брил бороды, подстригал усы и волосы морякам. Пипинелла тут же сочинила песенку, которую назвала «Дуэт ремня и бритвы». В ней слышался звук бритвы, которую правят на ремне, в ней булькала горячая мыльная вода, шуршала кисточка, позвякивали ножницы. Это и в самом деле был настоящий дуэт, так как исполняли его обе пленницы на два голоса.

Я не оговорился, когда сказал «Пленницы». Хотя Пипинелла и привыкла жить в клетке, на этот раз она твердо решила сбежать при первом же удобном случае и отправиться на поиски своего друга, мойщика окон. Вторая канарейка вызвалась лететь с ней. Вечерами, когда суeta в парикмахерской стихала, подруги строили планы — где и как искать бесследно пропавшего хозяина Пипинеллы.

Однажды в парикмахерскую вошли два матроса.

— Ты слышал? — спросил один из них у парикмахера.

— Еще нет, — ответил парикмахер. — А о чем я должен был слышать?

— Сегодня утром мы заметили по правому борту плот, а на нем — человека. Мы спустили шлюпку и подняли его на корабль. Бедняга ужасно исхудал, остались кожа и кости, и едва держался на ногах. Доктор уложил его в постель. Мы так и не знаем, кто он и откуда.

Сердце Пипинеллы екнуло. «А вдруг это он?» — думала она.

Через неделю, когда спасенный моряками человек немного окреп, он зашел в парикмахерскую. Его лицо заросло густой черной бородой, длинные, спутанные волосы космами падали на плечи. Парикмахер добрый час трудился над незнакомцем. Скрипела битва, щелкали ножницы, а когда все было готово, Пипинелла увидела, что предчувствие не обмануло ее. В кресле сидел мойщик окон!

Пипинелла принялась прыгать по клетке и напевать старые веселые песенки, чтобы привлечь внимание хозяина. Тот удивленно повернул голову, взгляделся в сидящую в клетке канарейку и воскликнул:

— Да ведь это моя пичуга! Откуда ты здесь, Пипинелла?

Парикмахер недоверчиво посмотрел на мойщика окон и проворчал:

— Так уж и твоя! Мы ее спасли в бурю — значит, она наша. А ты и видишь-то ее впервые.

Но Пипинелла продолжала прыгать в клетке и рдаться хозяину.

— Откройте клетку, — предложил мойщик окон, — вы увидите, что птица полетит ко мне.

Клетку открыли, и Пипинелла выпорхнула и села на плечо хозяину. Парикмахер только развел руками.

— Виданное ли дело, чтобы птица так себя вела! Придется тебе поверить. Забирай канарейку, она твоя.

Вот так Пипинелла снова вернулась к своему хозяину.

Корабль шел в Лиссабон, и, когда он бросил якорь в порту, мойщику окон, у которого не было в кармане ни гроша, пришлось наняться простым матросом на корабль, идущий в Англию. Как бы то ни было, но в конце концов они добрались до родных берегов.

Мойщик окон отправился на свою мельницу, где он жил и раньше. Все вокруг заросло высокой травой и кустарником. Мойщик окон повесил клетку с канарейкой на ветку дерева и попытался открыть дверь, но дверь не поддавалась. Тогда он решил обойти мельницу и влезть в окошко. Как только он исчез за углом, из зарослей выскочил бродяга, схватил в охапку клетку с Пипинеллой и пустился наутек.

Злая судьба снова разлучила бедняжку Пипинеллу с другом. Потом она еще много раз меняла хозяев, пока не попала в магазин, где ее по ошибке купил Мэтьюз Магг.

Глава 8

КАК, ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КТО ТАКОЙ ДОКТОР ДУЛИТТЛ?

— А как мойщик окон оказался на необитаемом острове? И почему он плавал по морю на плоту? — спросил Хрюкки, когда Пипинелла закончила свой рассказ.

Канарейка грустно покачала головой и сказала:

— Я об этом так и не узнала. Мой хозяин не догадывался, что я понимаю человеческий язык, поэтому никогда не рассказывал мне о своих приключениях. Его история так и осталась для меня тайной.

— А не могла бы ты спеть для нас «Весеннюю песню любви»? — попросил Пипинеллу доктор Дулиттл.

— С удовольствием, — ответила Пипинелла.

Все умолкли. Канарейка откинула назад головку и запела. Нежная дрожащая трель повисла в воздухе. Мелодия звучала ласково, убаюкивала, словно колыбельная. Казалось, что голос то удаляется, то приближается, ищет кого-то, блуждает по колдовским чашам и тенистым рощам. Бездна тоска сменялась надеждой, надежда — тихой грустью. Песня становилась все тише и тише и закончилась трелью, похожей на звон колокольчика. Певица уже умолкла, а серебряные чистые звуки все еще, казалось, висели в воздухе.

Слушатели — и люди, и звери — восхищенно молчали.

— Как это хорошо! — вдруг разрыдался поросенок, и слезы потекли на розовый пяточок. — Это ничуть не хуже, чем цветная капуста.

Мэтьюз Магг всегда говорил, что музыка его не трогает, но на этот раз он расчувствовался.

— Никогда в жизни не слышал ничего подобного, — сказал он. — Эта кроха — настоящее чудо. Вот бы нам показать ее лондонской публике.

Доктор на минутку задумался и вдруг поддержал своего помощника по цирковым делам:

— А ведь ты прав, Мэтьюз. Мы подготовим птичью оперу. У нас уже есть театр зверей, так почему бы не создать музыкальное представление с птицами. Мы покажем на сцене историю жизни Пипинеллы.

Мэтьюз Магг разошелся не на шутку. Он уже не сомневался в успехе.

— Мы завоюем Лондон! Хозяева театров будут вальсировать у наших ног и умолять нас, чтобы мы выступили у них. Мы озолотимся!

Но доктор Дулиттл осадил его.

— Не торопись, Мэтьюз, — сказал он. — Еще рано думать о деньгах, к тому же думать о них вообще не следует. Нам еще надо найти хор, оркестр, сшить костюмы. Да мало ли о чем еще надо позаботиться! Хотя главное у нас уже есть — голос Пипинеллы и история ее жизни.

— А как ты жила в зоомагазине? — снова вмешался в разговор любопытный поросенок.

— Да-да, — поддержал на этот раз поросенка доктор. — Что с тобой приключилось дальше?

Пипинелла взобралась на табакерку доктора и защебетала:

— Может быть, вам это покажется странным, но я ничего не слышала о вас, господин доктор. Ведь я жила среди людей, а не среди диких птиц.

Впервые я услышала о вас в зоомагазине. Магазин был ужасный — грязный, душный, кормили нас впроголодь. Особенно плохо приходилось диким птицам, которых хозяин дюжинами купал у окрестных мальчишек.

Однажды я сидела на жердочке и грустила. Я вспоминала счастливую жизнь с мойщиком окон на заброшенной мельнице. Вдруг я услышала беседу других птиц.

— Вы только посмотрите на беднягу щегла, — говорила одна из канареек. — Он даже не притрагивается к пище. С тех пор как он здесь, ему ни разу не чистили клетку.

— Вот бы здесь появился доктор Дулиттл, — мечтательно сказала ее соседка.

— Да, единственный, кто нас может спасти, — это доктор Дулиттл, — согласилась с ней первая канарейка.

Сначала я подумала, что птицы выдумали себе доктора Дулиттла точно так же, как люди выдумывают добрых волшебников, а затем ищут утешения в несбыточных мечтах.

— Даже если он появится здесь, — вмешался певчий дрозд, — он все равно не сможет купить весь магазин. Я слышал, денег у него никогда не бывает.

— Если он зайдет к нам, — не унималась первая канарейка, — я попрошу его открыть свой зоомагазин, чтобы в нем звери и птицы сами выбирали себе хозяина.

— К чему пустые разговоры, — сказал певчий дрозд. — Я живу здесь уже год, а доктор Дулиттл ни разу не появился.

«Конечно, доктор Дулиттл — выдумка», — подумала я, но на всякий случай спросила:

— А кто такой этот доктор?

Все птицы умолкли и ошарашенно посмотрели на меня.

— Как, ты не знаешь, кто такой доктор Дулиттл? — удивленно спросила канарейка.

— Не знаю, — призналась я.

— Неужели ты никогда о нем не слышала? — наперебой зачирикали птицы.

- Он единственный настоящий звериный доктор!
- Он говорит на языке канареек и на языке слонов!
- Он знает все звериные языки!
- Он помогает всем-всем!

Вот тут-то я окончательно уверилась, что доктор Дулиттл — выдумка.

Снова потянулись тоскливые недели, о которых и рассказывать-то нечего. Дни походили друг на друга как зерна в колоске. Но однажды перед витриной магазина остановились два человека.

— Доктор Дулиттл! — заверещала вдруг канарейка, чья клетка висела у самого окна. — Он пришел!

Остальные птицы выглянули в окно и дружно зачирикали:

— Это он! Он пришел, чтобы спасти нас!

«Они все сразу сошли с ума!» — подумала я. Но где-то в глубине души я все же надеялась, что вы войдете и купите именно меня. Однако в магазин вошел ваш приятель, приценился к другой птице, а меня купил только потому, что за меня просили всего три шиллинга. Уже потом, когда я услышала, как вы разговариваете с уткой, совой, поросенком и псом, я поняла, что ошибалась и что мне несказанно повезло.

— Доктор Дулиттл — выдумка! — расхохотался поросенок. — Это же надо было такое придумать!

— Мне очень жаль тех птиц, что остались в этом ужасном магазине, — сказал доктор Дулиттл. — Может быть, когда я заработаю денег, я и открою такой магазин, о каком мечтали канарейки. А сейчас нам надо подумать о том, что делать дальше. Мэтьюз... постойте, а куда девался Мэтьюз?

— Он пошел заглянуть в зверинец, — ответил О'Скалли.

— Извини, Пипинелла, — сказал Джон Дулиттл канарейке, — обожди меня одну минутку. Я должен привести сюда моего помощника господина Магга.

Доктор вышел из фургона.

— Как жаль, что история Пипинеллы закончилась, — вздохнул Хрюкки.

— Ничего она не закончилась, — возразила белая мышь. — Ее история не кончится, пока она жива. Она

рассказала нам только свое прошлое, а будущее мы увидим собственными глазами. Намного интереснее пережить приключения, чем услышать о них.

— Ну, не скажи, — заупрямился поросенок. — Когда я слушаю рассказ об обеде из двадцати блюд, это намного интереснее, чем настоящий обед, приготовленный Крякки. В рассказанном обеде всегда бывают такие вкусности, что просто слюнки текут, а Крякки обычно подает на стол тушеную капусту и овсяную кашу.

— Посмотрела бы я на тебя, если бы ты питался одними рассказанными обедами! — возмутилась Крякки.

— Не обижайся, — попросил поросенок. Он испугался, что утка откажется его кормить. — И тушеная капуста, и овсяная каша — это очень вкусно, но придуманные блюда намного вкуснее. Если бы я был художником, то рисовал бы только стол, уставленный разными лакомствами.

— А если бы ты был поэтом, — рассмеялся О'Скалли, — то писал бы стихи о морковке.

— И что же тут плохого? — не сдавался Хрюкки. — Морковь — любовь, очень хорошо рифмуется.

В эту минуту в фургон вернулся доктор Дулиттл с Мэтьюзом Маггом. Доктор затворил дверь и с торжественным лицом сел к столу.

— Пипинелла, — сказал он, — ты уже слышала, что мы здесь заговорили о птичьей опере. — Не согласилась бы ты выступить в нашем музыкальном представлении и исполнить главную роль? Это будет спектакль о твоей жизни. Мы покажем его в Лондоне. Конечно, нам еще надо будет найти других певцов, набрать хор. Очень тебя прошу, не отказывайся.

Пипинелла склонила голову и задумалась. По-видимому, маленькой пичуге было не так-то просто решиться выйти, то есть выпорхнуть на сцену перед публикой.

— Я согласна, — наконец решила она.

— Замечательно, — обрадовался доктор. — Теперь у нас есть что показать в Лондоне. Можно трогаться в путь.

Глава 9

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ПОРОСЕНКА

Все циркачи оживились, когда узнали, что отправятся в Лондон намного раньше, чем предполагали. Даже Хрюкки, который жил воспоминаниями об успехе в Манчестере, перестал донимать друзей своим хвастовством и взялся за сборы. Да и остальные звери думали теперь только о поездке в Лондон.

— Лондон — самый большой город в мире, — то и дело повторяла белая мышь, — и, если цирк доктора Дулиттла пригласили туда, значит, его цирк лучший в мире.

— Может быть, сама королева со своим двором придет посмотреть наш спектакль, — мечтал Хрюкки. — А вдруг я понравлюсь какой-нибудь принцессе, и она возьмет меня к себе во дворец?

О'Скалли уже бывал в Лондоне. Когда-то он был бродячим псом и хорошо знал лондонские улицы и предместья. Звери расспрашивали его о Лондоне, а он охотно рассказывал о чудесах большого города. Правда, все его рассказы почему-то сводились к одному — где в Лондоне можно раздобыть косточку повкуснее.

В тот же вечер Мэтьюз Магг сел в почтовую карету и поехал в Лондон. В его кармане лежало письмо к директору театра «Регент». В письме доктор Дулиттл просил директора заранее подготовить все для зверей-артистов.

Кроме оперы доктор собирался показать в Лондоне «Пантомиму из Паддлеби», и зверям снова пришлось начать репетиции.

Но, как только поросенок попытался натянуть на себя костюм Панталоне, чью роль он играл, оказалось, что у него за последнее время вырос очень толстый живот. При первом же его движении пуговицы с треском оторвались и разлетелись в разные стороны, словно пули. Но хуже было другое — как только он вставал на задние лапки, живот перевешивал и бедняга Хрюкки утыкался пятачком в землю.

Как ни старался Хрюкки, ничего у него не получалось.

Что же мне делать, господин доктор? — спрашивал он, размазывая по пяточку слезы. — Ведь без меня не получится спектакля. Я в нем самый главный.

— Ты не самый главный, а самый толстый, — отвечал ему доктор. — Тебе необходимо сесть на диету.

— Сесть на что? — не понял поросенок. — Что такое диета и почему я должен на нее садиться?

— Диета — это единственный для тебя способ сбросить вес.

— Как это — сбросить вес? — недоумевал поросенок.

— Попросту говоря, ты должен похудеть.

— А что для этого надо делать?

— Для этого надо есть поменьше.

— Теперь я понял, — уныло протянул поросенок. — Сесть на диету — значит голодать. Доктор, а нет ли другого способа похудеть? Чтобы и есть вволю, и чтобы живот не рос.

— Нет, — безжалостно ответил доктор. — С сегодняшнего дня ты будешь питаться только чаем с сухарями.

— А как же овощи? — чуть ли не плакал поросенок. — Разве мне нельзя есть морковь?

Доктор отрицательно покачал головой.

— А капусту? А свеклу? А репу?

Поросенок продолжал перечислять свои любимые овощи, а доктор при каждом названии неумолимо качал головой.

В конце концов поросенок вынужден был сдаться.

— Ладно, так уж и быть, — сказал он. — Сяду я на эту... диету.

С тех пор самым нелюбимым словом Хрюкки стало слово «диета». Но он мужественно отказался от овощей и худел прямо на глазах. Только время от времени он позволял себе пожаловаться на судьбу.

— Я знал, что искусство требует жертв, — говорил он. — Но ведь не таких тяжелых! Ну ничего, когда мы вернемся в Паддлеби, я свое наверстаю.

Через три дня вернулся Мэтьюз Магг. Лондонский театр с нетерпением ждал доктора Дулиттла и был готов принять артистов хоть завтра.

Цирк стал собираться в дорогу. Голому собраться — только подпоясаться, вот так и опытные циркачи уже в тот же день были готовы тронуться в путь.

Лошадиные копыта зацокали по вымощенной булыжником дороге, фургоны запрыгали на ухабах, за окошком сменялись леса и поля.

К вечеру цирк остановился на ночлег возле города Вендльмера. Лошадей пустили пастись, разожгли костры, и скоро уже забулькали на огне котелки.

Когда ужин был готов, путники расселись вокруг костра, подбросили в огонь хворост и взялись за ложки.

— А что это за город? — спросил О'Скалли. — Я никогда о нем не слышал.

— Он славится вкусными булочками, — ответил доктор с набитым ртом. — Булочки из Вендльмера славятся не меньше, чем пирог из Страсбурга.

— Неужели?! — взвизгнул поросенок. Он грустно жевал сухарики и искоса поглядывал на полные тарелки рисовой каши с изюмом, стоявшие перед его друзьями. — Булочки! Господин доктор, а не послать ли нам кого-нибудь в город за булочками? Еще не стемнело, и хлебные лавки еще, наверное, открыты.

— Неужели ты забыл, — строго сказал Джон Дулиттл, — что сидишь на диете? От булочек толстеют.

Хрюкки вздохнул:

— Я не забыл. Просто сидеть на этой диете очень жестко. А булочки такие мяконькие.

. Глава 10

В ЛОНДОНЕ

После ужина все уселись в фургоне.

— Пипинелла, — обратился доктор к канарейке, — может быть, ты подскажешь мне, кого из птиц стоит попросить петь в нашей опере. Нам понадобятся хорошие голоса, а они встречаются не так-то часто.

— Ах, доктор, — ответила Пипинелла. — Вам следовало бы походить со мной по зоомагазинам и послушать, как поют птицы. Наверняка нам удалось бы составить

превосходный хор. А если нам повезет, то мы отыщем моего бывшего мужа, Корнелиуса.

— Но мне нельзя заходить в зоомагазины, — возразил доктор. — Все звери и птицы сразу же станут просить, чтобы я купил их.

Джон Дулиттл огорченно молчал. Но вдруг ему в голову пришла мысль.

— Мэтьюз, — сказал он своему помощнику, — не мог бы ты походить с Пипинеллой по зоомагазинам и купить тех птиц, на которых она укажет?

Мэтьюз Магг удивился.

— А как же я узнаю, кого надо покупать? Я ведь не понимаю по-птичьи.

— Нет ничего проще, — объяснил доктор. — Ты купишь тех птиц, к чьей клетке она подлетит.

Наутро Пипинелла уселась на плечо к Мэтьюзу, и они отправились в Вендльмер. Купить там они никого не купили, зато отыскиали след Корнелиуса. Птицы из магазина рассказали Пипинелле, что недели две тому назад в магазин принесли самца канарейки с таким именем. Правда, его тут же перекупил торговец птицами из Лондона.

— Мы его непременно найдем, — сказал доктор. — Птица — не иголка, а зоомагазинов в Лондоне не так много. Лишь бы его не успели продать.

За завтраком Хрюкки снова тоскливо жевал свои сухарики. Вдруг он спросил:

— Господин доктор, а почему не толстеет О'Скалли? Ведь он ест немало.

— Это потому, — ответил Джон Дулиттл, — что он очень много бегает. Бег заменяет любую диету.

— Значит, если я буду бегать, то мне можно будет есть вволю?

— Конечно, можно.

Поросенок был готов на что угодно, лишь бы не голодать, поэтому, когда О'Скалли, Скок и Тобби решили после завтрака прогуляться по окрестностям, он увязался с ними.

Поначалу все шло хорошо. Но потом собаки учуяли зайца и бросились за ним в погоню. Длинноухий удирал, что есть мочи. Собаки не отставали. Хрюкки едва поспевал за ними и вопил:

— Какая же это прогулка? Ну что вам дался этот ко-
сой?

Неподалеку оказался крестьянский двор. На шум от-
туда выбежала огромная овчарка и присоединилась к по-
гоне. Впопыхах она не разобрала, что к чему, и приняла
за дичь поросенка. Горе-охотник Хрюкки испуганно
взвизгнул при виде оскаленной пасти и припустил назад,
к фургону.

Едва живой, задыхаясь от бега, поросенок ворвался в
фургон и забился под кровать. Поуспокоившись и отды-
шавшись, он заявил:

— Может быть, собакам бег и заменяет диету, но мне
этот способ не годится. Это собаки бывают гончие, а гон-
чих поросят не бывает.

То ли помогла диета, то ли прогулка-пробежка, но,
когда вечером Теодора принесла Хрюкки новый костюм
для спектакля, он сумел в него влезть и даже пуговицы не
оторвались. Так что дела вроде бы шли на лад.

Теодора, жена Мэтьюза Магга, целыми днями хлопо-
тала. Она готовила артистам обеды, шила костюмы, раз-
ливала чай гостям, штопала, чинила, латала. Она помо-
гала всем, кому ее помощь требовалась.

Мэтьюз Магг обо всем имел собственное мнение и
любил вставить слово поперек. Единственным челове-
ком, с кем он неизменно и во всем соглашался, была его
жена. Сам Мэтьюз, как ни старался, не сумел осилить
грамоту, поэтому он преклонялся перед Теодорой, кото-
рая когда-то училась в школе и даже имела по чтению
пятерку.

— Вы представляете, — частенько говорил он доктору
Дулиттлу, — она читает и пишет в совершенстве.

Джон Дулиттл не представлял, что значит «читать и
писать в совершенстве», но не спорил и согласно кивал
головой.

Да и зачем ему было спорить, если Теодора вела днев-
ник, то есть записывала в толстую тетрадь все, что проис-
ходило в цирке. Выглядело это примерно так: «Сегодня
прибыли в город Банбери. На чаепитии» разбили две чаш-
ки. Мальчишка влез в загон к тяни-толкаю, и тот боднул
сорванца, а при этом порвал ему штаны. За порванные
штаны пришлось уплатить полтора шиллинга».

Время от времени доктору надо было вспомнить, когда и куда они приехали, сколько дней давали представление, и тогда он обращался за помощью к Теодоре. Она раскрывала толстую, потрепанную тетрадь и быстро отвечала на все вопросы доктора.

В тот день, когда фургоны с надписью «ЦИРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА» въехали в Лондон, Теодора записала в дневнике: «Сегодня утром встали у лондонского Риджент-парка. Здесь же и будем давать представление. Доктор Дулиттл начал готовить птичью оперу».

Эту запись в дневнике Теодора подчеркнула красным карандашом. И не зря, потому что этот день был началом грандиозного успеха.

Пока артисты сколачивали помосты для выступлений и ставили шатры, доктор, не теряя времени, взялся за поиски птиц для хора. Дело было очень и очень непростое, поэтому для начала доктор попросил пролетавшего мимо воробья слетать к собору святого Павла, найти там Горлопана и сказать ему, что доктор Дулиттл желает его видеть.

Джон Дулиттл был прав — кто еще, как не родившийся в Лондоне нахальный воробей, мог ему помочь? Горлопан не заставил себя ждать, он прилетел и с лету зачирикал:

— А вот и я, доктор! Рад вас приветствовать в Лондоне!

— Здравствуй, Горлопан, — ответил ему доктор. — Мне нужна твоя помощь.

— Приказывайте, доктор, я всегда к вашим услугам. Очень приятно, что и старый Горлопан на что-нибудь вам сгодится.

— погоди, не чирикай так много, дай мне объяснить, что от тебя требуется. Подскажи мне, где в твоём родном городе можно найти птиц с хорошими голосами.

— А чем вас не устраивает мой голос? Ну да ладно, я не обижаюсь. Если вам нужны голоса потоньше, ищите их в птичьих лавках. Если потолще, погрубее, то мы их с вами найдем в один миг. Для начала отправимся в зоопарк. Конечно, птиц из зоопарка вам никто не продаст, но главное для вас сейчас — решить, кто вам нужен, а потом уж моя забота отыскать вам то, что вы выбрали. Мо-

жете заказывать хоть пеликана. Ну что, идем в зоопарк на смотрины?

— Да, идем, — согласился доктор. — Я только возьму с собой Пипинеллу, канарейку, которая будет исполнять главную роль в моей опере.

Джон Дулиттл открыл клетку, и канарейка вылетела наружу и запорхала над головой доктора.

— Рад познакомиться с тобой, певунья, — любезно прочирикал Горлопан. Он вел себя вызывающе и даже нахально только с теми, кто был больше него, — наверное, он хотел показать, что никого не боится. А маленьких и беззащитных он не задевал и относился к ним покровительственно.

Доктор Дулиттл шагал по улице, а над ним летели воробей и канарейка. Горлопан без умолку чирикал:

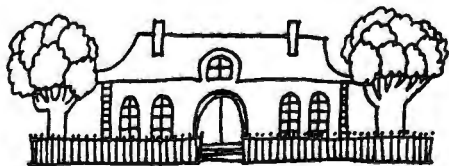
— Лети с нами, не бойся, пичуга. Я стреляный воробей и не дам тебя в обиду. Сейчас я покажу тебе зоопарк, там можно будет поклевать травки. Я знаю зоопарк вдоль и поперек, ведь я раньше там жил.

— В зоопарке? — удивилась Пипинелла. — Но там такие большие и неудобные клетки!

Горлопан в ответ рассмеялся:

— Зачем же мне жить в клетке? Я птица вольная. У меня было гнездо под крышей домика, где живут сторожа. Я всех там знаю: и сторожей, и полицейских, и зверей. Я даже знаком со львом! — И Горлопан гордо выпятил грудь. — Иногда я у него обедал... — Тут воробей понял, что перегнул палку и справедливости ради скромно добавил: — Но только тогда, когда лев спал.

— А чтобы тебя сейчас не потянуло в клетку ко льву, — сказал Джон Дулиттл, — и чтобы не пришлось выручать тебя из беды, мы сначала перекусим. Да и я сам что-то уже проголодался.

Глава 11

ПРОБА ГОЛОСОВ

У входа в зоопарк было небольшое кафе. Доктор Дулиттл присел за столик, и, пока он пил чай, птицы лакомились крошками пирога. Горлопан развлекал доктора и Пипинеллу веселыми рассказами о тех временах, когда он жил в зоопарке.

Перекусив, они отправились осматривать зоопарк. Доктор и Горлопан хотели было пойти напрямиком к птичнику — так назывался большой павильон, где держали птиц, — но не тут-то было.

Любознательная Пипинелла останавливалась у каждой клетки и во все глаза смотрела на невиданных зверей. Доктор торопил ее:

— Пипинелла, пожалуйста, поскорее. Здесь так много клеток, что ты не успеешь осмотреть их все до темноты, а нам еще надо подобрать хор.

— А это кто? — спрашивала Пипинелла, не обращая внимания на слова доктора.

Они стояли перед клеткой, в которой сидел большой и грациозный зверь в красивой меховой шубе.

— Это пума, — объяснил доктор, — она родом из Южной Америки.

— Уж не знаю, откуда она родом, но таких чистоплюек свет не видал, — принялся злословить Горлопан. — Хороша! Она следит за собой как старая дева. Я не раз встречал таких на улицах — волосы уложены, чепец накрахмален, а смотреть не на что. Вот так и эта: прихорашивается целыми днями, а кто она такая? Большая кошка, да и только.

— Ей здесь, наверное, скучно, — сказала канарейка. — Когда сидишь в клетке, кажется, что время тянется очень медленно. В таких случаях я начинаю петь.

— Я представляю, что бы было, если бы пума запела, — ужаснулся Горлопан. — К счастью, Бог не дал ей голоса. А дел у нее хватает. То она расчесывает мех, то точит когти, то убирает клетку. Мальчишки бросают ей орехи, думают, что все звери в зоопарке их едят. С тем же

успехом они могли бы угощать орехами мраморную статую. Вот она и занимается тем, что подметает клетку хвостом. Никчемное, а все-таки дело.

Горлопан, как и все птицы, терпеть не мог кошек, а большие они или маленькие, ему было все равно.

Наконец они добрались до клеток с птицами.

— Попробуйте вот этих хохотунов, господин доктор, — прочирикал воробей и махнул крылом в сторону большеголовых, длинноносых птиц. — Их хлебом не корми, дай посмеяться. Мне кажется, они смеялись бы даже на похоронах. У них сильные голоса, может быть, они вам подойдут.

Доктор всмотрелся в птиц.

— Да это ведь кукабарры из Австралии! — воскликнул он. — Конечно, голоса у них громкие, но не музыкальные.

И, словно в подтверждение, стая кукабарр в ту же минуту разразилась хохотом, таким громким, что бедняжка Пипинелла зажала уши крыльями.

— А вы не хотите поставить комическую оперу? — спрашивал воробей. — В комедии хохотуны были бы на месте.

— Ну уж нет, — возразил доктор. — Даже в комедии должны смеяться зрители, а не актеры. Веди нас в птичник.

Птичником называлась большая, просто огромная, клетка под открытым небом. Внутри клетки росли деревья, кусты, трава, там же был небольшой пруд и скалы. Птицы всех размеров и расцветок летали, сидели на ветках или бродили в воде. Там были белые и розовые фламинго, чайки, гагары, пингвины, пеликаны, райские птицы и конечно же павлины.

Доктор встал у птичника и объяснил его жителям, зачем он пришел. В птичнике начался переполох. Все птицы хотели во что бы то ни стало попасть в оперу «самого доктора Дулиттла».

— Нет, так дело не пойдет, — сказал доктор, — так я не слышу ваших голосов. Подходите ко мне по одному и пойте вашу любимую песню.

Первыми, конечно, подошли красавцы павлины.

Пипинелла во все глаза смотрела на прекрасных птиц. «Какой же у них должен быть голос, если у них такие перья?» — думала она.

Павлины открыли клювы и... не запели, а затрубили.

Ха-ха-ха! — не выдержал и рассмеялся Горлопан. — Им бы работать на море ревунами.

Работать кем? — не поняла Пипинелла.

Прости, я забыл, что ты выросла в клетке и многого не знаешь. На скалах в море ставят звуковые маяки, и они в туман ревут, чтобы корабли обходили скалы стороной. Мне приходилось бывать и на море, я многое повидал...

Горлопан еще долго хвастался бы, если бы доктор не осадил его.

— погоди, о своих невероятных приключениях расскажешь в другой раз.

Битый час птицы пели перед доктором Дулиттлом и Пипинеллой. Доктор внимательно выслушивал и тех, кто замечательно пел, и тех, кто пел не лучше Хрюкки.

Наконец он выбрал певцов для хора — пеликанов и фламинго.

— Ну вы и удружили мне, господин доктор, — жаловался воробей. — Я ведь сказал для красного словца, что раздобуду вам хоть пеликанов. Где теперь я их буду искать?

Воробей на прощанье обескураженно чирикнул и улетел. Но уже на следующее утро он вернулся и радостно сообщил:

— Я их нашел, господин доктор! Что бы вы без меня делали!

Действительно, Горлопан оказался незаменимым помощником. Ему чудом удалось отыскать в пригороде Лондона большую усадьбу, где хозяин, богатый чудак, держал пеликанов и фламинго. Доктор тут же отправился к нему.

Хозяин встретил его любезно — он был наслышан о докторе и даже читал его книги. Он провел доктора по парку, показал ему оранжерею с орхидеями, просил его совета о содержании птиц. Узнав, что речь идет о птичьей опере, он охотно согласился одолжить дюжину пеликанов и фламинго для представления.

За ужином в фургоне доктор Дулиттл расхваливал на все лады своего нового знакомого.

— Впервые в жизни встречаю умного богатого челове-

ка. Он тратит деньги не на балы, не на удовольствия и дорогие безделушки, а на птиц. Пеликанам и фламинго у него прекрасно живется. Как жаль, что у меня нет денег. Я бы их использовал точно так же, как и он.

Крякки недоверчиво хмыкнула и проворчала:

— Даже будь у вас деньги, вы бы в мгновение ока пустили их на ветер. Сколько раз они у вас появлялись и сколько раз уплывали неизвестно куда! Вам бы следовало жениться и подыскать женщину строгую и трудолюбивую.

Джон Дулиттл вздрогнул — наверное, он представил себе «счастливую» супружескую жизнь.

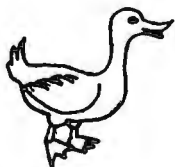
— Нет-нет! — яростно возразил он. — Тогда я не смог бы поступать по собственному усмотрению. Не огорчайся, Крякки, если нам повезет, мы заработаем на птичьей опере столько, что не будем знать, куда девать деньги.

— Это вы-то не будете знать! — крякнула утка. — Я уже отчаялась когда-нибудь вернуться в родной Паддлеби. Похоже, до конца жизни придется нам бродить из города в город и развлекать публику за пару грошей.

На глаза Крякки навернулись слезы. Из месяца в месяц она тешила себя надеждой, что доктор вот-вот возвратится в свой дом с садом, но что ни день появлялись новые препятствия. Она даже устала сетовать.

Джон Дулиттл услышал горькие нотки в голосе своей старой приятельницы и попытался ее утешить:

— Не расстраивайся, Крякки. Мы еще успеем вернуться домой. Та усадьба, где я сегодня был, напомнила мне мой сад, и я затосковал по Паддлеби, по Воловьей улице. Мы еще с тобой посидим у очага на нашей кухне.

Глава 12

ПТИЧЬЯ МУЗЫКА

Вскоре в Риджент-парк, где стоял цирк доктора Дулиттла, прибыли пеликаны и фламинго. Для них соорудили загон и обнесли его забором, чтобы приходящая на цирковые представления публика не беспокоила птиц. Конечно, пеликанам и фламинго жилось там похуже, чем в усадьбе хозяина, но птицы готовы были пойти на любые жертвы, лишь бы помочь доктору Дулиттлу.

Начались репетиции. Птиц следовало обучить уйме вещей: как выходить на сцену, как кланяться публике, да мало ли что еще следует знать артисту!

Вездесущий Горлопан сгорал от любопытства, ни на шаг не отходил от доктора и везде совал свой нос. Как ни странно, Джону Дулиттлу он не мешал. Нахальный воробей частенько бывал на театральных представлениях, которые давались под открытым небом, и поэтому кое-что смыслил в искусстве. Через день, убедившись в способностях воробья, — а они на самом деле оказались недюжинными, — доктор с легким сердцем оставил хор на попечении Горлопана.

Ежедневно, в четыре часа пополудни, маленький лондонский воробей начинал занятия с огромными птицами. Забор буквально трещал от напора зевак, пытавшихся рассмотреть в щелку презабавное зрелище.

— Какое счастье, — говорил доктор, — что люди не понимают по-птичьи. Что бы они подумали, если бы услышали, как ужасно ругается Горлопан из-за каждого неверного шага артистов!

Маленький серый воробей сидел, выпятив грудь, на ветке терновника и яростно чирикал на пеликанов и фламинго, которые рядом с ним выглядели великанами. Он был похож на старого взбесившегося капрала, распекающего неуклюжих новобранцев.

— Шаг вперед! Шаг назад! — орал воробей. — Ровней! Выше клюв! Да улыбнитесь же публике. Нет-нет, так не годится! Чего доброго, публика подумает, что перед ней сброд, попавший в полицию за пьяный дебош. О чем вы задумались, госпожа фламинго? Шаг вперед! Шаг назад! Итак, репетируем выход на сцену. Ля-ля-ля! Тру-ля-ля! Вот так!

Пока воробей муштровал хор, доктор Дулиттл отправился за город, чтобы подобрать там солистов. С ним пошла вся его звериная семейка. Выйдя на опушку леса, куда могли прилететь и полевые, и лесные птицы, они расположились на траве и подзакусили снедью, которую прихватила с собой запасливая Крякки.

Тем временем слетелись птицы, и каждая из них завела свою песню. Всем хотелось попасть в оперу доктора Дулиттла.

Это был на удивление приятный день. Уже наступила осень, но казалось, что лето опять возвращается. Светило солнце. В воздухе летали паутинки. Птицы рассыпались трелями, щебетали, насвистывали, звенели колокольчиками, словом, каждый старался как мог, чтобы понравиться доктору Дулиттлу.

Но лучше всех пел обыкновенный, невзрачный дрозд.

— Как чудесно ты поешь! — восхищенно воскликнул доктор Дулиттл, когда птица умолкла. — Это старая песня или ты сам ее сочинил?

— Это очень старая мелодия, — ответил дрозд. — Мы, дрозды, поем ее лет семьсот, не меньше. Но сегодня я спел ее по-другому, я часто пою ее иначе, не так, как остальные. Иногда она у меня выходит грустная, иногда веселая. Все зависит от того, что у меня на душе. Когда всходит солнце — я радуюсь, когда вспоминаю любимую — грущу. Когда я вижу, как воробьи купаются в пыли, песня получается насмешливая.

— Вот и превосходно, — обрадовался доктор. — Ты-то мне и нужен. Не мог бы ты сочинить музыку для хора дроздов и разучить ее со своими друзьями. Собери хор из двадцати дроздов и порепетируй с ними как следует, чтобы все пели в один голос. Я знаю, что вы, птицы, поете каждая на свой лад, но оперу будут слушать люди, а они ценят только слаженное пение. Через несколько дней я приду, и мы посмотрим, что у вас получилось.

— Можете положиться на нас, господин доктор, — гордо ответил дрозд. Подумать только — Джон Дулиттл выбрал именно его! — И музыка и хор будут готовы через три дня.

Глава 13

КОРНЕЛИУС НАШЕЛСЯ!

Через три дня доктор Дулиттл вернулся на ту же опушку леса. Дрозды не подвели — песня была готова, а хор пел на удивление слаженно. Домой доктор возвратился воодушевленным — дела шли на лад.

Он отыскал в цирке Мэтьюза Магга. Тот, как обычно, хлопотал: проверял, накормлены ли животные в зверинце, все ли готово к вечернему представлению.

— Мэтьюз, — сказал ему доктор, — завтра с утра возьмишь с собой Пипинеллу и пройдешься по зоомагазинам. Купишь тех птиц, на которых она покажет.

— Зачем? — непритворно удивился Мэтьюз. — Неужели дюжины пеликанов и фламинго недостаточно?

— Ну конечно же нет, — терпеливо объяснил доктор. — Мы ведь даем оперное представление, и в нем птицы будут играть самих себя. К тому же нам понадобятся дублеры.

— Дуб... кто? — не понял Мэтьюз.

Уж больно мудреное было это слово, а с такими словами он не ладил.

— Дублеры — это такие артисты, которые учат главные роли и могут заменить друг друга в случае болезни. Вы должны найти четырех канареек и трех зябликов. Покупай их по любой цене. Времени у нас в обрез, я обещал директору театра «Регент», что опера будет готова к началу октября.

На следующее утро Мэтьюз Магг посадил к себе на плечо Пипинеллу и весело зашагал по улицам Лондона. Через два часа он вернулся. Он был все так же бодр и весел. В руках он нес клетку.

Клетку поставили на стол, и Джон Дулиттл снял с нее бумагу, в которую ее завернули, чтобы птица, не дай Бог, по дороге не простудила горло. Внутри сидела маленькая, изящная черно-желтая канарейка.

— У нее замечательный голос, — щебетала Пипинелла, пока доктор рассматривал птицу. — Наверняка вам понравится. Но мы очень долго искали, обошли несколько магазинов, а сумели выбрать только одну птицу. А уж зяблики с хорошими голосами встречаются даже реже бриллиантов.

Новая канарейка и в самом деле понравилась доктору Дулиттлу. Вечером новенькая уже разучивала с Пипинеллой дуэт из оперы.

Поутру Мэтьюз снова взял Пипинеллу и отправился на поиски новых певцов. Когда они вернулись на этот раз, доктор издали заметил, что лицо Мэтьюза сияет яр-

чем кастрюли Крякки, а уж она-то драила свои любимые кастрюли до блеска.

Не успели они переступить порог фургона, как Пипинелла радостно защебетала:

— Какая радостная новость! Угадайте, кого мы нашли!

Доктор почесал затылок и неуверенно начал:

— Неужели...

— Да! Да! — не дала договорить ему Пипинелла. — Мы нашли Корнелиуса! Моего бывшего мужа!

— Нам повезло! — обрадовался доктор. — Удивительно, что спустя столько времени нам удалось его отыскать. Давайте сюда клетку, я хочу посмотреть на него.

— Мы нашли его совершенно случайно, господин доктор, — продолжала щебетать в возбуждении Пипинелла. — Мы наткнулись на маленький и ужасно грязный магазин в восточной части Лондона. Мэтьюз поначалу даже не хотел заходить туда, до того этот магазин походил на лавочку самого низкого пошиба. Но я подумала: «А вдруг злая судьба занесла сюда замечательных певцов? Нельзя же их бросать здесь». Я порхала у двери в магазин, пока Мэтьюз не понял, чего я хочу. Когда мы вошли внутрь, я собиралась, как обычно, пропеть от порога: «Корнелиус, ты здесь?» Однако от того, что я увидела, у меня сжалось сердце и перехватило горло, так что я не могла выдать из себя ни звука. Такой грязи не бывает даже на помойке! И тут из дальнего угла до меня доносился хриплый шепот: «Пипинелла! Это я, Корнелиус! Лети ко мне!»

Но найти Корнелиуса среди десятков набитых жалкими, грязными птицами клеток было не так-то просто. Я летала от клетки к клетке и не могла отыскать его. Тогда Мэтьюз стал поочередно снимать клетки и подносить их ко мне. Только в последней, самой дальней, я обнаружила Корнелиуса. Мы купили его за один шиллинг. Лучшего в мире певца — и всего за один шиллинг! Но он сейчас болен и не может петь, наверное, именно поэтому он и попал в этот притон. Вот она, птичья жизнь! Вот они, извилистые пути славы!

Тем временем доктор Дулиттл развернул бумагу и поставил клетку на стол. Когда-то этот самец канарейки, может быть, и был чудесного ярко-желтого цвета, но сей-

час его перья казались серыми от грязи. Он открыл клюв, но из его горла вырвался не замечательный золотой голос, о котором рассказывала Пипинелла, а хриплый шепот.

— Я простужен. У меня болит горло, — с трудом выдавил из себя Корнелиус. — В магазине гуляли сквозняки, и я заболел. Боюсь, больше мне не петь.

— Не отчаивайся, — подбодрил его доктор. — У меня есть чудо-микстура, она вмиг поставит тебя на ноги. Я сам ее изобрел для канареек с больным горлом.

Джон Дулиттл принес свой черный саквояж, порывшись в нем и достал маленький пузырек с прозрачной жидкостью. Затем он открыл клетку, протянул Корнелиусу руку и, когда тот сел к нему не палец, капнул ему в горло две капли микстуры.

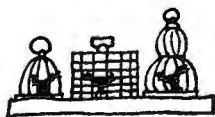
— Уже к вечеру тебе станет легче, — сказал доктор, закрывая саквояж. — Завтра утром я дам тебе еще две капли микстуры, и к вечеру ты уже будешь петь как прежде.

— Что с тобой приключилось? — прыгала вокруг Корнелиуса Пипинелла. — Как ты оказался в этом магазине?

— Да-да, пусть расскажет свою историю, — поддержал канарейку Хрюкки. Если не считать еды, он больше всего на свете любил слушать занятные истории.

Но доктор решительно воспротивился.

— Никаких историй, никаких рассказов, поумерьте свое любопытство и пожалейте больного. А ты, Корнелиус, не вздумай открывать рот. Сейчас я укрою твою клетку платком и поставлю ее поближе к печке, чтобы тебе было тепло и уютно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

ПРЕСТУПНЫЙ ПЛАН

Наутро, едва доктор проснулся и открыл глаза, до него донеслась тихая трель. Пел Корнелиус. Он явно чувствовал себя лучше, хотя еще не получил обещанные две капли знаменитой микстуры от кашля.

За завтраком Корнелиус рассказал о своих приключениях, обо всем, что с ним произошло с тех пор, как его разлучили с Пипинеллой.

По правде говоря, все его приключения сводились к бесконечной смене хозяев и магазинов. Его покупали и продавали, покупали и продавали.

Вот так в конце концов он и оказался в той жуткой птичьей лавке, где его накануне обнаружила умница Пипинелла.

— Конечно, все магазины плохи, — говорил Корнелиус, — но последний нельзя сравнить ни с чем. Там нет ни одной здоровой птицы, ни одного счастливого животного. Собаки болеют рахитом, у канареек — ангина. Но самое плохое, господин доктор, то, что хозяин скупает у мальчишек пойманных в лесу птиц. А сорванцы и рады стараться — ставят силки где ни попадя и тащат к нему все, что в них попадается. Выросшие на свободе птицы тоскуют, мечутся по клетке, пытаются вырваться на волю. Только вчера утром хозяину принесли дюжину дроздов, и он купил их всех за восемнадцать пенсов. В тот же день два из них умерли. Бедняжки с такой силой бились о прутья клетки, что размозжили себе голову. А мне-то каково было на это смотреть?

Доктор Дулиттл слушал Корнелиуса молча, и лицо его все больше и больше мрачнело. Он и так частенько поругивал хозяев зоомагазинов и торговцев птицами, но рассказ Корнелиуса, судя по всему, задел его за живое.

— А как себя чувствуют остальные дрозды? — упавшим голосом спросил доктор Корнелиуса.

— Вчера они еще были живы, — ответил тот. — Но ни один из них за весь день так и не притронулся к еде. Выживут они или нет — одному Богу известно. Но туда попали не только дрозды, ежедневно к хозяину тащат полные клетки коноплянок, щеглов, малиновок, королек — да всех и не перечислишь. Почти все они умирают, но и тем, кто выжил, не позавидуешь. Они живут только мечтой о свободе.

— Да, — мрачно сказал доктор Дулиттл, — если бы там были одни дрозды, я послал бы Мэтьюза выкупить их и отпустить на свободу. Но на всех птиц у меня не хватит денег. Это ужасно. Я знаю, что должен помочь несчастным существам, но не знаю, как это сделать.

Корнелиус попытался утешить доктора:

— Но если даже вы купите сегодня всех птиц, завтра ему принесут новых.

Но доктор не утешился, а помрачнел еще больше.

К вечеру его лицо ничуть не просветлело. За ужином он не произнес ни слова. Казалось, он забыл о птичьей опере. Пипинелла, Корнелиус и купленная раньше канарейка ждали, что он начнет с ними репетицию, но доктор молчал. Все его мысли занимал тот самый отвратительный зоомагазин.

О'Скалли и Крякки поочередно пытались отвлечь доктора от невеселых мыслей, но тщетно. Доктор отвечал односложно: «Да», «Нет», а то и вовсе не отвечал.

Когда Крякки подала чай, доктор Дулиттл оперся локтями о стол, положил лицо на сжатые кулаки и задумчиво, словно про себя, проворчал:

— А почему бы и не попробовать? А вдруг дело выгорит.

— Конечно, выгорит, — охотно поддакнул О'Скалли. — А чего вы хотите попробовать?

— Послушайте, друзья, — обратился доктор к своим зверям. — Как по-вашему, удастся мне переодеться так, чтобы никто меня не узнал?

Звери недоуменно молчали. Наконец поросенок решился спросить:

— А зачем вам переодеваться? Что плохого в том, что все звери вас узнают?

— Что касается меня, — сказал О'Скалли, — то я узнаю вас, даже если вы переоденетесь бегемотом. Я узнаю ваш запах из тысячи других. Да и любая другая собака узнает.

— Собаки — Бог с ними, с ними я всегда сумею договориться, — рассуждал, словно разговаривал сам с собой, Джон Дулиттл. — Главное — чтобы меня не узнали люди и птицы.

— Да зачем вам понадобился маскарад? — не выдержала Крякки.

— Хочу зайти в тот магазин, где продавался Корнелиус.

— А что вам там делать? — не на шутку встревожилась утка.

— Я не могу купить всех птиц, — объяснил доктор, — так попробую отпустить их на свободу просто так.

— Ура! — радостно залаял О'Скалли. — Чую, будет потеха.

— Для начала, — продолжал доктор, — я переоденусь, чтобы птицы в магазине меня не узнали, иначе они в один голос бросятся упрашивать меня купить их, поднимут шум и разбудят хозяина.

— Так вы хотите забраться в магазин ночью? — ужаснулась добропорядочная Крякки. — А что будет с нами, если вас посадят в тюрьму?

— Да, я заберусь туда ночью, — решительно произнес доктор. — Этой же ночью. Я не смогу спать спокойно, пока дрозды не окажутся на свободе.

Джон Дулиттл посвятил в свой план Мэтьюза Магга. Тот радостно потер руки и объявил:

— Я с удовольствием помогу вам, доктор. Передо мной ни один замок не устоит.

— Нет-нет, — возразил Джон Дулиттл. — Ты только помоги мне переодеться, чтобы меня не узнали. А идти со мной тебе нельзя, если нас поймают, то арестуют и посадят в тюрьму. Я не слишком много смыслю в законах, но, думается, нас посчитают обычными грабителями.

— Мне все равно, посчитают нас грабителями или нет, — рассмеялся в ответ Мэтьюз, — потому что нас не поймают. Подумаешь — невинная почная прогулка. Я бывал и не в таких персдрягах и всегда выходил сухим из воды. А если даже нас застукают, то суд оправдает. Ручаюсь головой. Во всех газетах появятся аршинные заголовки: «ДЖОН ДУЛИТТЛ ИДЕТ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЧТОБЫ СПАСТИ НЕСЧАСТНЫХ ЗВЕРЕЙ!» Да к нам в цирк после такой рекламы народ валом повалит.

— Я не уверен, что выйду сухим из воды, — сказал доктор, — но если ты настаиваешь, то так и быть — идем вместе.

Мэтьюз Магг одолжил у клоуна Хоупа коробку с накладными бородами, усами, волосами, с красками и помадами. Сначала он приклеил доктору огромную рыжую бороду и такого же цвета густые брови. Затем он отошел на два шага, придиричиво осмотрел доктора и остался недоволен.

— Нет, не годится. Мне кажется, я узнаю вас даже в кромешной тьме. Давайте попробуем добавить усы.

— Что? — не вытерпел доктор. — Ты хочешь, чтобы я стал волосатым, как обезьяна?

Вместо ответа Мэтьюз прилепнул к верхней губе доктора огромные усы с лихо закрученными вверх кончиками.

Джон Дулиттл взглянул на себя в зеркало и вскричал:

— Теперь стало еще хуже! Теперь я похож на мясника из Паддлсби. Может быть, звери меня и не узнают, но наверняка перепугаются до смерти.

Мэтьюз Магг сконфуженно оправдывался:

— Не так-то просто изменить до неузнаваемости такое лицо, как ваше. Попробуем сделать по-другому.

В эту минуту подал голос Скок, пес клоуна:

— А почему бы вам не переодеться женщиной? Ни одна птица в мире не заподозрит, что это вы. Да и усы тогда не придется наклеивать.

— Я всегда знал, что собаки сообразительнее людей, — обрадованно пролаял в ответ Джон Дулиттл и тут же обратился к Мэтьюзу по-человечески: — Ты только послушай, что предлагает Скок. Он говорит, что мне надо переодеться женщиной. Как ты думаешь, Теодора согласится одолжить мне пару одесжек из своего гардероба?

Прекрасная мысль, — ответил Мэтьюз. — Сейчас я схожу к Теодоре.

Он опрометью выбежал из фургона и через две минуты вернулся с охапкой женской одежды и самой Теодорой.

— Я заодно и жену привел, — выпалил он с порога. — Разоткуйте ей, доктор, в чем дело, и пусть поможет нам преобразить вас в настоящую даму. Сидите спокойно, не двигайтесь, сейчас я сниму с вас усы и бороду.

Звери попискивали и повизгивали от удовольствия, наблюдая, как госпожа Магг облачает доктора в широкую, всю в сборках, юбку. Тем временем ловкие руки Мэтьюза мигом превратили рыжую накладную бороду в женский парик с локонами и даже челочкой. На голову доктору водрузили чепчик, и перед всеми предстала пухленькая пожилая женщина.

— Теперь вас даже ваша сестра Сара не узнает, — сказала Бу-Бу.

— Так уж и не узнает? — усомнился доктор. — Не дай Бог с ней встретиться. Как хорошо, что она живет не в Лондоне!

Доктор направился к зеркалу, но запутался в длинной юбке и растянулся бы на полу, не подхвати его Мэтьюз Магг.

— Что же вы делаете! — вскричала Теодора. — Разве так ходят?

— Я всегда так ходил, и неплохо получалось, — оправдывался Джон Дулиттл.

— Ни одна женщина в мире не ходит так, как вы, — поучала его госпожа Магг. — Вот так, мелкими шажками, и подол придерживайте. Да не размахивайте руками, как истрепанная мельница крыльями.

Наверное, госпожа Магг была замечательной учительницей, потому что уже через пять минут доктор Дулиттл сменил не хуже самой Теодоры.

Когда стемнело, Джон Дулиттл и Мэтьюз Магг вышли на улицу. За ними бежал О'Скалли.

На улицах горели фонари. Никто из прохожих не обращал внимания на скромно одетую пару с собакой.

Наконец они добрались до восточной части Лондона. Мэтьюз нашел узкую улочку, на которой стоял магазин,

где они с Пипинеллой отыскивали Корнелиуса. Магазин был закрыт, но в окнах еще горел свет: хозяин, по-видимому, еще не ушел спать. Вдоль витрины тянулась корявая надпись: «ПОКУПАЙТЕ МИКСТУРУ ГАРРИСА — ЧУДЕСНЫЙ ЭЛИКСИР! ОНА ВМИГ ВЫЛЕЧИТ ВАШУ КАНАРЕЙКУ. ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ПЕНСА».

— Гаррис — жулик, — проворчал Джон Дулиттл. — Точно так рекламируют средство от облысения: смажьте нашим средством футбольный мяч, и к утру он обрастет волосами. И что самое печальное — находятся простаки, которые попадают на удочку.

— Господин доктор, — потянул его за рукав Мэтьюз Магг, — сдастся мне, что придется нам немного подождать. А чтобы никто не заметил, что мы околачиваемся около магазина, лучше нам где-нибудь присесть и выпить чашечку чаю. А через полчаса мы снова сюда вернемся и обстригаем наше дельце.

Они пошли вниз по улице, но в этих бедных кварталах трудно было найти даже дешевую харчевню. Так они шли и шли, пока Мэтьюз не сказал:

— Лучше вам подождать меня тут, а я рысью обегу окрестности. Должно же здесь быть хоть одно местечко, где подадут чай.

— Так и быть, — согласился доктор, — но возвращайся поскорее. Мне уже надоело таскаться по городу в этих нелепых юбках. И зачем только женщины выдумали такие одежды? По-моему, брюки намного удобнее.

Мэтьюз ушел, а доктор принялся прогуливаться взад-вперед по улице. Больше всего он боялся, что какой-нибудь случайный прохожий заметит, что он бесцельно слоняется под чужими окнами. К счастью, улица была пустынна. И вдруг...

И вдруг на улице появился прилично одетый господин, шедший под руку с дамой. Доктору показалось, что они присматриваются к нему, поэтому он круто развернулся и пошел прочь. Пара последовала за ним. Джон Дулиттл уже хотел было пуститься бегом, но внезапно почувствовал, что с него спадает юбка. Он судорожно вцепился в нее и, не зная, что делать, опустился на ступеньки.

Нежданные прохожие приближались к нему. «Сейчас

они подойдут, — мелькнуло в голове у доктора, — заговорит со мной, рассмотрят мое лицо и догадаются, что я нищий».

В ужасе он закрыл лицо руками, а когда через мгновение осторожно посмотрел сквозь пальцы, то увидел, что прохожие стоят перед ним.

— Вот картина, достойная сожаления, — правоучительно заговорил мужчина. — Как часто можно встретить нищих и бездомных в кварталах бедняков.

«Похоже, они приняли меня за нищенку», — подумал доктор.

— Несчастное создание, — продолжал мужчина, — скажи, почему ты сидишь здесь ночью?

Скрюченная фигура на ступеньках не издала ни звука.

— У тебя нет дома? — настаивал непрощеный благодетель. — И почему ты не отвечаешь? Ты немая?

«Немая! Немая! — хотелось закричать доктору. — Немая, только отстаньте от меня!»

Но он ничего не закричал, а лишь обреченно кивнул головой.

— Бедняжка, — сказала женщина сочувственно. — На вот, возьми.

И она сунула Джону Дулиттлу двухпенсовую монету. Доктор покорно принял милостыню. Но голос женщины показался ему знакомым. Он еще раз взглянул вверх и с ужасом узнал в женщине свою сестру Сару!

И тут произошло невероятное. Немая нищенка вскочила на ноги, подхватила свою юбку и с диким воплем: «Она меня не узнала! Не узнала!» — помчалась по улице.

Перепуганная насмерть Сара без чувств упала в объятия своего преподобного супруга.

Доктор сам не подозревал, что умеет так быстро бегать. В один миг он домчался до переулочка и свернул за угол. И тут же налетел на Мэтьюза Магга.

— Что случилось? — испугался тот.

— Это все Бу-Бу накаркала! — с трудом переводя дух, простонал доктор.

— Бу-Бу? Накаркала? — ничего не понял Мэтьюз.

— Сара! Она идет сюда!

Глава 2

КАРАУЛ! ПОЛИЦИЯ!

— Сара? — недоуменно воскликнул Мэтьюз. — Но откуда она здесь взялась? У нее удивительная способность появляться там, где ее не ждут и где ей появляться не следует. Если я не ошибаюсь, она вышла замуж за пастора Дрыгли.

— Ошибаешься, — поправил его доктор. — Не Дрыгли, а Дигли. Наверное, они приехали в Лондон погостить у знакомых и решили пройтись по бедным кварталам и раздать милостыню. Такая уж у меня судьба, что я вечно натываюсь на них в самую неподходящую минуту. Бежим! Сейчас они будут здесь!

Мэтьюз Магг осторожно выглянул из-за угла.

— Никого не видно, — успокоил он Джона Дулиттла. — Скорее всего, они сами перетрусили и ушли в другую сторону.

Доктор облегченно вздохнул.

— погоди, — сказал он Мэтьюзу, — нам надо найти укромный уголок и поправить юбку. Она с меня спадает. Она бы давно уже упала, если бы я не придерживал ее руками.

Сообщники нырнули в темную подворотню, и там Мэтьюз, чертыхаясь и проклиная хитроумные женские одежды, подвязал доктору юбку.

Правда, когда они вышли на свет, оказалось, что юбка подвязана слишком высоко и из-под нее выглядывают полосатые брюки доктора.

— Может быть, так и оставить? — задумчиво спросил Мэтьюз. — Да и бежать в случае чего будет легче.

Но доктор решительно воспротивился:

— Нет-нет. Я в молодости прочел уйму полицейских историй и знаю, что именно из-за таких вроде бы пустяков сыщики и нападают на след преступников.

Они снова вернулись в темную подворотню и привели одежду доктора в надлежащий вид.

— Я тут неподалеку обнаружил вполне сносную харчевню, — сказал Мэтьюз Магг. — Там чисто и чай вроде

они исплохо заваривают. Можно зайти туда — вам не мешает прийти в себя после встречи с Сарой и преподобным Фигли-Мигли.

Джон Дулиттл с трудом вытащил из-за тесного корсета часы-луковицу, взглянул на циферблат и отрицательно покачал головой:

— Нам нельзя терять время. Уже двенадцатый час, а я боюсь, что Сара заподозрила неладное и обратилась в полицию. Пора браться за дело.

Они зашагали к магазину, где томились несчастные птицы. В окнах магазина свет уже не горел, зато по другую сторону улицы прямо под фонарем стоял полицейский.

— Нам снова не везет, — шепнул доктор Мэтьюзу. — Ну что ему приспичило встать именно здесь?

Они чинно прошли мимо полицейского и завернули за угол.

— Господин доктор, — также шепотом предложил Мэтьюз, — а что, если я найду к нему сзади и приласкаю?

— Что значит приласкаю? — удивился Джон Дулиттл. — А если он обидится?

— Он не успеет обидеться, я приласкаю его ломиком.

— Не смей! — ужаснулся доктор. И тут же полюбопытствовал: — А где ты ночью раздобудешь ломик?

— Он у меня с собой, — невозмутимо сказал Мэтьюз и протянул к доктору правую руку. Из рукава сюртука торчал толстый железный прут.

— Зачем он тебе? — бранился доктор. — Откуда у тебя привычка разгуливать по ночам с ломиком?

— Зачем? Да хотя бы затем, чтобы поскорее справиться с замком на двери магазина, — без тени смущения объяснял Мэтьюз. — Не понимаю, чем вам не нравится привычка гулять с ломиком? Одни выходят на прогулку с тросточкой, другие — с зонтиком, а я — с ломиком.

— Ради Бога, — взмолился доктор, — спрячь свой ломик подальше! Лучше нам переждать, пока полицейский сам не уйдет. Не может же он торчать здесь всю ночь! А что, если попробовать проникнуть в магазин со двора?

— Не выйдет, господин доктор, — возразил Мэтьюз Магг. — В магазине нет черного хода, во двор выходят только окна. Конечно, их можно разбить, но звон стекол

переполошит весь дом. А стеклорез я, как на грех, с собой не захватил.

Долгие и напряженные полчаса сообщники прятались за углом дома и время от времени выглядывали оттуда, чтобы проверить, не ушел ли полицейский. Наконец страж порядка потянулся, широко зевнул и побрел вдоль по улице.

— Пора, — шепнул Мэтьюз и вытащил из рукава ломик. — Если вдруг нас накроют, — говорил он, шагая по улице рядом с доктором, — ругайтесь и возмущайтесь. Представим дело так, будто мы случайно увидели, что дверь в магазин открыта, и зашли предупредить хозяев. Но если заварится каша, сбрасывайте юбку и пускайтесь наутек. Ну, вот мы и пришли. Смотрите в оба, не идет ли кто по улице, а я тем временем займусь замком.

Доктор послушно стал под фонарем и завертел головой во все стороны. При этом он лихорадочно шептал:

— Мэтьюз, прошу тебя, не повреди дверь и не сломай замок. Нельзя наносить другим ущерб. Главное — освободить птиц.

— Можете на меня положиться, — улыбнулся Мэтьюз и ловко принялся за дело. — Никто никогда не сможет больше воспользоваться этим замком. У меня с замками старые счеты, и если я их ломаю, то раз и навсегда. Какой же тут ущерб хозяину? Вот и готово. Заходите, почувствуйте себя как дома.

Доктор посмотрел на сообщника. Тот уже прятал в рукав чудо-ломик и раскланивался на пороге распахнутой двери.

Они вошли в магазин. Мэтьюз Магг тихонько затворил за собой дверь, вытащил из кармана пару тряпок и протянул их доктору.

— Обмотайте ваши башмаки, чтобы не топать слишком громко, а я зажгу фонарь.

Он огляделся, цокнул языком и тоном знающего человека продолжил:

— Пожалуй, обойдемся без фонаря. И так светло.

Доктор стоял в темноте и не знал, куда ему двигаться. Постепенно его глаза привыкли к царившему в магазине полумраку. Мутный свет от уличных фонарей с трудом проникал сквозь запыленные окна. Вонь от давно не чистых клеток затрудняла дыхание.

— Мэтьюз, пожалуйста, распахни окно во двор, — умолялся полузадохшийся доктор.

Мэтьюз повиновался, и в магазине стало немного светлее. Все пространство от пола до потолка было занято клетками, прикрытыми грязными, давно не стиранными тряпками.

Джон Дулиттл заходя расспросил Корнелиуса, где стояли клетки с дроздами и другими птицами, родившимися на воле, и теперь осторожно крался по узким проходам и безошибочно находил то, что искал. Его огромные, обмотанные тряпками ботинки ступали бесшумно.

Прохладный ночной воздух струился в душное помещение. Доктор относил Мэтьюзу клетку за клеткой, а тот одним движением распахивал дверцу и выпускал на свободу удивленных птиц. Не раздумывая, птицы взмахивали крыльями и улетали. Одна за другой они взмывали над утрюмым двором, над печными трубами Лондона и направлялись за город, где их ждала свобода.

Передавая Мэтьюзу последнюю клетку с дроздом, доктор спросил:

— Были ли в клетках мертвые птицы?

— Пока ни одной, — шепотом ответил Мэтьюз.

— Слава Богу, — обрадовался доктор, — как хорошо, что мы прибыли вовремя и спасли бедняжек. А теперь настал черед скворцов.

И доктор углубился в нагромождение клеток и ящиков. Все клетки были закрыты тряпками, и в полумраке доктору оставалось только гадать, какие птицы в них сидят. А отпускать на свободу следовало лишь тех птиц, которые были рождены свободными.

К счастью, в магазине было всего лишь две собаки: старый, потерявший нюх бульдог и молодая глупая овчарка. Обе они крепко спали в конуре у входа. Дверь в конуру была закрыта на засов.

Джон Дулиттл долго бродил впотьмах по магазину, пока не обнаружил наконец большую клетку, полную скворцов. Мэтьюз Магг распахнул дверцу, и скворцы упорхнули вслед за дроздами. За ними последовали зяблики.

Через каждые несколько минут Мэтьюз шипел на доктора:

— Да не громыхайте же так, замрите!

Доктор послушно замирал, иногда даже с поднятой ногой, не решаясь опустить ее вниз, а Мэтьюз прислушивался к шорохам, доносившимся со второго этажа, где была квартира хозяина. Как только Мэтьюз убеждался, что господин Гаррис продолжает поживать сном праведника, он снова шипел доктору:

— Принимайтесь за дело, но ведите себя тише воды ниже травы.

И доктор снова принимался за дело. Он бродил по магазину, заглядывал в клетки и искал несчастные создания, погибающие от тоски по родным полям и лесам.

И вдруг Джон Дулиттл услышал, как переговариваются попугаи.

— Ты слышишь? — спросил один из них. — Здесь кто-то бродит.

— Слышу, — тревожно скрипнул второй попугай. — Поэтому я и проснулся. Может быть, бульдог вышел прогуляться ночью?

— Собаки закрыты на засов, — возразила первая птица. — А что, если это кошка? Днем хозяину принесли пару сиамских кошек, и он сунул их в ящик у двери. Я знаю тот ящик. Он ненадежный. Кошкам ничего не стоит выбраться оттуда на свободу.

— Готов держать пари, что это кошка, — чуть ли не взвизгнул второй попугай. — Только они умеют красться так тихо. Надо сейчас же разбудить хозяина.

— Ни в коем случае, — шепнул доктор на языке попугаев. — Молчите!

— Ты слышал? — испуганно завопил второй попугай. — Кто-то заговорил с нами на нашем языке! Или мне почудилось?

— Нет, не почудилось! — продолжал доктор Дулиттл.

Но уговаривать попугаев замолчать было уже поздно. Их болтовня успела разбудить многих птиц. Со всех сторон из клеток несло скрипывание жердочек, хлопанье крыльев, сонное щебетание.

Доктор в отчаянии замахал руками Мэтьюзу — сказать ему что-либо по-человечески он не мог, иначе птицы встревожились бы еще больше. Так он и стоял и молча махал сообщнику руками, чтобы тот как можно быст-

рсе уносил ноги, и вдруг у него зачесался нос. Доктор потер его пальцем — не помогло. Потер всей пятерней — не помогло. Нос чесался все больше, и наконец Джон Дулиттл оглушительно чихнул.

Так громко чихают только люди — слоны и те чихают тише.

— Здесь человек! Здесь человек! — застрекотал в панике попугай. — Злоумышленник!

Ничего не понимающий Мэтьюз удивленно таращился на Джона Дулиттла, а тот продолжал размахивать руками: «Уходи!» — и лихорадочно соображал, что же ему делать — то ли тоже пуститься в бегство, то ли открыться попугаям.

В конце концов он выбрал бегство.

Но было уже слишком поздно — так всегда бывает с теми, кто долго раздумывает. Второй попугай уже успел пораскинуть мозгами и сказал:

— Если оно говорит как попугай и чихает как человек, то я знаю, кто оно такое. ОНО — ДОКТОР ДУЛИТТЛ.

Последние три слова попугай не сказал, а прокричал. И тут же его крик подхватила какая-то канарейка:

— Это может быть только он, и никто другой!

— Да тише, вы! — попытался утихомирить их Джон Дулиттл. — Конечно, это я. Молчите, не выдавайте меня!

Куда там! Разве в силах человек остановить лавину?

— Птицы! Просыпайтесь! — верещали наперебой канарейки и попугаи. — Просыпайтесь! К нам пришел сам доктор Дулиттл! Сбылась наша вековая мечта!

Остальные птицы подхватили их крик. Доктор Дулиттл опрометью бросился к двери, но споткнулся о мицки и растянулся во весь рост на полу. На него с грохотом посыпалась груда клеток.

— Скорее, доктор, — торопил его уже стоящий у двери Мэтьюз Магг. — Я слышу наверху голоса. Весь дом уже на ногах!

— Как же мне бежать, — простонал Джон Дулиттл, — если на мне сверху лежит груда клеток! Сначала вытащи меня из-под них!

В конуре у входа проснулись собаки и залаяли.

Мэтьюз тщетно пытался вытащить доктора из-под груды клеток. Широкая складчатая юбка мешала, она пу-

талась, завивалась, цеплялась за все, за что только можно было зацепиться.

— А это в самом деле вы, доктор? — пролаял из конуры бульдог.

— Я, я, — твякнул ему в ответ Джон Дулиттл. — Кто же еще может вляпаться в такую нелепую историю?! Прошу вас, замолчите, дайте мне унести ноги, иначе я пропал. Меня арестуют и посадят в тюрьму.

— Выпустите нас из конуры, и мы поможем вам, — решительно сказал бульдог.

— Мэтьюз, — крикнул доктор своему сообщнику, — выпусти собак и беги! Обо мне не беспокойся!

На лестнице, ведущей на второй этаж, вспыхнул свет и появился хозяин магазина господин Гаррис. В руках он сжимал кочергу.

Но Мэтьюз не потерял голову — он хладнокровно, на глазах у хозяина, подошел к конуре и отодвинул засов. Хозяин уже предвкушал потеху — этот олух вор сам выпустил его собак. Сейчас они зададут жару негодяям, посмевшим вломиться в его магазин!

— Караул! Полиция! — кричал господин Гаррис, бегом спускаясь по лестнице.

Но, к его удивлению, собаки бросились не на злоумышленников, а на него самого. Они повалили хозяина на ступеньки и стояли над ним, грозно скаля зубы.

Тем временем Мэтьюз Магг успел выбежать из магазина и задал стрекача. Джон Дулиттл наконец выбрался из-под груды клеток и поправлял юбку. Руки его дрожали.

— Вы никчемный человек и ведете никчемную торговлю, — сказал доктор господину Гаррису. — Я запрещаю вам торговать зверями и птицами.

Прижатый к полу собаками хозяин магазина испуганно смотрел на дородную женщину, из-под чьей юбки выглядывали брюки в полоску.

— Спасибо вам, — обратился Джон Дулиттл к собакам. — Если этот негодяй посмеет поднять на вас руку, приходите ко мне. Мой цирк стоит в Риджент-парке.

Он высоко поднял голову, переступил порог магазина и побежал вслед за Мэтьюзом Маггом.

НЕСГОВОРЧИВЫЙ ГОСПОДИН ГАРРИС

Собаки помешали господину Гаррису броситься в погоню за доктором Дулиттлом. Но как они ни скалили зубы, как грозно ни рычали, им не удалось воспрепятствовать хозяину взбежать вверх по лестнице на второй этаж, распахнуть настежь окно и заорать благим матом.

Господин Гаррис орал, не переставая, пока под его окнами не появился полицейский в чине сержанта, тот самый, которого Джон Дулиттл и Мэтьюз Магг видели напротив магазина.

Господин Гаррис был так зол, что битых пять минут булькал, пыхтел, клокотал, но никак не мог толком объяснить сержанту, что же случилось. Наконец он поуспокоился, рассказал полицейскому об ограблении и очень подробно описал внешность одного из воров.

— Они унесли моих лучших птиц ценой в десять шиллингов каждая! — причитал он, хотя даже в базарный день не смог бы выручить за замученных неволей пичуг и двух пенсов. — Они меня разорили! Поймайте их, господин сержант! Один из них был одет женщиной, лицо у него круглое и какое-то странное... доброе, что ли...

— А второй? — спросил сержант.

— Второго я толком не рассмотрел, господин сержант. Но, судя по повадкам, он отпетый разбойник.

Сержант невозмутимо выслушал не находившего себе места Гарриса, достал из кармана свисток и пронзительно свистнул два раза. Послышался топот тяжелых сапог по бульжной мостовой, и из-за угла выбежали еще двое полицейских.

— Двое неизвестных ограбили магазин, — сказал им сержант. — Один одет женщиной, другой — мужчиной. У одного лицо доброе, у другого — разбойное. Разыскать, арестовать, посадить в тюрьму. Куда они побежали? — спросил он у Гарриса.

— Туда! Нет, туда! — запутался владелец магазина. — Нет, все-таки туда!

И трое полицейских отправились на поиски дерзких

грабителей. За ними, не поспевая, семенил господин Гаррис.

Тем временем побывавший во многих переделках Мэтьюз Магг вел доктора по узким, кривым улочкам. Они долго петляли, пока не вышли к Темзе. Там они укрылись за старым, заброшенным сараем.

Мэтьюз осмотрелся, прислушался и сказал:

— Похоже, погони за нами нет. Я же говорил вам, что мы выйдем сухими из воды, а вы мне не верили. Снимайте женские тряпки, кончился маскарад.

Доктор быстренько освободился от юбки, чепчика и корсета и с явным облегчением вздохнул. Мэтьюз с размаху швырнул уже ненужную одежду в реку.

— Придется Теодоре смириться с потерей, — сказал он. — Ну да ладно, убыток не велик. А сейчас, господин доктор, нам надо бы расстаться и вернуться в цирк разными путями. Хотя вы и сменили внешний вид, нам лучше не разгуливать по Лондону парой. Береженого Бог бережет.

Джон Дулиттл проводил взглядом уплывающий по реке чепец и вдруг забеспокоился:

— А что же я надену на голову? Не могу же я ходить с непокрытой головой!

Но предусмотрительный Мэтьюз тут же вытащил из-за пазухи мятую кепку и протянул ее доктору.

— Вот вам то, что надо. В этой кепке вы будете совсем непохожи на умного человека, и вас не узнают.

— Я никогда не носил на голове ничего подобного. — Доктор попытался водрузить кепку на голову. — Она мне мала!

— Ничего страшного, — успокоил его Мэтьз. — Натяните ее на макушку и ступайте вперед. В ней вы выглядите как обитатель здешних мест. И запомните: если вдруг появится фараон...

— Фараон? — перебил его Джон Дулиттл. — Но фараоны жили в Древнем Египте!

— Я не знаю, водятся ли фараоны в Египте, — невозмутимо продолжал Мэтьюз, — но в Лондоне фараоны точно водятся. Мы так называем полицейских. Так вот, если вдруг появится фараон и остановит вас, отвечайте ему, что вы торгуете овощами вразнос и идете на рынок.

Не забудьте: вы торгуете овощами вразнос, именно поэтому вы встали так рано.

— Неужели я и в самом деле похож на торговца? — удивился доктор. Он прилаживал кепку на затылке и так и этак, но она никак не хотела там держаться.

— Не отличить. Вы только поднимите воротник сюртука и говорите попроще, без изящных выражений. До свидания, господин доктор, встретимся за завтраком.

Мэтьюз Магг завернул за угол ближайшего дома и растворился в предрассветной мгле. Доктор постоял с минуту, а затем решительно зашагал в другую сторону.

Он шел и повторял:

— Я торгую овощами вразнос. Я торгую овощами вразнос.

Но он не сумел уйти далеко. Внезапно за его спиной раздался грубый голос:

— Стой! Что ты здесь делаешь?

Доктор остановился как вкопанный, медленно повернулся и увидел в десяти шагах от себя полицейского с фонарем в руке. Бежать было поздно.

— Прошу прощения, это вы мне?

— А кому же еще? — изумился полицейский. — Ну-ка отвечай, что ты здесь делаешь ночью?

Доктор смутился — он еще не успел выучить наизусть то, что должен был отвечать.

— Я иду на рынок. Я торгую овощами вразброс... то ссть вразнос...

Полицейский поднес фонарь к доктору и осмотрел его с ног до головы — от мятой кепки на макушке до чиненных-перечиненных башмаков.

— До рынка отсюда рукой подать, — сказал полицейский. — Но ты почему-то идешь в другую сторону. Лучше признавайся по-хорошему, что ты тут делаешь.

Доктор молчал, не зная, что ответить. В соседних домах уже зажигался свет, любопытные лондонцы распахивали окна и выглядывали на улицу. Как всегда в таких случаях, слышались возгласы:

— Арестуйте его, господин полицейский, нечего ему шнырять под нашими окнами.

— Ба! Да ведь это Джек-Кровосос! Он две недели тому назад дал деру с каторги!

А на другом конце улицы уже появился еще один полицейский, за которым семенил сам господин Гаррис...

Тем временем Мэтьюз Магг кружным путем добрался до цирка. Уже светало, когда он лихо, по-мальчишески, перемахнул через ограду и зашагал к фургону. Теодора сидела у окошка и, чтобы успокоиться, вязала. Она не спала всю ночь.

— Дельце выгорело, — сказал ей Мэтьюз. — Не тревожься, доктор вернется с минуты на минуту. Я пока прилягу вздремну, а ты меня разбуди к завтраку.

Но к завтраку доктор не вернулся. И звери и супруги Магг не на шутку встревожились. Все же Мэтьюз продолжал успокаивать всех:

— Ничего страшного, я знаю, что доктор непременно выйдет сухим из воды... — И тут он ошарашенно умолк.

В ворота цирка вошел доктор медицины Джон Дулиттл, мокрый до нитки.

— Боже мой, что с вами случилось? — запричитал Мэтьюз. — Я не сомневался, что вы вернетесь одновременно со мной!

— Меня остановил полицейский и стал задавать вопросы, на которые я толком не мог ответить. К тому же появился еще один полицейский с самим Гаррисом. Уж он-то узнал бы меня, несмотря на все переодевания.

— И что же вы сделали?

— Я решил бежать, но полицейский преградил мне дорогу. Тогда я размахнулся и изо всех сил ударил его в нос. Полицейский упал, а я задал стрекача.

— И полиция не погналась за вами?

— В том-то и дело, что погналась. Пришлось прыгнуть в реку и переплыть на другой берег. Пока полицейские искали лодку, я уже выбрался на берег и был таков. Мне ужасно неприятно, что я ударил полицейского, но что мне оставалось делать?

— Вам неприятно? — расхохотался Мэтьюз. — А мне, наоборот, ужасно приятно, что вы как следует врезали фараону. У меня с полицией старые счеты. Но как вам удалось в таком виде добраться до цирка и не вызвать подозрений у прохожих?

— Не вызвать подозрений? — переспросил доктор Дулиттл. — Да за мной шла целая толпа и показывала на

меня пальцем. Хорошо еще, что никто не осмелился останавить меня.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Мэтьюз, — похоже, что мы попали в переплет. Полиция не любит, когда ее бьют в нос, и будет вас искать. А если они узнают, что по улицам Лондона разгуливал мокрый до нитки человек, то сразу же догадаются, кто это был. Вам надо переодеться в сухую одежду и спрятаться на время. Нутром чую, что еще сегодня к нам пожалуют незваные гости.

Джон Дулиттл с Мэтьюзом осторожно выглянули из фургона. Полиции не было видно. Зато они увидели бульдога и овчарку из магазина Гарриса. Они гордо шествовали через лужайку, за ними шли О'Скалли, Скок и Тобби.

Джон Дулиттл вышел им навстречу.

— Здравствуйте, — приветствовал он их, когда собачья компания подошла к фургону. — Неужели этот ужасный человек посмел поднять на вас руку за то, что вы встали на мою сторону прошлой ночью?

— Еще как! — подтвердил бульдог. — Но мы с Джерри, — при этом он кивнул на молодую овчарку, — зарычали на него. У Гарриса храбрости нет ни на грош, он сразу же струсил и позвал на помощь соседа, такого же негодяя, как и он сам, чтобы выдрать нас плеткой. Кому хочется быть битым? Вот мы и ударились в бег. Гаррис бросился за нами, ругательски ругал вдогонку, умолял прохожих помочь ему, но мы убежали. Боюсь, правда, что он выследит нас и заявится сюда.

— К чему тревожиться заранее? — беспечно сказал Джон Дулиттл. — Как тебя зовут?

— Гриф, — ответил бульдог. — Так меня назвал еще мой первый хозяин, и с тех пор я не менял имя.

— Если Гаррис осмелится прийти сюда, — прорычал О'Скалли, — мы встретим его, как он того заслуживает.

Тобби и Скок тоже зарычали и показали белые острые клыки. Они были готовы защищать своих новых друзей.

— Можешь на нас рассчитывать, — сказал Скок бульдогу и обратился к Джону Дулиттлу: — Господин доктор, Гриф говорит, что с удовольствием остался бы у нас.

— Конечно, — согласился доктор. — Джерри тоже может остаться. Правда, надо будет еще договориться с гос-

подином Гаррисом. А если он несговорчив и откажется продать вас мне?

— Да вы не беспокойтесь, господин доктор, — вмешался в разговор Мэтьюз Магг. — Даже если Гаррис подаст на нас в суд, мы отделаемся всего несколькими днями тюрьмы. Зато публика узнает о нашем цирке и валом повалит к нам. Лучшей рекламы и не придумать.

— Да, все это выглядело бы невинной шалостью, — грустно сказал доктор, — если бы я не ударил полицейского в нос. За взлом магазина нас, возможно, и не нака-

«уг слишком строго, но ни один судья не встанет на нашу сторону, когда узнает, что мы подрались с полицией.

Господин доктор, — вдруг сказал Гриф, — прошу вас, впустите меня в фургон и закройте на минутку дверь. Мне хотелось бы сообщить вам с глазу на глаз кое-что о Гаррисе, вам это может пригодиться.

Джон Дулиттл провел Грифа в фургон и закрыл дверь. Остальные собаки — О'Скалли, Тобби, Скок и Джерри — стояли на лужайке и сгорали от любопытства: какую тайну откроет доктору бульдог?

Дверь оставалась закрытой добрых десять минут. Затем она открылась и О'Скалли услышал обрывок разговора.

— Как его зовут? — спрашивал доктор.

— Дженнингс, — отвечал Гриф, — Джереми Дженнингс, он раньше жил в Уайтчепеле.

— Я запомню это имя.

Когда Джон Дулиттл сошел по ступенькам на лужайку, на крышу его дома на колесах опустилась большая стая дроздов. Они появились неожиданно, словно упали с неба.

Вожак стаи сел на плечо доктору и сказал:

— Мы хотели поблагодарить вас, господин доктор. Когда прошлой ночью нас вдруг отпустили на свободу, мы поначалу так обрадовались, что даже не спросили, кто же это сделал, — до того мы были измучены неволей. А сегодня утром дрозд, тот самый, что будет петь в вашей опере, рассказал нам, что двух его друзей из хора поймали накануне и продали в тот же магазин, где томились и мы. Но ночью их кто-то выпустил из клетки. «Это может быть только доктор Дулиттл, — сказал дрозд, — он, и никто другой». «Как же мы сами не догадались? — подумал я. — Будет невежливо с нашей стороны, если мы не поблагодарим доктора Дулиттла за доброту». Я собрал всю стаю, и вот мы здесь, чтобы сказать вам: «Спасибо, господин доктор».

— Не за что меня благодарить, — смутился Джон Дулиттл. — Я сделал только то, что должен был сделать. А вот и Гаррис! Сейчас начнутся настоящие неприятности.

Все оглянулись и увидели владельца магазина господина Гарриса собственной персоной. Он вошел в ворота

цирка, завертел головой, заметил Джерри и Грифа и бросился к ним с поднятой плеткой. О'Скалли и Скок зарычали и преградили ему дорогу.

— Не вздумайте искушать его! — крикнул собакам доктор. — Так вы ничего не добьетесь, а только все испортите. Добрый день, господин Гаррис, — перешел доктор на человеческий язык. — Рад вас видеть.

— Что за наглость! — рычал в ярости Гаррис не хуже О'Скалли и Скока. — Он разгромил мой магазин, а теперь еще говорит, что день сегодня добрый и что он рад меня видеть! Вы — вор, господин Как-вас-там! Уж теперь-то вы не отвертитесь, я видел вас ночью и узнал! И я, и вся моя семья поклянемся перед судом на Библии, что именно вы забрались в наш магазин!

— Попридержите язык! — вдруг прикрикнул на расходившегося Гарриса Мэтьюз Магг. — А не то я огрею вас метлой!

— А вот и второй вор! — вскричал Гаррис, пропустив мимо ушей угрозу, и ткнул пальцем Мэтьюза в грудь. — Вы оба попались, голубчики! Я сейчас же иду в полицию! Какие еще нужны доказательства, если мои дрозды сидят на крыше вашего фургона, а обе мои собаки тоже крутятся вокруг вас. Чем вы их приманили?

— Я не воровал ваших дроздов, — спокойно ответил доктор Дулиттл, — тем более что они не ваши. Они свободные птицы, и я только отпустил их на волю. И ваших собак я не держу на привязи, они сами убежали от вас, потому что вы плохо с ними обращались. Я готов вам за них заплатить.

— Мне не нужны ваши грязные деньги! — гордо вскинул голову Гаррис. — Собаки вернутся со мной в магазин и будут проданы честным людям. А сейчас я иду в полицию.

И он решительно зашагал к воротам цирка.

— Подождите, господин Гаррис, — остановил его доктор.

— Ждать? Ни минуты! — воскликнул хозяин магазина, но все же остановился. — К чему тратить время и выслушивать ваш вздор. Еще сегодня вечером вы окажетесь за решеткой. Там вам и место!

— Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз. Думаю, у нас найдется, о чем потолковать.

— А я не думаю! — упорствовал несговорчивый господин Гаррис. — Нам не о чем толковать, тем более с глазу на глаз! Все, что вы хотите сказать мне, скажете перед судом!

Господин Гаррис отвернулся от доктора и снова зашагал к выходу. Джон Дулиттл только развел руками и покорно сказал ему вслед:

— В суде так в суде. В самом деле, почему бы мне не рассказать о Дженнингсе в суде?

Гаррис замер на месте словно вкопанный, затем медленно повернулся.

— О ком? — хрипло спросил он. Лицо его побледнело.

— О вашем приятеле Джереми Дженнингсе из Уайт-чеппела, — повторил доктор.

Владелец зоомагазина молча вошел за доктором в фургон и затворил дверь.

Глава 4

ТЕМНОЕ ПРОШЛОЕ ГОСПОДИНА ГАРРИСА

Мэтьюз и собаки широко открытыми от удивления глазами проводили господина Гарриса.

— Что бы все это значило? — шепнул Тобби. — Он только что кипел, как чайник на огне, и вдруг остыл, как будто на него вылили ведро холодной воды. Чует мое сердце, неспроста это.

— Кажется, доктор нашел его больное место, — сказал О'Скалли.

Собаки посмотрели на бульдога, но тот притворно-равнодушно разглядывал стаю дроздов и делал вид, что все происходящее его не касается.

— Что ты наговорил доктору, Гриф? — спросил его Скок.

Но бульдог не захотел открыть тайну.

— Ничего я ему не наговорил, — ответил он. — А если и наговорил, то это касается только меня и доктора.

Как ни расспрашивали остальные собаки бульдога, тот упорно молчал. Гриф умел держать язык за зубами.

А что же в это время происходило в фургоне?

Войдя внутрь, Джон Дулиттл предложил господину Гаррису стул.

— Давайте присядем и поговорим, — сказал он.

— Нет, — с кислой физиономией отказался Гаррис, — мне некогда рассиживаться. Скажите, что вам известно о Джереми Дженнингсе.

Доктор неспешно достал трубку и табакерку, закурил и наконец заговорил:

— Я не люблю копаться в прошлом людей, да и вообще, не в моих привычках совать нос в чужие дела. Но вы угрожали мне тюрьмой за то, чего я не делал. Я не воровал дроздов, я их всего лишь выпустил из клеток, потому что они свободные птицы и вы не должны были покупать их. У вас ужасный магазин. У птиц и животных там не жизнь, а сплошное мучение. Несмотря на все это, суд может приговорить меня к тюремному заключению, хотя я вовсе не грабитель. Вы не захотели договориться со мной по-хорошему, поэтому мне придется защищаться. А чтобы у вас не оставалось сомнений в том, что защищаться я умею, скажу вам: я точно знаю, что вы скупаете и перепродаете краденое.

Лицо господина Гарриса исказилось от страха и ярости. Он подпрыгнул и стукнул кулаком по столу.

— Это ложь!

— Знакомы ли вы с неким Джереми Дженнингсом из Уайтчепела? — как ни в чем не бывало продолжал доктор. — Он частенько заглядывает к вам в магазин. А ведь он хорошо известен полиции, его не раз упекали за решетку за воровство. Если вы подадите на меня в суд, меня приговорят к нескольким неделям тюрьмы. Вам так легко не отделаться. За краденое серебро вам дадут в лучшем случае полгода.

— Я не знал, что серебро краденое, — прошептал бледный господин Гаррис.

— Полноте, — с улыбкой сказал доктор. — Зачем же вам тогда понадобилось прятать его в подвале? Кроме того, я знаю кое-что об Эдварде...

— Об Эдди? — в ужасе воскликнул Гаррис.

— Да-да, о нем самом. У него хотя и не хватает двух пальцев на правой руке, но это не мешает ему очень ловко вскрывать сейфы. А есть еще старый Джек Боттомли...

— Достаточно, — простонал Гаррис. — Откуда вы все это знаете? Неужели Дженнингс проболтался?

— Нет, он не настолько глуп, чтобы болтать о своих делишках. Смею вас заверить, мне о вас известно все. Я даже могу показать тайник, где спрятаны золотые подсвечники из дворца лорда Уиткебри.

Хозяин зоомагазина глядел на доктора глазами, полными страха и ненависти.

— Вы дьявол во плоти, — выдавил он наконец. — Что вы собираетесь делать?

Доктор раскурил погасшую трубку и медленно произнес:

— Ничего. Если вы согласитесь на мои условия.

— А если я не соглашусь? — спросил осмелевший от отчаяния Гаррис.

— Видит Бог, я не хочу впутывать в это дело полицию, — сказал Джон Дулиттл. — Но вы сами толкаете меня на это. Что же, пусть вами занимается полиция и закон. А я умываю руки.

Припертый к стене Гаррис поднял голову:

— Каковы ваши условия?

— Во-первых, — произнес доктор, — вы должны пообещать мне, что не подадите на меня в суд. Во-вторых, вы поклянетесь всем святым, что у вас есть, что больше никогда не будете скупать краденое. В-третьих, вы отдадите мне Джерри и Грифа, разумеется, я вам за них заплачу. А в-четвертых, я запрещаю вам торговать животными.

Гаррис в отчаянии воздел руки к небу и простонал:

— Вы хотите меня разорить! Как же я буду зарабатывать на жизнь?

Но доктор был неумолим.

— Уж во всяком случае, — строго сказал он, — не продажей несчастных птиц, которых для вас ловят в силки. И конечно же не торговлей краденными вещами. Вы очень ловко переплавляли ворованное золото и серебро. Так станьте литейщиком и честно зарабатывайте свой хлеб.

Лицо Гарриса скривилось от презрения. Стать рабочим? Сама мысль об этом претила ему.

— Знаю, — продолжал Джон Дулиттл, — намного проще и прибыльнее сидеть в магазине и торговать несчастными птицами. Но выбора у вас нет.

— Господин... простите, не знаю вашего имени... — умоляюще заговорил Гаррис. — У вас такое доброе лицо... Зачем же вам доводить до нищеты и без того небогатого человека. У меня семья, дети, я должен кормить их.

— Нет! — воскликнул доктор и ударил кулаком по столу так, что чашки и блюда задребезжали, а О'Скалли, сидевший под дверью, наострил уши. — У несчастных птиц тоже есть дети, и они любят их не меньше, чем вы своих. Даю вам неделю сроку, за это время вы должны распродать весь товар и закрыть магазин. Если вы этого не сделаете, то окажетесь за решеткой.

Господин Гаррис взял со стола свою шляпу. Делать ему было нечего — сжатые губы и сверкающие глаза доктора ясно говорили, что он от своего не отступит и что умолять его бессмысленно.

— Я сдаюсь, — сказал Гаррис и заскрежетал зубами от бессилия. — Итак, через неделю.

Доктор достал из кармана кошелек и отсчитал десять шиллингов.

— Вот деньги, я плачу вам по пять шиллингов за Грифа и Джерри. И запомните, я в любую минуту могу узнать о вас все, что захочу, поэтому не вздумайте потихоньку вернуться к торговле краденым.

Доктор распахнул дверь, и раздавленный, уничтоженный Гаррис буквально сполз вниз по ступенькам и медленно побрел домой.

— Это невероятно! — воскликнул Мэтьюз, провожая глазами теперь уже бывшего хозяина магазина. — Его словно подменили. Куда он пошел? Надеюсь, не в полицию?

— Нет, — ответил доктор и погладил Грифа по голове. — Думаю, теперь он будет обходить полицию стороной. А что касается торговли зверями и птицами, то он сам мне только что признался, что ему это дело смертельно надоело и он решил закрыть магазин.

Глава 5

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ХЛОПОТЫ

Мэтьюз Магг и все пять собак бросились наперебой поздравлять Джона Дулиттла с победой над Гаррисом. Доктор смущенно отводил глаза — он был человек скромный и не любил, когда его расхваливали.

И тут он увидел, что стая дроздов все еще сидит на крыше фургона.

— Ох, простите меня, пожалуйста, — сказал доктор дроздам, — в этой неразберихе я совсем о вас забыл! Я очень рад, что вы меня навестили.

— Ничего страшного, господин доктор, — ответил вожак стаи. — Пока вы задавали взбучку этому негодяю, мы успели осмотреть ваш цирк. Он нам очень понравился. И мне даже показалось, что и зверям в вашем зверинце нравится. Мы слышали, что вы хотите поставить на лондонской сцене птичью оперу. Может быть, и мы вам пригодимся в этом деле? Не подумайте, что мы хвастаемся, но такие голоса, как у нас, встречаются нечасто.

Джон Дулиттл искренне обрадовался предложению дроздов — он уже подумывал о том, что ему понадобится для оперы еще один хор, с голосами повыше.

— Спасибо, — поблагодарил он дроздов. — Мне кажется, что вы, с вашими черными блестящими крыльями, будете прекрасно выглядеть на сцене среди цветных декораций. Но у нас осталось очень мало времени: я обещал, что представление будет готово через неделю. Сумеете ли вы выучить свои роли?

— Мы постараемся, господин доктор, — пообещали дрозды.

— Вот и хорошо. Тогда, пожалуйста, подбери двенадцать певцов, и я с ними разучу ноты. Не мог бы ты мне помочь еще в одном деле? У меня в опере должны участвовать птенцы. Но вывести малышей на сцену нельзя. Они или растеряются, или расшались на глазах у публики. Нельзя ли найти маленьких, крохотных пичуг, чтобы они сыграли роль птенцов?

— А что, если пригласить корольков? — предложил

вожак стаи. — Птички меньше королька вы в нашей старой доброй Англии не сыщете. К тому же они хоть и маленькие, но сообразительные, их нетрудно будет научить. Я сегодня же слетаю в лес и приведу их сюда. Сколько корольков вам понадобится?

— Думаю, четырех-пяти вполне хватит, — ответил Джон Дулиттл.

Хотя доктор начал готовить оперу уже давно, только теперь он мог взяться за нее вплотную. Работать приходилось не покладая рук, ведь столько еще надо было успеть!

Декорации заказали одному из лучших художников. Пипинелла везде летала за доктором, а Джон Дулиттл всегда и во всем с ней советовался — как-никак это была опера о ее жизни! Иногда она говорила:

— Нет, нет! Этот куст шиповника не похож на настоящий. Когда я смотрю на это уродство, у меня пропадает голос.

И доктор отвергал работу художника и приказывал ему переделать декорацию. Так продолжалось до тех пор, пока все кусты и заросли, море под луной, горящий дворец и все прочее не было нарисовано так, как того хотела Пипинелла.

«Ужасно придирчивый этот доктор Дулиттл», — думал про себя художник. Откуда же ему было знать, что придирчивой была маленькая, незаметная пичуга, сидевшая на плече у доктора.

Прилетели корольки и тоже начали репетировать. Они играли роль проголодавшихся птенцов, поэтому репетиции им очень нравились. Еще бы — они сидели в гнезде, открывали клюв и жалобно пищали, а другие птицы, игравшие роль родителей, кормили их крошками.

По утрам корольки просыпались, сонно потягивались и говорили:

— А не пора ли нам порепетировать, что-то я проголодался.

Иногда птицы, собравшись вместе, начинали чирикать и сплетничать и поднимали такой шум, что работа шла из рук вон плохо. Тогда доктору приходилось рассаживать всех по разным углам и репетировать с каждым в отдельности. Но дело все-таки шло на лад, птицы из ко-

они лезли, чтобы угодить доктору, и скоро уже знали свои роли назубок.

Поначалу Джон Дулиттл хотел сшить театральные костюмы всем актерам. Но нарядить маленьких птиц в человеческие одежды очень трудно, поэтому он велел Теодору сшить костюмы только для фламинго и пеликанов.

Пеликаны изображали моряков, а фламинго — дам, плывущих на корабле. Пеликанам сшили матросские курточки, а на головы надели береты, фламинго разгуливали по сцене в розовых кисейных платяницах и держали в крыльях зонтики. Да-да, самые настоящие зонтики, только маленькие. Их заказали в мастерской, которая снабжала зонтиками все высшее общество Лондона.

Госпожа Магг старалась вовсю. Она была хорошая рукодельница, а иглой с ниткой орудовала не хуже, чем иными — ложкой, и костюмы получились на славу.

Горлопан продолжал репетировать с пеликанами. Теперь их следовало научить морской походке — вразвалку. С дамами-фламинго хлопот было меньше, они и так вышагивали гордо и изящно.

Как-то вечером доктор Дулиттл собрал артистов и спросил:

— Послушайте, у нас уже почти все готово, но до сих пор нет оркестра. Я знаю, что вы, птицы, можете петь и без музыки, но у людей свои привычки. Какие инструменты мы отберем в свой оркестр?

— Я еще не думала, что мы возьмем в оркестр, — ответила Пипинелла, — но твердо знаю, уж никак не скрипку и флейту. Сами по себе, может быть, они звучат и неплохо, но для птичьих песен не годятся. Нам нужен однообразный ровный звук, чтобы на его фоне переливались наши голоса.

— А не подойдет ли вам рояль? — спросила белая мышь. Она когда-то вместе со всем своим семейством жила в рояле и поэтому считала себя большим знатоком музыки. — Я прекрасно разбираюсь в этом инструменте. Лучше всех — рояли старой немецкой работы, например, рояли Штейнмеца. Но и английские рояли Уилкинсона тоже неплохи. У них молоточки обтянуты толстой мягкой кожей, которая годится для гнезда...

Белая мышь еще долго рассуждала бы о преимущест-

вах одних роялей перед другими, но Джон Дулиттл оставил ее.

— Погоди, — сказал он ей, — мы же говорим не о роялях под жилые, а о роялях для музыки!

— Для музыки? — ужаснулась белая мышь. — Нет, для музыки рояли не годятся. Еще в те времена, когда вы, господин доктор, лечили людей, один из ваших пациентов заиграл на рояле, в котором жила вся моя семья. Боже! Что это было! Мои малютки чуть не оглохли.

— Мне очень нравится, как тихо и мерно стучит швейная машинка госпожи Магг, — сказала Пипинелла. — Под такие звуки очень приятно петь.

— Вот и хорошо, — обрадовался Джон Дулиттл, — один инструмент мы нашли. Что еще?

— Нам еще понадобится, — продолжала канарейка, — ремень для правки бритв. Он будет сопровождать дуэт во втором акте, там, где я пою с моей подругой в парикмахерской на пароходе.

— Вот у нас уже два инструмента, — сказал доктор. — На швейной машинке сыграет сама госпожа Магг, а бритву о ремень будет точить один из братьев Пинто.

— Было бы также неплохо найти несколько колокольчиков, чтобы они позвякивали в начале второго акта. Там я пою песню о почтовой карете, и вот она подъезжает. Сначала бубенчики звенят тихо, словно издалека, потом все громче и громче.

— Что же, — проговорил доктор, — колокольчики мы найдем и посадим за них мальчишку.

— Мальчишку? — вскрикнула Пипинелла. — Ни в коем случае! Эти сорванцы ради шалости могут испортить нам все представление. Лучше попросить клоуна Хоупа.

— Так и быть, попросим господина Хоупа, — согласился Джон Дулиттл. — А как у нас обстоят дела с «Любовной песней зябликов»? Какой инструмент будет сопровождать ее?

— Никакой, — ответил зяблик, играющий роль возлюбленного Пипинеллы. — Эта песня настолько нежная и тихая, что любые другие звуки заглушат ее. Я даже боюсь, что публика в зале будет переговариваться, и тогда песня не будет слышна.

— Не тревожься, — успокоил зяблика доктор, — в

программке я попрошу публику вести себя как можно тише.

— А еще, господин доктор, — добавила Пипинелла, — нам понадобится садовая лейка с водой. Когда из нее льется вода, это похоже на журчание ручья. А там, где мой любимый улетает за море и оставляет меня одну, вода должна литься капля за каплей, словно идет дождь.

— Замечательно, — сказал Джон Дулиттл, — теперь оркестр у нас готов. Правда, такого оркестра еще не бывало, и я боюсь, что публика не поймет нашу музыку. Но отступать уже поздно.

Глава 6

ПИПИНЕЛЛА ИСЧЕЗЛА!

Подготовка к представлению шла полным ходом. И вдруг, когда до назначенного срока оставалось всего три дня, на доктора и его артистов неприятности посыпались одна за другой.

Сначала заболел один дрозд. Он кашлял, чихал, у него болело горло. Даже знаменитая микстура доктора Дулиттла не помогала. Потом заболели и другие дрозды. Как ни старался Джон Дулиттл, вылечить их не удавалось, дрозды не могли петь, а только беспомощно сипели. Болезнь распространялась как пожар в лесу в засушливое лето.

Джон Дулиттл боялся, что от дроздов заразятся и другие птицы и тогда представление сорвется. Он пришел к больным и сказал им:

— Друзья, я не смогу вас вылечить. Никакие микстуры и порошки вам не помогут, дело в том, что причина вашей болезни — грязный лондонский воздух. Вам надо вернуться в поля и леса, и там вы быстро выздоровеете.

Дроздам было жаль бросать доктора, но что им оставалось делать?

Стая дроздов улетела, а Джон Дулиттл принялся ломать голову над тем, кем заменить хор дроздов в опере. Выручил Горлопан.

— Господин доктор, — предложил он, — а почему бы вам не ввести в вашу оперу хор воробьев? Да, мы не такие нарядные, но выступим на сцене ничуть не хуже.

— А что, — согласился доктор, — это мысль. Только это будет комический хор.

Пришлось на ходу переделывать оперу. Теперь в четвертом акте пеликаны-матросы сходили на берег и важно расхаживали, а воробьи играли мальчишек-сорванцов, которые насмеваются над подгулявшими моряками. Может быть, от такой замены опера и не стала лучше, но уж хуже она точно не стала.

До премьеры оставалось всего два дня, как вдруг к доктору влетел зяблик и закричал:

— Пипинелла исчезла!

Доктор переполошился:

— Где она? Кто ее видел последним? Куда она могла улететь?

Единственное, что утешало доктора, так это то, что вместе с Пипинеллой исчез и О'Скалли.

— Если они вместе, то пес не даст Пипинеллу в обиду, — говорил сам себе доктор.

Конечно, Пипинеллу в опере можно было заменить другой канарейкой, которая уже разучила все песни и арии главной героини. И хотя в афишах уже было объявлено публике, что вся опера — это история жизни певицы, никто из людей не заметил бы подмены. Но доктор не хотел на это идти, потому что он часто говорил:

— Обман остается обманом, даже если никто его не замечает.

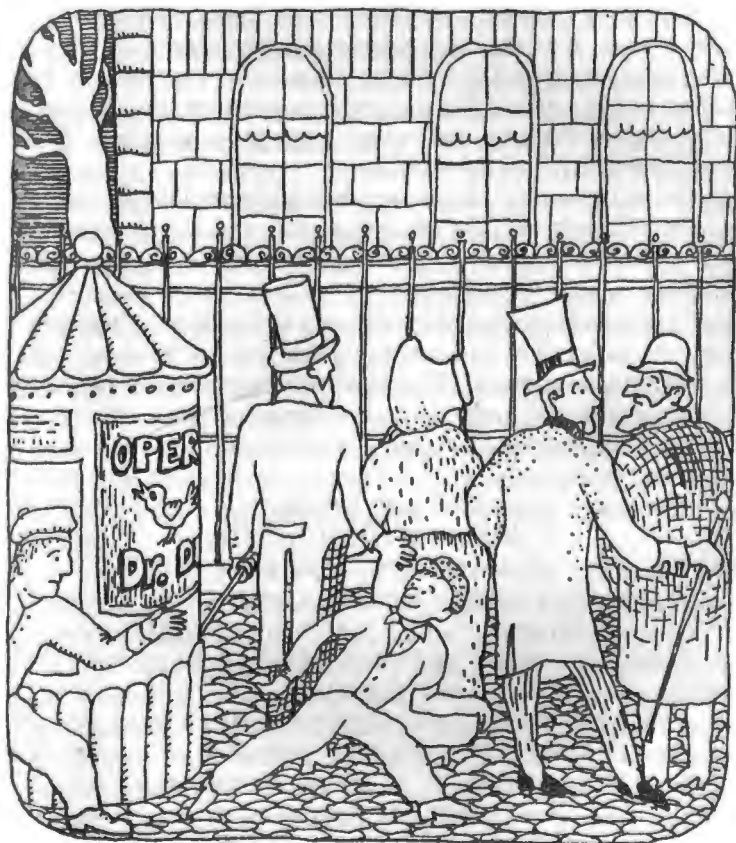
Поэтому Джон Дулиттл решил непременно разыскать Пипинеллу. Тобби и Скок позвали на помощь бродячих лондонских собак, а Горлопан — всех лондонских птиц. И только к вечеру канарейку и пса обнаружили на окраине Лондона.

Оказывается, рано утром канарейка увидела за оградой парка человека, который был удивительно похож на ее бывшего хозяина — мойщика окон. Она полетела было за ним, но он уже слишком далеко ушел. Тогда Пипинелла вернулась в цирк и позвала на помощь О'Скалли с его удивительным нюхом. Времени терять было нельзя, поэтому псс не успел никого предупредить. Он тут же бро-

сился по следу мойщика окон. Канарейка летела над ним и торопила его.

— Скорее, О'Скалли, скорее, миленький! — жалобно чирикала она.

След привел их в портовые кварталы. Там от сточных канав и гор отбросов поднимается такой запах, что даже О'Скалли потерял след. Он предложил Пипинелле вернуться, но она в отчаянии летала по узким кривым улочкам и заглядывала в лица всем прохожим. Пес не мог бросить ее одну и ходил за ней, пока их не разыскали иттицы и бродячие собаки.

Джон Дулиттл только жалобно охал, слушая рассказ О'Скалли.

— Пипинелла, умоляю тебя, не улетай из фургона, — увещевал он канарейку. — Когда начнутся спектакли и у меня появится немного свободного времени, я созову всех лондонских собак и они отыщут твоего бывшего хозяина.

Пипинелла обещала не улетать, и репетиции возобновились.

На следующий день Джон Дулиттл вместе с оперными певцами переехал из циркового фургона в небольшой особняк на той же улице, где располагался и театр «Регент», в котором должно было состояться представление оперы и «Пантомимы из Паддлеби». Каждая птичья стая поселилась в отдельной комнате: пеликаны — в гостиной, канарейки — в столовой, фламинго — в спальне, воробьи — на кухне. Пипинелле доктор отвел кабинет, Мэтьюзу и Теодоре досталась каморка привратника, а сам доктор ютился на чердаке.

Птицы весь день чирикали и щебетали, так что любопытные прохожие и вездесущие мальчишки часами стояли у дома и слушали их пение, и строили догадки: что же происходит там внутри?

Приближались рождественские праздники. Украшенные еловыми ветками витрины магазинов ломились от лакомств и подарков. На стенах домов пестрели афиши, зазывающие публику на праздничные представления. Среди них выделялась одна:

**ПТИЧЬЯ ОПЕРА,
В КОТОРОЙ ПИПИНЕЛЛА,
ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ
КАНАРЕЙКА МЕЦЦО-СОПРАНО,
ВПЕРВЫЕ ВЫСТУПИТ В ЛОНДОНЕ!
В ОПЕРЕ ПОКУТ ПТИЦЫ,
ОБУЧЕННЫЕ
ЗНАМЕНИТЫМ ДОКТОРОМ ДУЛИТТЛОМ.
СПЕШИТЕ В ТЕАТР «РЕГЕНТ».
СЛЕДУЮЩИМ НОМЕРОМ ПРОГРАММЫ
ГВОЗДЬ СЕЗОНА
ПАНТОМИМА ИЗ ПАДДЛЕБИ,**

**ВПЕРВЫЕ НА ЛОНДОНСКОЙ СЦЕНЕ
ПОСЛЕ ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНОГО УСПЕХА
В МАНЧЕСТЕРЕ!**

За день до премьеры владельцы театров и увеселительных парков дали обед в честь доктора Дулиттла и его артистов. Конечно, ни звери, ни птицы на званый обед не попали.

Доктор достал из своего сундучка старый фрак, который он ни разу не надевал с тех пор, как стал лечить зверей, облачился в него, как того требовали приличия, и отправился на обед. С ним пошли супруги Магг, клоун Хоуп, силач Геракл, акробаты братья Пинто, Генри Крокетт, дававший кукольные представления в цирке доктора, и зритель зверинца Фред.

Пир удался на славу, если не считать того, что старый и потертый фрак доктора не выдержал испытания и с треском лопнул, когда доктор, уже за чаем, потянулся к блюду с пирожными.

Мэтьюз и Теодора поначалу смущались и чувствовали себя неуютно среди столового серебра и разряженных в пух и прах жен директоров театров. Но постепенно самообладание вернулось к ним, а после смешного приключения с фраком доктора они уже чувствовали себя как дома.

Под конец директора театров принялись произносить речи. Они говорили о том, что счастливы принимать у себя доктора Дулиттла и его артистов, что для них это большая честь, что вскоре все крупнейшие театры мира будут спорить за право принять на своей сцене птичью оперу.

Скорее всего, они думали не совсем так, как говорили, но такая уж у людей привычка — думать одно, а говорить другое.

Мэтьюз Магг принял слова директоров театров за чистую монету и решил ответить любезностью на любезность. Он встал из-за стола, его распирала гордость оттого, что на него смотрят и его слушают. К директорам он обращался снисходительно — «коллеги», он нахваливал лондонские театры и лондонскую публику, он пел славу доктору и его артистам.

— Тот день, когда птичья опера предстанет перед публикой, войдет в историю театра, — говорил он. — Несомненно, доктор Дулиттл великий человек. Но кто его открыл? Я! Я уговорил его заняться цирком.

Он говорил долго и договорился бы неизвестно до чего, если бы не вмешалась Теодора. Она дернула его за полу взятого напрокат фрака и громким шепотом приказала ему замолчать. Она так и сказала:

— Немедленно замолчи, а не то...

Мэтьюз не стал дожидаться, когда она закончит, умолк и сконфуженно сел на свое место.

Силич Геракл тоже решил сказать слово, но он был краток:

— Я не мастер говорить (что я действительно хорошо делаю, так это поднимаю тяжести), но скажу вам одно: лучшего директора цирка, чем господин доктор, я не встречал.

Акробаты братья Пинто не захотел отставать от Геракла, но так как говорить они тоже были не мастера, то предложили показать свое искусство прямо там же, в обеденном зале.

— Здесь, правда, нет ни трапещий, ни даже канатов, но мы воспользуемся люстрой. Такого номера вы не увидите ни в одном цирке. Акробаты на люстре!

Присутствовавшие горячо хлопали акробатам за их предложение, но все-таки уговорили отказаться от такого рискованного трюка. При этом они с опаской поглядывали на люстру — а вдруг она грохнется?

Глава 7

ПРЕМЬЕРА

Крякки беспокоилась за здоровье доктора, и было отчего. Джон Дулиттл хлопотал, беспрестанно носился по городу, заказывал афиши, проверял, готовы ли костюмы, репетировал. Иногда даже казалось, что он находится

разу в двух, а то и в трех местах. Рассудительная Крякки грустно покачивала головой и говорила:

— Я знаю, что у господина доктора железное здоровье, но за последние три дня он не прилег ни на минутку. Скорее бы премьера, может быть, после нее он отоспится. Ведь человек не машина, ему нельзя работать без отдыха.

Театр «Регент», где должна была состояться премьера птичьей оперы, был хорошо известен лондонской публике. На его сцене играли многие славные актеры. Представления пользовались успехом, а театральные критики с любопытством и нетерпением ждали любую премьеру, чтобы либо расхвалить ее, либо разругать в пух и прах.

Можете себе представить, как ждали премьеру птичьей оперы.

— Посмотрим, на что способны дрессированные птицы, — говорили критики и завсегдатаи театра. — Посмотрим, чем собрался нас удивить доктор Дулиттл.

Театр был большой, с огромной прекрасной сценой. Но в том-то и загвоздка, что для птичьей оперы требовалась маленькая сцена, потому что на большой крохотные пичуги потерялись бы совсем. Пришлось директору театра раскошелиться и затянуть почти всю сцену канареечного цвета шелком. Программки печатались тоже на канареечного цвета бумаге, а билетеров нарядили в livree из канареечно-желтого бархата.

До последнего мгновения перед премьерой у Джона Дулиттла не было ни минуты свободного времени. Доктору помогали Мэтьюз, Теодора и Горлопан. Воробей руководил хором птиц и в тот вечер ругался больше, чем за всю свою прошлую жизнь.

О'Скалли метался между входом в театр, зрительным залом и доктором Дулиттлом, хлопотавшим за кулисами.

Вот пес подбежал к доктору в четвертый раз и хриплым от волнения голосом шепнул:

— Что делается, господин доктор! Перед театром уже собралась толпа, все хотят попасть на премьеру. Кассир едва успевает принимать деньги и выдавать билеты. Кстати, кассира придется сменить. Я за ним понаблюдал: он намного охотнее принимает деньги, чем отдает билет. А очередь за билетами тянется вдоль всего здания театра

и дальше за угол. Директор даже вызвал трех полицейских, чтобы публика не устроила потасовку. А только что у входа остановилась карета, и из нее вышли две дамы, все в бриллиантах. Доктор, а доктор, а если одна из них — сама королева?

— Так уж и королева? — недоверчиво хмыкнул доктор Дулиттл. Он не верил, что сама королева удостоит своим посещением премьеру, но все же...

О'Скалли убежал. Джон Дулиттл пристраивал берет на голову одного из пеликанов, когда к нему подошел директор театра.

— Друг мой! — воскликнул он и крепко схватил доктора за руку. — Друг мой, судя по всему, вам удалось расшевелить лондонскую публику. Таких премьер еще не бывало в моем театре. Все билеты проданы, осталось только несколько стоячих мест на галерке, а до начала спектакля еще полчаса. Чует мое сердце, нас ждет успех.

— И что это за публика? — спросил доктор.

— Лучшая в городе! — продолжал восторгаться директор театра. — Подойдите к занавесу и посмотрите в щелку. В зале сидят музыканты, театральные критики, аристократы. Приехала даже принцесса королевской крови!

Доктор подошел к занавесу и выглянул в щелку. Любопытный поросенок увязался за ним и тоже высунул свой пяточок.

— Что вы на это скажете? — не умолкал директор театра. — Лучшей публики себе и представить нельзя.

Доктор смотрел сквозь щелку. И вдруг он почувствовал, что по его спине побежали мурашки.

— Боже правый! — прошептал он. — Там сидит Паганини!

— Паганини? — хрюкнул поросенок. — А кто он такой?

— Паганини собственной персоной! — повторил Джон Дулиттл. — Величайший скрипач в мире. Это он! Я его узнал! Он сидит в пятом ряду и беседует с дамой с седьми волосами. Я всю жизнь мечтал познакомиться с ним. Единственный человек, который может по достоинству оценить нашу оперу!

Пора было начинать представление, и доктор отошел от занавеса, вздохнул и отправился собирать свой ор-

«оркестр». Мы-то с вами уже знаем, что это был за оркестр, но публика разинула рот от удивления, когда увидела госпожу Магг со швейной машинкой, Мэтьюза с садовой лейкой, одного из братьев Пинто с бритвой и ремнем и клоуна Хоупа с бубенцами. «Музыканты» невозмутимо прошествовали в оркестровую яму и сели лицом к публике. Туда же прошел и Джон Дулиттл.

Он поклонился публике и сказал:

— Сегодня мы выносим на ваш суд необычное представление, в котором будут петь только птицы. Авторы и артисты просят вас отнестись к опере серьезно, а не как к веселой шутке. Возможно, первая попытка объединить музыку птиц и музыку людей окажется и не совсем удачной — тем более мы просим не судить нас слишком строго. Надеемся, что истинные ценители искусства не станут спешить с вынесением приговора и терпеливо выслушают все четыре отделения оперы.

Он снова поклонился и повернулся к публике спиной. Вежливо это было или нет, мы не станем спорить — Джон Дулиттл дирижировал своим «оркестром», а у дирижеров собственные понятия о вежливости. Так уж принято, что они большей частью показывают публике спину. И когда Джон Дулиттл показал зрителям спину, все увидели у него на фраке большую новенькую заплатку.

Доктор взмахнул палочкой, и «оркестр» заиграл увертюру. Дробно застучала швейная машинка, зазвенели бубенчики, зажурчала вода.

Музыка была странная, но неожиданно приятная для слуха. Часть публики, правда, стала тихонько посмеиваться, но на них зашикали, и они умолкли.

В первом ряду сидела пожилая дама в очках. Она наклонилась к своей соседке. Подслушивать, конечно, нехорошо, но Джону Дулиттлу уж больно хотелось узнать мнение публики, поэтому он напряг слух.

— Чудесно, хотя и необычно, — громко шептала дама. — Мне эта музыка напоминает катание в санях, когда я жила в России. Тот день мне запомнился на всю жизнь. Лошади неслись галопом по заснеженному берегу, в ушах свистел ветер, дробно стучали копыта, звенели бубенчики. Я тогда еще подумала: «Как жаль, что ни один композитор не догадался сделать из этих звуков музыку! Получилась бы удивительная мелодия».

Через пять минут увертюра стихла. Зрители зашевелились на своих местах в ожидании дальнейшего действия. До начала представления Джон Дулиттл побаивался, что чопорная публика сразу же после увертюры покинет зал, но все его страхи оказались напрасными. А невольно подслушанные слова старой дамы и вовсе успокоили доктора. Даже если кому-то увертюра и не пришлась по душе, никто не уходил. Всем хотелось узнать, чем же еще удивит их толстый смешной человечек в заплятанном фраке, вздумавший написать такую необычную оперу.

Занавес медленно пополз вверх, на сцене вспыхнул свет, и в зрительном зале раздался приглушенный шепот — публика была в восторге.

А картина, представленная на сцене, и в самом деле была необычна.

Глава 8

ИСТОРИЯ ПИПИНЕЛЛЫ НА СЦЕНЕ

На первый взгляд, всю сцену занимала одна большая клетка. За ней виднелись декорации, которые изображали комнату. Все было устроено таким образом, что у зрителей создавалось впечатление, будто они тоже сидят в клетке и смотрят на мир сквозь прутья клетки. На полу стояли блюдца с водой и с канареечным кормом. Позади задней решетки, якобы по комнате, расхаживала горничная. Ее играла дородная жена старшего из братьев Пинто. Она расхаживала по комнате, вытирала пыль, убирала.

Это была обычная будничная картина — необычным в ней было только то, что и зрители смотрели на горничную словно из клетки.

Поток золотого солнечного света струился из окна, расположенного в глубине сцены, освещал клетку. Поближе к зрителям, почти у края сцены, было гнездо, из которого выглядывала канарейка. Она высиживала птенцов. Гнездо и птичка были маленькими, а клетка — очень большая, но все казалось соразмерным и естественным.

Горничная закончила вытирать пыль, подошла к клетке и просунула сквозь прутья пару листиков зеленого салата. Вдруг канарейка, до того незаметно сидевшая на полу у блюдца с водой, вспорхнула, уселась на жердочке и предстала перед зрителями в полном блеске. Яркий солнечный свет падал на ее перья, и они, когда на них смотрели из темного зрительного зала, переливались и вспыхивали золотыми искорками. Эта птица играла роль отца Пипинеллы, а клетка и гнездо были той самой клеткой и гнездом, где она родилась.

«Отец» Пипинеллы отщипнул кусочек зеленого салата и полетел кормить сидящую на гнезде супругу и проголодавшихся детей. Самочка вспорхнула с гнезда, и зрители увидели крохотных птичек, игравших роли птенцов канарейки. Они разевали рты, хватали кусочки зеленого салата и щебетали. Особенно хороша была птичка, избравшая крошку Пипинеллу. Она была самая живая и дерзкая из всего выводка. Задира пыталась отнять еду у братьев и сестер и при этом едва не вываливалась из гнезда.

Зрители умиленно улыбались, до того была хороша маленькая непоседа.

Когда сытые дети успокоились, мать-канарейка возвратилась на гнездо, а отец — на жердочку. Там он повернулся к зрителям и запел. Это была очень простая песня — о теплых солнечных лучах и зеленом салате.

Джон Дулиттл стоял спиной к зрителям и не видел, нравится им представление или нет. Но Мэтьюз Магг сидел к ним лицом, крутил швейную машинку и наблюдал. Он сразу же заметил, что дети в зале воспринимают оперу лучше, чем взрослые. Их не удивляла необычная музыка, они не отрывали глаз от сцены, смеялись, когда им было смешно, и задерживали дыхание, когда переживали за маленькую канареечку.

А действие на сцене разворачивалось. Крошка Пипинелла вовсю шалила — и завоевывала зрительские симпатии. Когда она высунула клюв из-под материнского крыла и попыталась подражать пению отца, дети в зале засмеялись. Их смех был так заразителен, что и взрослые не выдержали и улыбнулись.

Первое отделение оперы еще не закончилось, публика

еще не слышала лучшие арии и хор, не видела лучшие декорации, но Мэтьюз Магг понял, что первое представление пройдет благополучно.

В антракте доктору ужасно хотелось походить среди публики, послушать, что говорят о его опере, но ему надо было бежать за кулисы и лично проследить, как готовят декорации и костюмы ко второму отделению.

Там и нашел его директор театра, который все первое отделение просидел в зрительном зале и наблюдал за публикой.

— Как наши дела? — нетерпеливо спросил Джон Дулиттл. — Им нравится?

— Пока не могу понять, — пожал плечами директор. — С уверенностью можно сказать одно — им чертовски любопытно, чем все это кончится. Никогда еще у меня не было премьеры, на которой зрители так терпеливо ждали бы продолжения представления. Что касается музыки, то вряд ли ее поняли. Я сам сомневаюсь, что понял ее. Но не будем загадывать, подождем завтрашних газет. Кстати, если пара-другая критиков напишет, что ваша музыка — чушь, не расстраивайтесь. Публика не ходит на спектакли, которые критики хвалят или ругают в один голос. Но если критики начинают спорить, то публике хочется своими глазами увидеть, что это такое, и вынести свое суждение. Вот на такие представления она валом валит. Главное, чтобы о вашей опере заговорили, тогда дело будет в шляпе.

— А что говорит Паганини? — спросил доктор, помогая фламминго облачиться в розовое кисейное платье.

— Ничего.

— Как — ничего? — огорчился Джон Дулиттл. Он так надеялся, что великий маэстро по достоинству оценит его труды.

— Ровным счетом ничего, — подтвердил директор. — Я сам подошел к нему с этим же вопросом, но он отделался ничего не значащими словами. Судя по всему, вы его крепко задели, и он теперь напряженно думает. Но это тоже к лучшему, так как газетчики уже осаждают его, а он отмалчивается. Представляете, в газетах напишут: «Великий маэстро не знает, что и думать об опере доктора Дулиттла». Лучшей рекламы нам не сыскать.

Пусть ругают, пусть хвалят, пусть спорят, лишь бы не молчали.

Началось второе отделение, и доктор поспешил в оркестровую яму. Только теперь на сцене появилась сама Пипинелла. Действие происходило на постоялом дворе, где останавливались почтовые кареты. Когда канарейка спела своим чудесным, звонким голосом «Выходи скорей, девчонка, и встречай гостей», публика разразилась рукоплесканиями. Пипинелла, словно опытная, привыкшая к вниманию публики певица, поклонилась и запела «Звонкую сбрую». Звенели колокольчики, звенел голос канарейки. Когда последний звук стих, публика взорвалась криками: «Бис! Bravo!»

Зрители так разошлись, что пришлось им уступить и исполнить «Звонкую сбрую» еще раз.

Потом последовали песни о старом кучере Джеке, солдатский марш и «Я дитя полка, я летучий стрелок». При этом рабочие сцены за кулисами маршировали в ногу, так что их шаг был слышен и в зале. Создавалось впечатление, что где-то рядом по-настоящему идут в поход солдаты, а маленькая пичуга летит вслед за ними.

Публика потребовала повторить марш дважды, а «Я дитя полка, я летучий стрелок» — трижды.

Я не буду пересказывать здесь всю оперу. Скажу только, что вся история Пипинеллы была показана на сцене. Там была и шахта — в темноте мерцала шахтерская лампочка, из-за кулис доносились глухие, дребезжащие удары кирки, а канарейка пела песню, больше похожую на стон. Там была и жизнь на старой заброшенной мельнице, гроза и внезапное освобождение из клетки. Там была и песня любви зяблика, и его предательство.

Как ни странно, доктору Дулиттлу удалось донести до зрителей все, что он хотел сказать. Публика прекрасно понимала, где о чем идет речь, она даже улавливала общий смысл песен, хотя и не знала на птичьем языке ни единого слова.

Сцена на морском берегу, когда зеленый зяблик бросает любимую и улетает вместе со стаей за океан, потрясла зрителей. Дама в первом ряду даже достала из сумочки платочек и принялась вытирать слезы. Она так и сидела и шмыгала носом до тех пор, пока не началось третье

отделение и на сцену не вышли пеликаны-матросы. Они ходили вразвалку, затевали потасовки и горланили песни охрипшими басами, ну точь-в-точь как настоящие моряки. При их виде весь зал заулыбался и даже у чувствительной дамы из первого ряда высохли слезы.

Как только занавес опустился в последний раз, доктор бросил свой оркестр и помчался за кулисы, чтобы отправить певцов домой, пока любопытные, желавшие поближе рассмотреть чудо-птиц, не причинили им вреда. Конечно, никто не хотел вредить им умышленно, нет, но птицам был нужен покой.

Не успел доктор Дулиттл добежать до театральных уборных, где сидели птицы, как директор театра поймал его за рукав.

— Половина публики готова растерзать вас, — сказал директор. От волнения он с трудом дышал и хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. — Они говорят, что большего мошенника, чем вы, свет не видел. Вторая половина хочет пожать вам руку и поблагодарить за чудесное представление. Эти говорят, что вы — гений. Как бы то ни было, вам следует произнести речь перед публикой. Просто так вам уйти отсюда не удастся. Вы слышите, как беснуется публика? Да, чуть не забыл, маэстро Паганини хочет познакомиться с вами, пока не началась пантомима.

Глава 9

ГРАНДИОЗНЫЙ УСПЕХ

Одни утверждали, что талант Паганини от Бога, другие — что от дьявола, но все сходились в одном: Паганини — гений. Когда Джон Дулиттл встретился с ним, тот уже много лет пользовался такой мировой славой, какой не было ни у кого из музыкантов ни до него, ни после. Доктору Дулиттлу однажды, в Вене, довелось услышать игру великого маэстро, и с тех пор он мечтал познакомиться с ним. Тогда Джон Дулиттл был молодым, начи-

нающим врачом. Как же он волновался теперь, когда сам Паганини пожелал встретиться с автором птичьей оперы и пожать ему руку!

Но как же птицы? Их следовало отправить домой, и немедленно! Выручил, как всегда, Мэтьюз Магг. Он взял все хлопоты на себя, в один миг нашел наемную карету и отбыл с птицами.

Успокоенный доктор Дулиттл последовал за директором театра в зрительный зал. Там, в пятом ряду, его ждал сам Никколо Паганини. Это был высокий и худой мужчина, его длинное лицо обрамляли черные кудрявые волосы. Многие утверждали, что он похож на дьявола, и, встретив его, суеверно крестились.

Но доктор Дулиттл не был бы доктором Дулиттлом и знаменитым натуралистом, если бы верил в дьявола. Он смело подошел к Паганини.

Паганини встал, и тут же в зале зашептали:

— Он встретил Джона Дулиттла стоя!

Паганини пожал руку доктору, и по залу прошелестело:

— Он удостоил его рукопожатия!

Паганини поклонился Джону Дулиттлу и пригласил его присесть рядом. Публика не сводила с них глаз и продолжала шушукаться:

— Он поклонился и усадил доктора Дулиттла рядом с собой! Неужели ему понравилась опера?

А самое главное — все это происходило на глазах газетчиков. Они тут же вытащили из карманов записные книжки и застрочили в них вечными перьями: «Мы до сих пор теряемся в догадках, почему великий маэстро удостоил такой чести доктора Джона Дулиттла».

Многие из газетчиков попытались подойти поближе к Паганини и доктору Дулиттлу и подслушать хотя бы несколько слов. Но у них ничего не получилось — директор театра знал толк в рекламе и не подпустил назойливых газетчиков ближе чем на десять шагов. Чем больше загадок останется в статьях об опере птиц, тем больше захочется публике посмотреть на представление собственными глазами, а каждая пара глаз — это один билет, а каждый билет — это два шиллинга. Такова была цена билета на оперу доктора Дулиттла.

А тем временем Никколо Паганини любезно беседовал с Джоном Дулиттлом.

— То, что вы нам сегодня представили, — говорил великий маэстро, — на первый взгляд кажется просто любопытно и занятно, словно вы вознамерились подшутить над публикой. Но я увидел в вашем представлении много больше, чем остальные зрители. Скажите честно, вы сами играете на каких-то музыкальных инструментах?

— Да, играю, — смутился доктор Дулиттл, — на флейте. Но вы же знаете, чего стоит любительская игра.

— Флейта — прекрасный инструмент, — продолжал Паганини. — Но по-настоящему на нем играют только виртуозы. — Чувствовалось по его тону, что он все еще не воспринимает доктора Дулиттла всерьез и не знает, что думать о его опере. — А раньше вы не увлекались сочинением музыки?

— Нет, никогда, — откровенно признался Джон Дулиттл. — Да и та музыка, которую вы слышали сегодня, написана не совсем мной. Вернее, совсем не мной. Ее сочинили птицы. Я всего лишь разбил их мелодии на отдельные песни для солистов и хора.

— В самом деле? — удивился Паганини. — Но каким же образом вы сумели договориться с птицами?

— Ну... видите ли... — замялся доктор Дулиттл. Он боялся признаться, потому что обычно ему не верили и только насмехались над ним. Наконец он решился: — Дело в том, что я знаю язык птиц. Но я не люблю об этом говорить.

— Почему? — В голосе Паганини не было ни удивления, ни насмешки.

— Потому что люди обычно считают меня умалишенным.

У доктора Дулиттла отлегло от сердца. Паганини поверил ему.

— Глупые люди! — спокойно произнес великий маэстро. Его горящие глаза таинственно блеснули. По-видимому, он сам обладал колдовской способностью слышать то, чего не слышат другие. — Истинный ценитель, слушая вашу оперу, должен был сразу догадаться, что вы уже годами говорили с птицами, иначе вам никак не удалось бы выразить в музыке их мысли и чувства, до того

это просто, первобытно и естественно. Да и как же иначе? В ариях вашей оперы иногда звучат такие высокие ноты, что человеческое ухо не в состоянии услышать их. Знаете ли, у меня очень тонкий слух, и я все еще слышал звук, тогда как вся публика удивлялась, почему это у птицы все еще открыт клюв, когда песня давно кончилась.

Доктор согласно кивнул головой:

— Да, Пипинелла говорила мне об этом. В «Звонкой сбруе» есть такое место в самом начале...

— Вы имеете в виду ту арию, где голос канарейки звенит под звук бубенцов? — удивленно воскликнул Паганини. — Теперь я верю вам окончательно. Там даже я не расслышал самых высоких нот. Тем более вы были бы не способны на это и не могли бы о том узнать, если бы канарейка сама вам не сказала. Я надеюсь, что в Лондоне найдется достаточное число знатоков музыки, способных оценить по достоинству вашу оперу.

Пока доктор беседовал с великим маэстро, занавес снова поднялся, и на сцену выбежали звери доктора Дулиттла. Началась «Пантомима из Паддлеби». Теперь в оркестровой яме сидели обычные музыканты со скрипками, флейтами, виолончелями, барабанами и трубами.

Звери представляли на сцене веселую историю, оркестр слаженно играл. Во время паузы старый флейтист с седыми волосами шепнул своему соседу по оркестру:

— Никогда не думал, что мне придется играть для поросенка! Ведь я играл для лучших артистов Лондона! Но, признаюсь тебе, они до того забавные, что мне совсем не обидно.

«Пантомима из Паддлеби» началась и закончилась под рукоплескания публики. Однако главный успех все же выпал на долю птичьей оперы. Доктор Дулиттл в тот день чувствовал себя полностью вознагражденным за все труды: ему достаточно было похвалы маэстро Паганини, даже если бы никто другой не понял ни ноты из его оперы. Да и в самом деле, разве не перевесит мнение одного истинного знатока суждений сотни незнаек, гордящихся тем, что ежедневно ходят в театр. Именно поэтому Джон Дулиттл совершенно не огорчился бы, если бы даже больше не состоялось ни одного представления птичьей оперы.

К счастью, все произошло наоборот. Начиная с того дня музыкальные и театральные журналы не писали ни о чем, кроме как об опере Доктора Дулиттла. В других музыкальных театрах ставили новые и старые оперы и оперетты, но критики упрямо обходили их вниманием. Они спорили только о птичьей опере.

Но пока никто не мог предвидеть такого грандиозного успеха.

На следующий день поутру доктор попросил принести ему газеты. Вы знаете, как взрослые читают газеты — от корки до корки. Доктор Джон Дулиттл тоже обычно читал их начиная от речей в парламенте и кончая прогнозом погоды, который обычно не сбывается. Но в тот памятный день он жадно читал только театральные рецензии.

Мнения критиков разделились. Одни хвалили оперу, другие ругательски ее ругали. Один из критиков даже называл птичью оперу почему-то «революцией в музыке». Другой кричал: «Обманщик! Жулик!»

«Нас надули, господа, — писала одна из газет, — надули самым бессовестным образом. И кто? Стыдно признаться — нас провел никому не известный владелец зверинца по имени Джон Дулиттл. Мы поверили его обещаниям и пришли на премьеру. И что же мы увидели на сцене? Полсотни жалобно пищущих птиц и «оркестр» из швейной машинки и садовой лейки. Ей-Богу, если бы он добавил в «оркестр» еще десяток-другой ворон и полдюжину кастрюль и сковородок, его так называемая опера не стала бы хуже, потому что хуже уже некуда».

Однако большинство газет вело себя очень осторожно: они не спешили высказывать свое мнение, чтобы не попасть впросак. Как ведь бывает — скажешь, что все это чушь, а тут критики поднимут вой — гениально, ново! И никто больше к твоему мнению не прислушается. Поэтому большинство газет поступало по правилу: если ничего не смыслишь в деле, молчи, жди, когда выскажутся умные люди, а потом захлеб повторяй то, что они сказали.

Но на этот раз загвоздка была в том, что и умные люди не спешили выразить свое мнение.

Как бы то ни было, опера доктора Дулиттла стала самым модным представлением в Лондоне. В театре «Ре-

гент» негде было яблоку упасть. В музыкальных салонах только и говорили, что об опере доктора Дулиттла. Паганини осаждали критики и газетчики. Музыканты и композиторы разделились: одни состязались в том, кто лучше расхвалит оперу, другие состязались в числе бранных слов, которые они обрушат на голову несчастного доктора Дулиттла.

Хотя, по правде говоря, доктор Дулиттл отнюдь не чувствовал себя несчастным. Скорее наоборот — он давал представление за представлением, доставлял радость зрителям и был вполне счастлив.

А газеты продолжали строить догадки: кто же такой доктор Дулиттл? В самом ли деле он умеет разговаривать со зверями и птицами, как утверждает маэстро Паганини?

Газетчики охотились за доктором Дулиттлом, чтобы хоть что-то разузнать о нем. Вокруг дома, где он поселился с птицами, и вокруг его циркового фургона с утра до вечера стояла толпа. Джон Дулиттл переодевался, убегал, прятался, но ничто не помогало, пока его не выручил силач Геракл. Нет, он не бросался с кулаками на зевак и вездесущих газетчиков. Он запихивал себе под рубашку подушку, водружал на голову цилиндр, усаживался в фургоне и через распахнутую дверь отвечал на все вопросы.

Как ни странно, с помощью такого нехитрого фокуса удалось провести настырных газетчиков. Правда, газеты запестрели необычными суждениями «доктора» о музыке, настолько необычными, что знатоки только качали головой. Дело в том, что силач Геракл ничего не смыслил в музыке и не мог отличить одной ноты от другой.

Больше других успеху доктора Дулиттла радовались его звери. Каждый вечер артисты «Пантомимы из Паддлеби» отвешивали последний поклон публике, шли в костюмерную, переодевались, а вернее — раздевались, и обсуждали театральные новости. В конечном счете все их разговоры переходили на дела доктора.

— Как бы нам сделать так, — говорила Крякки, — чтобы наш доктор не пустил на ветер те деньги, которые он заработает на опере? Я не знаю, какой договор он заключил с театром «Регент», но публика каждый вечер запол-

няет зрительный зал до отказа, а билеты стоят недешево. Я не умею считать так хорошо, как сова Бу-Бу, но уверена, что доктор заработает... — Тут она задумалась, видно собираясь назвать умопомрачительное число шиллингов и фунтов, но в конце концов сказала то, что ей казалось более точным: — Доктор заработает на опере кучу денег!

О'Скалли стаскивал с себя костюм Пьеро и внимательно слушал утку. При словах «кучу денег!» он даже вздрогнул. С арифметикой он был не в ладах, слова «сто», «тысяча», «миллион» ничего ему не говорили, но «куча денег» была ему понятна. Он уже успел представить себе гору золотых и серебряных монет выше человеческого роста. Но тут он вспомнил, что в цирке работает не один доктор, а целых восемь человек, и гора в его воображении стала быстро уменьшаться.

— Не забывай, — сказал он, — что все эти деньги надо разделить с силачом Гераклом, акробатами братьями Пинто, клоуном Хоупом, владельцем кукольного театра, Мэтьюзом и Теодорой. Так что доктору достанется не вся куча, а только ее восьмая часть.

Крякки с удовольствием посмотрела на себя в зеркало и с неудовольствием на посмевавшего перечить ей О'Скалли.

— Все зависит от высоты кучи, — недовольно крякнула она. — В любом случае, он заработает достаточно, чтобы безбедно жить в Паддлеби. — Она мечтательно прищурила глаза и добавила: — А может быть, и больше. Лишь бы он не вздумал снова устраивать приют для престарелых лошадей или бездомных кошек.

— Старый добрый Паддлеби! — вдруг с тоской заскулил пес. — Как же я соскучился по нему!

— Бедный наш дом, — вздохнула Крякки. — Никто за ним не ухаживает. Боюсь, что там скоро рухнут стены.

О'Скалли стянул наконец с себя костюм Пьеро и надел золотой ошейник. Это была единственная одежда, которую он постоянно носил. Золотым ошейником его наградили за спасение похищенного пиратами рыбака, и пес очень гордился им.

— Вот бы сейчас пробежаться по мосту, заглянуть на рынок, а потом поохотиться на крыс возле реки!

Хрюкки все это время безуспешно пытался снять с

головы парик, который Теодора посадила на клей. Наконец парик с трудом оторвался от его макушки.

— Будь проклят этот клей! — взвизгнул от боли Хрюкки. — Неужели Теодора не может придумать ничего получше, чтобы закрепить парик у меня на голове? Не могу же я терпеть такую боль каждый раз, когда мне приходится его снимать! — Он потер рукой макушку и грустно добавил: — А я скучаю по грядкам с овощами. Они уже небось совсем одичали и заросли сорняками. Поскорее бы доктор заработал эту вашу кучу денег, чтобы мы вернулись в Паддлеби.

— Это вовсе не наша куча денег, — справедливо возразила Крякки, — а публики. Вот когда публика заплатит за билеты на наше представление, тогда куча и вправду станет нашей.

Скок долго прислушивался к разговору друзей, а потом сказал:

— Поверьте, я желаю доктору Дулиттлу добра, но не хочу, чтобы он заработал кучу денег.

— Но ведь без денег мы не сможем вернуться в Паддлеби! — воскликнула утка.

— В том-то все и дело, — ответил Скок. — Чем быстрее он заработает деньги, тем быстрее вернется в Паддлеби. А я не смогу поехать с вами, и больше мы никогда не увидимся. Мне нравится не просто в цирке, а в цирке доктора Дулиттла. Вы представляете, во что превратится наш цирк, когда он уедет? Конечно, мой хозяин — человек неплохой, и старик Крокетт, хозяин Тобби, — тоже, но без доктора Дулиттла все пойдет наперекосяк.

— Это называется гр... пр... проблема! — сказал О'Скалли. Он недавно услышал это иностранное слово от Джона Дулиттла и теперь всю использовал его, пытаясь вставить к месту и не к месту. — Проблема! — гордо повторил он. — Но вы не отчаивайтесь, должны же мы найти какой-то выход. Может быть, если ваши хозяева разбогатеют, они отпустят вас с нами в Паддлеби. А доктор, конечно, вам не откажет, он добрый...

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Кто бы стал спорить? Конечно, реклама — двигатель торговли. Сначала газеты создали доктору Дулиттлу рекламу своими хвалебными или ругательными статьями о его опере, и публика валом повалила в театр. Только благодаря такой рекламе стали знаменитыми птицы, поющие в опере. Да кто раньше польстился бы на невзрачную канарейку по имени Пипинелла, к тому же самочку? Да никто. Зато теперь она стала, как это теперь можно называть, звездой.

Так уж устроены люди, что они редко смотрят в небо и любят настоящие звезды. Почему-то им намного интереснее смотреть на артистов и певцов. И если они узнают, что знаменитость ест на завтрак вареный башмак фирмы «Сапоггс и сыновья», то они тут же помчатся в магазин, купят пару башмаков той же фирмы, сварят их и уплетут без соли.

В начале второй недели лондонских представлений случилось то, чего доктор никак не ожидал. А следовало бы...

Дело в том, что в любом обществе существуют сливки. Это не те сливки, которые так любят коты и которые по утрам подают к кофе, нет, так называют самых изысканных дам и господ. Как известно, самые изысканные дамы и господа не ходят на увеселительные представления вроде цирка. Акробаты, совершающие смертельные прыжки под куполом цирка, силачи, поднимающие тяжёлые гири, а иногда и целую лошадь, клоуны, весело кувыркающиеся по арене, — все это им не интересно.

Но они заинтересовались доктором Дулиттлом, загадочным «чародеем из Паддлеби». И пока газеты спорили о том, кто же все-таки такой Джон Дулиттл, почти все сливки общества побывали на опере, на пантомиме и в цирке. На человека, не бывавшего на представлениях доктора Дулиттла, смотрели как на безграмотную деревенщину.

Можно еще было ломать голову над тем, жулик Джон Дулиттл или гений, умеет он разговаривать с птицами и

зверями или нет, но знать, кто такие Хрюкки, О'Скалли или Пипинелла, должен был каждый.

Все началось с того, что однажды доктору пришло письмо. Он открыл его и прочитал. Вот что было в письме:

Уважаемый господин доктор Дулиттл!

Я являюсь производителем клеток для птиц, мне принадлежат фабрика и магазин в центре Лондона. Предлагаю вам заключить договор на рекламу моих клеток. Я готов платить Пипинелле, вашей знаменитой певице, или вам лично, двадцать фунтов всего лишь за три часа работы в день. Эти три часа Пипинелла должна проводить внутри моего магазина, влетать и вылетать из клетки и петь, чтобы публика думала, что она предпочитает удобную и красивую клетку моего производства. Надеюсь, мои условия не покажутся вам слишком обременительными и вы примете мое предложение.

С уважением, *Скотт Силкинз*.

Джон Дулиттл не ответил Силкинзу, но на следующий день ему пришло еще одно письмо — на этот раз от владельца колбасного магазина. Колбасник предлагал Хрюкки стоять в витрине его магазина и зазывать публику.

Дальше — больше. Хозяин привокзального ресторана приглашал тяпи-толкая разгуливать по окрестным улицам и носить на обеих головах по щиту с надписью:

**ПРЕЖДЕ ЧЕМ СЕСТЬ В ПОЕЗД,
ПООБЕДАЙТЕ В РЕСТОРАНЕ МЕРРИНАНА.
ДЕШЕВО — ВСЕГО ПОЛТОРА ШИЛЛИНГА**

— Целых полтора шиллинга! — воскликнул доктор, прочитав письмо. — Да за такие деньги Крякки накормит всю мою семейку! Как им не стыдно? И за кого нас принимают? Мне бы и в голову не пришло делать животным такие гнусные предложения.

— А я не уверен... — неожиданно сказал Мэтьюз Магг и задумчиво потер подбородок.

— В чем ты не уверен, Мэтьюз? — спросил доктор.

— Я не уверен, что все эти предложения гнусные и что нам следует от них наотрез отказываться. Давайте представим, что клетки господина Силкинза и в самом деле лучше других. Не вижу ничего худого в том, что Пипинелла посидит в такой клетке три часа в день. Вам предоставляют возможность подзаработать да еще сделать кое-что хорошее для зверей.

— Я не понимаю тебя, Мэтьюз, — недоумевал доктор. — Что хорошего я могу сделать зверям, если согласусь на эти предложения?

— Вы всю жизнь пытались внушить уважение к животным, — терпеливо объяснял Мэтьюз Магг. — Теперь вам подвернулся удобный случай. Ответьте на эти письма, но не так, как вы обычно отвечаете: «Уважаемый господин такой-то, вы окончательно и бесповоротно спятили, если пристаёте ко мне с подобными глупостями». Напишите так: «Я польщен вашим предложением и сообщаю, что я и мои животные готовы участвовать в любом виде рекламы, которая позволит научить людей подлинно человеческому отношению к немым зверям».

— Ни в коем случае не немым! — оборвал доктор Мэтьюза на полуслове. — Немых зверей не бывает. Но я, кажется, начинаю понимать, о чем ты толкуешь. Извини, что перебил тебя.

— Так вот, — продолжал Мэтьюз. — Придумайте такую рекламу, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. То есть чтобы и зверям и торговцам была польза.

— Но что об этом скажут звери? — все еще сомневался Джон Дулиттл. — Мне кажется, им эта затея не придется по вкусу.

— Тяни-толкаю она наверняка не придется по вкусу, — согласился Мэтьюз. — Он помрет от стыда, как только представит себя на улице с дурацким щитом на рогах. Но другие животные, я уверен, согласятся. Для начала посмотрите с Пипинеллой на эту хваленую клетку. Если она настолько хороша, что стоит канарейке полетать немного взад-вперед?

— Боюсь, — задумчиво сказал доктор, — что нам придется рекламировать всякую дрянь. Ты же сам знаешь: чем громче реклама, тем хуже товар.

— Тогда сами придумайте удобную клетку для птиц, — не сдавался Мэтьюз. — Пусть этот Силкинз делает ее на своей фабрике, а вы рекламируйте. Так у многих птиц появятся хорошие, удобные клетки.

— Так и быть, — согласился доктор, — я отвечу господину Силкинзу.

Доктор вскрыл следующее письмо, заглянул в него и радостно вскрикнул:

— Ты только послушай, Мэтьюз! Меня приглашают на выставку Королевского общества скотоводов. Вот это — дело серьезное. Попробую-ка я через них распространить по Англии гигиеническую поилку собственного изобретения. Наших крестьян всякие новшества не интересуют. Они и сами живут и хозяйство ведут по старинке. А вот если я представлю поилку на выставке Королевского общества, то успех будет обеспечен.

Тут в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Джон Дулиттл.

Дверь открылась, и в фургон вошла Теодора. За ней следовал невысокий толстяк, чье лицо показалось доктору знакомым.

— Этот господин желает поговорить с вами, — сказала Теодора с порога. — Он утверждает, что у него к вам важное дело.

— Меня зовут Браун, — назвался гость. — Когда мы с вами виделись в последний раз, господин доктор, вы крепко на меня осерчали и с позором выставили из цирка Блоссом.

— Припоминаю, — ответил доктор, — вы шарлатан и торгуете всякими шарлатанскими снадобьями. Но в моем цирке вы торговать ими не будете.

— Да нет же, доктор, — ничуть не смутился толстяк, — я бросил это занятие. И доход от него никудышный, и совесть нечиста. Я на вас не в обиде за то, что вы тогда задали мне взбучку. На сей раз я принес вам кое-что получше. — Толстяк сунул руку в карман и достал пузырек. На этикетке было крупно написано: «МАЗЬ ДЛЯ ЛОШАДЕЙ». — Это настоящее лекарство. Я знаю, что вы не поверите мне на слово, поэтому оставляю пузырек вам. Проверьте мазь, испытайте ее, и если она вам понравится, то помогите мне ее сбыть.

— Я рад, что вы взялись за ум, господин Браун, — сказал Джон Дулиттл. — Я испытаю вашу мазь, и если она и вправду годится для лечения животных, то обещаю вам помочь всем, чем смогу.

Глава 11

ДВОРЕЦ ДЛЯ ОБЖОРЫ

Нельзя сказать, что деньги потекли к доктору рекой, но все же маленький ручеек появился. Теперь доктор Дулиттл мог снять возле театра большой дом в четыре этажа и переселить туда не только птиц, но и своих зверей, выступавших в «Пантомиме из Паддлеби». А когда им надо было наведаться в цирк, доктор уже не вел артистов пешком по улицам, а вез в наемной карете. Зверям это очень нравилось, и они важно выглядывали из окошка.

От своего нового дома они просто пришли в восторг. Ну еще бы! Раньше они жили в маленьком домике на окраине Паддлеби или в тесном цирковом фургоне, а тут дом в четыре этажа! О'Скалли, Скок и Тобби радостно носились по лестницам от подвала до чердака и назад. Но Крякки очень скоро запретила им даже нос казать в подвал — ведь там была кухня.

— Это мое царство, — строго крякнула она, — здесь должны быть чистота и порядок. А вы, господин доктор, купите мне еще четыре кастрюли, две сковородки и... — Тут она задумалась, что бы еще попросить у доктора Дулиттла. По правде говоря, ей бы за глаза хватило и старой посуды, но уж больно хотелось чего-нибудь новенького. — И большую вазу для фруктов.

А кухня была на удивление удобная. Правда, столовая располагалась на третьем этаже, но из подвала туда ходил лифт. Как хорошо было поставить в лифт поднос с обедом, нажать кнопку и через несколько мгновений выйти на третьем этаже прямо в столовую.

Утке лифт очень понравился. Но еще больше он понравился Хрюкки. Крякки бравила поросенка, грозила

оставить его без обеда, но порослячья натура брала верх над всеми запретами, и Хрюкки день-деньской катался на лифте вверх-вниз.

За ужином, когда все собрались за большим столом, поросенок сказал:

— Будь моя воля, я бы пользовался лифтом по-другому. Знаете как?

— Догадываюсь, — проворчал О'Скалли. — Ты бы сидел весь день в столовой и командовал бы: «Каши побольше да погуще! А теперь овощей!»

— Нет, вы только послушайте, — не сдавался Хрюкки. — Все будет не так, как говорит О'Скалли, а совсем наоборот. Я бы выстроил дворец в три этажа, нет, в четыре! На каждом этаже была бы столовая, а между ними ездил бы лифт. На первом этаже стояли бы салаты, зелень, редиска. На втором — супы. Двенадцать супов, не меньше. Хочешь — ешь на выбор, хочешь — ешь все подряд...

— Ты бы, конечно, ел все подряд, — крикнула утка.

Но поросенок так увлекся своими кулинарными выдумками, что пропустил насмешку Крякки мимо ушей.

— А на третьем этаже, — продолжал он, — стояли бы каши. Рисовые, пшенные, овсяные, с изюмом и вареньем. А четвертый этаж был бы самым сладким — с пирожными, конфетами и мороженым. А я бы сидел в лифте и ездил с этажа на этаж...

— Да уймись же ты, садись за стол и не мешай нам своими баснями, — не на шутку рассердилась на него Крякки.

Поросенок послушно сел к столу и грустно уставился в тарелку с овсянкой.

— Вот и рассказывай вам о своих заветных мечтах. Где уж вам понять мои высокие стремления. А мне бы такой дворец стал родным домом.

— А где же ты будешь спать? — спросил доктор Дулиттл. — Насколько я понял, у тебя везде будут только столовые?

— Ну как вы не понимаете, ведь сколько времени потеряешь, если будешь заправлять постель, умываться и только потом идти к столу! Намного проще спать в лифте. Проснулся — и тут же завтракай...

Поросенку так понравилась собственная выдумка, что ему даже вздумалось поиграть в чудесный дворец. На

следующий день с утра он принялся кататься в лифте по этажам.

— Вот здесь будет стоять маленький столик, а на нем огромное блюдо с помидорами, а вон там — ваза с яблоками, — бормотал Хрюкки, останавливаясь на разных этажах.

И даже когда Крякки подала обед, он никак не мог остановиться и продолжал раскатывать в лифте. Это его и погубило. Лифт вдруг сломался и застрял между этажами.

— Помогите, помогите! — вопил поросенок.

Звери слышали его крики, но решили проучить обжору и сначала съели весь обед и только потом вытащили несчастного Хрюкки из лифта.

Глава 12

ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА

Начались рождественские праздники. Весь Лондон бурлил. По украшенным улицам гуляли принаряженные лондонцы. Во всех театрах каждый день давались праздничные представления.

Однажды О'Скалли увидел большую афишу, на которой были нарисованы веселые собаки, прыгающие через кольца.

— Что это такое, господин доктор? — спросил он у Джона Дулиттла.

Доктор Дулиттл посмотрел на афишу и объяснил псу:

— В Вестминстерском театре дают представление варьете. Такое представление состоит из отдельных номеров, и там будут выступать дрессированные собаки.

— Господин доктор, а господин доктор, — вдруг просительно заскулил Тобби, — вот бы нам сходить на это представление. Ну что это такое, мы все время на сцене да на сцене, а так хочется посидеть в зрительном зале.

О'Скалли и Скок поддержали Тобби.

— Я попробую сводить вас на варьете, — сказал доктор, — но пока ничего обещать не могу. А вдруг вас не пропустят на спектакль?

Вечером за ужином доктор рассказал и остальным зверям о просьбе собак.

— Мы тоже хотим! — радостно закричали звери.

Дело оставалось за главным — купить билеты для зверей. Как всегда, когда ему приходилось трудно, доктор обратился к Мэтьюзу Маггу.

— Нет ничего проще, — сказал тот, гладко побрился, надел фрак и отправился в Вестминстерский театр.

Он вовсе не собирался покупать билеты в кассе. Он за-

явился к директору театра и сказал, что знаменитый доктор Дулиттл, тот самый, который написал птичью оперу, хочет посетить театр-варьете.

— Мы будем рады принять у себя доктора Дулиттла и оставим ему лучшее место в партере.

— Одного места будет недостаточно, — возразил Мэтьюз. — Доктор хочет прийти со всеми своими артистами, а это три собаки, поросенок, утка, сова и белая мышь.

— Но это невозможно! — вдруг заволновался директор театра. — Представляете, что скажет публика, если увидит рядом с собой в кресле поросенка!

— Публика ничего не скажет, если вы посадите доктора и его артистов в отдельную ложу, — тут же нашел выход Мэтьюз. — Вы же знаете, о Джоне Дулиттле говорит весь Лондон. Мы пригласим на спектакль газетчиков, и назавтра вся публика узнает, что доктор Дулиттл и его звери посетили ваш театр.

Хозяин театра сразу же смекнул, что лучшей рекламы ему не придумать, и согласился. Он даже предложил ложу бесплатно.

Когда Мэтьюз Магг вернулся домой с билетами, все звери ужасно обрадовались. А поросенку так хотелось пойти в театр, что он даже безропотно позволил Теодоре вымыть ему пяточок, хотя обычно брыкался и визжал.

Билетеров предупредили о том, что ожидаются необычные зрители, и, когда Джон Дулиттл привез в наемной карете своих зверей в театр, их торжественно встретили у входа и провели в ложу.

И вдруг доктор Дулиттл вспомнил, что он забыл взять с собой конфеты и яблоки. Ведь это так приятно — смотреть на сцену и хрустеть яблоком или посасывать леденец. Доктор уже хотел было послать Мэтьюза за сладостями, но когда они вошли в ложу, то увидели, что о них позаботились. Директор варьете недаром слыл очень любезным человеком: на большом подносе лежали лакомства для всех артистов доктора. Там был пучок морковки для Хрюкки, кусочек сыра для белой мыши, сардины для Крякки, пирог с мясом для Бу-Бу и три бараньих котлеты для О'Скалли, Тобби и Скока. А для Джона Дулиттла и Мэтьюза Магга директор приготовил большую коробку шоколадных конфет.

— Как это мило со стороны директора театра, — сказал доктор и отправил в рот первую конфету.

Звери по его примеру тоже принялись жевать. Театр постепенно наполнялся зрителями, и все с удивлением смотрели на ложу, где сидели животные. Со всех сторон на них показывали пальцами и говорили:

— Это Джон Дулиттл и его артисты.

Поросенок гордо хрюкнул:

— Вы видите, публика узнает меня. Господин доктор, может быть, мне встать и раскланяться?

— Зрители пришли сюда, чтобы смотреть представление, а не на твой пятачок, — ответил доктор. — Вот и ты лучше смотри на сцену.

Представление началось. Кто-то пел, кто-то танцевал. Звери с интересом смотрели на сцену. И вот появился клоун с тремя дрессированными собаками. Собаки прыгали, кувыркались, а когда одна из них стала ходить по канату, О'Скалли не выдержал и залаял на весь театр:

— Осторожнее! Не упади!

Собаки на сцене замерли — такого еще не случалось, чтобы им из зрительного зала подавали советы по-собачьи. Затем они посмотрели вверх, узнали доктора Дулиттла и его зверей и побежали в ложу.

Напрасно хозяин звал их. Собаки вернулись не раньше, чем поздоровались с доктором и познакомились с О'Скалли, Тобби и Скоком.

В антракте в ложу доктора зашел директор театра.

— Простите, господин доктор, — сказал он, — не могли бы вы выйти из ложи и прогуляться по фойе с вашими замечательными зверями? Публике очень хочется увидеть их поближе.

— Так и быть, я согласен, — высокомерно хрюкнул поросенок.

Как хорошо, что никто из людей, кроме, конечно, доктора Дулиттла, не понимал по-поросятчи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

ПРИЕМ У КНЯГИНИ

Очень приятно сидеть в удобном кресле зрительного зала и смотреть увлекательное представление. Но когда начинается антракт, хочется прогуляться по фойе, размять ноги и заглянуть в буфет, где можно выпить чаю с пирожными.

Так и поступила публика, пришедшая на представление театра-варьете. По просьбе директора театра к публике присоединился и доктор Дулиттл вместе со своими зверями. Белая мышь боялась, что непременно найдется среди зрителей один-другой неуклюжий, который если и не раздавит ее, то уж наверняка наступит на хвост, и поэтому она забралась к доктору в карман. Она с любопытством посматривала оттуда своими черными глазенками на людей. Совы, как известно, не умеют ходить по земле, и Бу-Бу уселась Джону Дулиттлу на плечо. Утка, собаки и поросенок семенили за доктором. Так они и вышли в фойе.

Взрослые расступались, пропуская знаменитых зверей, а детишки бежали за ними и визжали от восторга.

— Вон тот толстяк в цилиндре, — шептал сухопарый господин в очках на ухо своей жене, — сам доктор Дулиттл. Поговаривают, что он говорит на языке всех-всех зверей, какие только живут на земле.

— Мало ли что болтают люди, — пожала плечами дама. — По-моему, звери вообще не могут разговаривать.

Она держала за руку пухлого белокурого мальчишку.

— Да нет же, мама, — убеждал ее мальчуган, — это чистая правда! Джек — мы с ним учимся в одном классе —

побывал на «Пантомиме из Паддлеби» и говорит, что интереснее представления никогда не видел. Поросяенок там такое вытворяет на сцене, что животики надорвешь, утка отплясывает как настоящая балерина, а вон та собака играет роль Пьеро.

— Может быть, и так, Билли, но это еще не доказывает, что доктор Дулиттл знает язык зверей. — Слово «доказывает» женщина произнесла раздельно: «до-ка-зы-ва-ет». Она явно была из породы людей, которые никому не верят на слово и требуют всех мыслимых и немыслимых доказательств, словно они — суд.

— Если человек знает повадки животных, — поддакнул жене муж, — то он может обучить животных и плясать, и кувыраться, и даже ездить на велосипеде.

Но мальчуган не сдавался:

— А Джек рассказал, что во время представления у поросенка съехал набок парик, и тогда доктор Дулиттл выглянул из-за кулис, хрюкнул, и тотчас же поросенок поднял переднюю ножку и поправил парик. Могло ли быть такое, не говори доктор по-пороссячи?

Но даже это не убедило родителей мальчугана. Они лишь недоверчиво качали головами.

Одна девочка с голубым бантом в волосах смотрела восторженным взглядом на Хрюки и не отставала от него ни на шаг. Скажу вам по секрету: она была дочерью билетера в Вестминстерском театре и только поэтому попала на представление. Но она по-настоящему любила театр, всегда, когда это было возможно, приходила на представления и просила автографы у знаменитых актеров.

Что стоит актеру-человеку дать автограф? Да ничего, пустяк! Берешь в руки вечное перо и ставишь свою подпись в книжечке для автографов, на чистом листе, а то и на клочке бумаги. Но каково поросенку?

И вот девочка наконец-то решилась. Она приблизилась к Хрюки и сказала:

— Господин поросенок, не могли бы вы дать мне автограф?

До этого Хрюки гордо разгуливал среди публики и упивался тем, что его узнают. Но он не понял, чего хочет от него девочка, испугался и прижался к ноге Джона Дулиттла.

— Чего она от меня хочет? — взвизгнул он.

Поросенок боялся девчонок и был, наверное, прав — никогда неизвестно, какой фокус они выкинут.

— Она просит у тебя автограф, — объяснил ему доктор Дулиттл.

— Но у меня нет авто... автографа, — с трудом справился с незнакомым словом поросенок. — Как я могу ей дать эту штуку, если у меня ее нет?

— Да нет же, автограф — это вовсе не штука, — хрюкал ему в ответ доктор Дулиттл. Публика при этом покатывалась со смеху — как же, взрослый мужчина передразнивал поросенка! — Автограф — это всего лишь подпись, которую знаменитые актеры собственноручно дают поклонникам.

— Тогда другое дело, — обрадованно протянул Хрюкки. — Хотя — как же я распишусь? Я ведь писать не умею!

Но выход из положения быстро нашли — девочка положила на пол лист чистой бумаги, Хрюкки макнул копытце в чашечку черного кофе и приложил к листу. На бумаге остался четкий отпечаток, ничуть не хуже, чем подпись звезды.

Осмелевшие зрители навалились на Хрюкки с просьбами то дать автограф, то позволить почесать его за ухом, то ответить на вопрос.

А к Джону Дулиттлу подошел господин Силкинз, тот самый, что просил Пипинеллу рекламировать клетки. Он случайно оказался в театре варьете. Он решил воспользоваться удобным случаем и повторить свое предложение.

— Я в восторге от вашей оперы, — говорил господин Силкинз. — Я слушал ее уже четыре раза, а завтра пойду слушать в пятый, вместе с моей тетушкой из деревни.

Он долго жал доктору Дулиттлу руку, а на прощанье сказал:

— Ну что стоит вашей канарейке три часа в день провести в витрине моего магазина.

— Я спрошу у Пипинеллы, захочет ли она рекламировать клетки, — осторожно ответил доктор. — А потом напишу вам письмо.

Затем к доктору подошел другой господин и назвался мсье Жюлем Пуленом. Как известно, только французы

называют друг друга «мсье». Жюль Пулен приехал из Парижа, чтобы основать в Лондоне фабрику и делать на ней духи, помаду, пудру, кремы и все прочее, что так любят женщины и что называется словом «парфюмерия».

— Я много слышал о вашем псе, — сказал господин Пулен. — Я хотел бы просить пса помочь нам определить кое-какие запахи.

О'Скалли тут же согласился.

В тот вечер звери вернулись домой очень поздно. Крякки на скорую руку приготовила яичницу, и они сидели за столом и весело болтали.

Когда часы пробили полночь, доктор Дулиттл сказал:

— А теперь пора идти в постель.

Звери немного попереклались — им хотелось еще немного посидеть и поболтать, — но в конце концов послушно разбрелись по спальням. И только поросенок, не забывший свою мечту, натаскал душистого сена в лифт и устроился там на ночлег.

С тех пор он только там и ночевал. По утрам Крякки будила его, когда завтрак уже был готов.

— Вставай, соня, — крикала она. — Я уже подаю на стол.

Но поросенок не спешил просыпаться. Он потягивался, позевывал до тех пор, пока утка в сердцах не швыряла в него крышкой от кастрюли.

А однажды доктору принесли записку от русской княгини. Она приглашала доктора и его артистов на прием. Княгиня жила в великолепном дворце и славилась гостеприимством, но доктор решил приглашения не принимать.

— Как бы эти аристократы не устроили посмешище из моих зверей, — сказал он.

Но в тот же день в театре к Джону Дулиттлу подошел сам маэстро Паганини и лично передал приглашение от княгини.

«Такой человек не станет участвовать в недостойных затеях», — подумал доктор и согласился.

Княгиня прислала за гостями золоченую карету. Она была запряжена четверкой лошадей, а на запятках стояли два лакея. Прием удался на славу. Там были все известные артисты, композиторы, писатели, скульпторы и ху-

дожники. Там были послы иностранных держав, князья, принцы, графы и бароны, не говоря уж о более мелких дворянах с титулами и без. Но главными гостями все же были звери доктора Дулиттла.

Звери вели себя прекрасно, хотя и не обошлось без досадных недоразумений. У княгини жила белая ангорская кошка, и О'Скалли, как только увидел ее, бросился за ней.

— Я не хотел, господин доктор, — оправдывался потом пес, — ноги сами меня понесли.

Сами ноги понесли пса или не сами, неважно. Важно то, что он загнал белую ангорскую кошку в камин и та от сажи стала черной. Пришлось ее оттуда вытаскивать и мыть.

За ужином Хрюкки сидел между богатой маркизой и дирижером оркестра. Он очень умело расправлялся со всеми блюдами, и гости удивлялись: «Вы только посмотрите на этого благовоспитанного поросенка». Но когда подали апельсины, Хрюкки опростоволосился. Он ел их целиком, с кожурой. А когда доктор принялся ему выговаривать, он ответил:

— Зря вы думаете, что мы, свиньи, не разбираемся в апельсинах. Так намного вкуснее. Попробуйте сами!

После ужина Пипинелла с Корнелиусом спели дуэт из оперы. Все гости княгини были в восторге.

Глава 2

ПЕС И ПАРФЮМЕР

Мэтьюз Магг не ошибся, когда утверждал, что звери согласятся участвовать в рекламе.

— Реклама — двигатель торговли, — назидательно повторила белая мышь избитую фразу, которую она не слышала в те времена, когда жила в магазине. К тому же это будет очень увлекательно. Вы только представьте себе: Хрюкки разгуливает по витрине колбасного магазина, а рядом с ним лежат окорока.

Но Хрюкки такая мысль совсем не понравилась.

— И представлять не хочу! — взвизгнул он. — Никаких колбас, окороков, ветчины! Конечно, я не против рекламы, но если уж что и рекламировать, то детские игрушки. Это я сделаю с удовольствием.

— Лично я не имею ничего против ветчины, — сказал О'Скалли, — но, думается, ты прав. Надо рекламировать что-нибудь полезное. А помните, господин доктор, вы как-то получили письмо от эскимосских собак, где они просили у вас средство от облысения? Вы тут же состряпали мазь и опробовали ее на мне. Лекарство получилось что надо! Я так оброс шерстью, что едва не задохнулся от жары — ведь дело было в Африке. Если мы раструбим всем о вашей мази, то вы заработаете... — О'Скалли мечтательно прищурил глаза, и в его воображении опять появилась гора золотых и серебряных монет выше человеческого роста. — Вы заработаете кучу денег!

— А ваша микстура от кашля? — напомнил Корнелиус. — Все хозяева канареек с радостью ее купят.

— Уж кто-кто, а мы, звери, знаем, что ветеринары ничего не смыслят в наших болезнях, — вмешался в разговор Скок. — Напишите для них книгу, научите их готовить настоящие лекарства, и все звери скажут вам спасибо.

Еще до того, как доктор отправил зверей спать, они добились главного — Джон Дулиттл обещал им, что с их же помощью познакомит мир со всеми чудесными мазями, микстурами и порошками, которые он изобрел.

На следующий день доктор с О'Скалли отправились к господину Пулену, парфюмеру. Когда господин Пулен открыл дверь своего дома и увидел на пороге Джона Дулиттла с псом, он очень удивился и обрадовался.

— Я уже не надеялся, — сказал он, — что вы, господин доктор, примете мое предложение. Устраивайтесь поудобнее, я сейчас прикажу подать нам кофе, а псу — косточку.

Пока доктор и господин Пулен пили кофе и беседовали о погоде, явились вызванные главные мастера по приготовлению духов, помады и кремов.

— Господа, — сказал им Жюль Пулен, — имею честь представить вам необыкновенного человека, доктора Джона Дулиттла. Он первый в мире, и пока единствен-

ный, сумел выучить язык зверей. — При этих словах мастера недоверчиво хмыкнули. Жюль Пулен заметил это и продолжал: — Я знаю, что многие сомневаются в том, что можно говорить с животными, но я в это верю, как верю в то, что открытия доктора Дулиттла обогатят мировую науку.

О'Скалли лежал у камина и дремал — его всегда клонило в сон от красивых слов. И вдруг он вздрогнул и навострил ухо — господин Пулен заговорил о нем.

— Как вы видите, доктор привел сюда своего пса. Не мне вам объяснять, что мы производим не духи, помаду и мази, а запахи. И продаем мы не флакончики с жидкостью, а запах. Ни у кого из людей нет такого тонкого нюха, как у собак. Обратите еще внимание на золотой ошейник на шее у О'Скалли. Его наградили им за то, что он по запаху отыскал человека, которого пираты высадили на необитаемом острове. Поэтому давайте сегодня посмотреть на О'Скалли не как на пса, а как на большого знатока запахов.

О'Скалли поднесли под нос пузырек с духами и спросили, чем они пахнут. Это было своего рода испытание, ведь мастера-парфюмеры не верили, что какой-то пес может их чему-то научить. О'Скалли втянул воздух носом и поморщился.

— Они пахнут сыром.

Джон Дулиттл перевел его слова.

— Сыром? — недоверчиво воскликнул один из парфюмеров. — Наши самые дорогие и изысканные духи пахнут сыром? Не может быть!

Парфюмеры пустили пузырек с духами по кругу, долго принюхивались и наконец в один голос заявили:

— Мы не чувствуем запаха сыра. Здесь есть только запах жасмина и цветущей акации.

А про себя они подумали: «Этот доктор Дулиттл мошенник».

— Я не спорю, запах жасмина, цветущей акации там есть, но прежде всего ваши духи пахнут сыром, и не просто сыром, а камамбером, самым противным из французских сыров, какие только мне приходилось пробовать.

Господин Пулен всплеснул руками и глухо произнес:

— Какой ужас! Это мои лучшие духи, я назвал их «Грезы любви». Как получилось, что они пахнут сыром?

— Может быть, пахнут не сами духи, а пузырек? — предположил один из мастеров.

— Кто наклеивал этикетки на эти духи? — загремел господин Пулен. — Позвать его сюда! Немедленно!

Через пять минут в комнату ввели маленького, тщедушного человечка, неожиданный вызов к хозяину смертельно напугал его.

Господин Пулен наставил на него указательный палец и грозно спросил:

— Вы сегодня ели сыр? Отвечайте!

— Да, — сознался маленький человечек. — Я очень люблю камамбер, и сегодня жена дала мне на работу пару булочек с сыром.

— Запрещаю! — взревел Жюль Пулен. — Я запрещаю вам приносить сыр на фабрику. Из-за вас мои лучшие духи пахнут сыром. Если вы уж так его любите, ешьте по выходным дням.

Маленький человечек ушел. Мастера-парфюмеры удивленно смотрели на О'Скалли. Они не верили ни в способности пса, ни в способности доктора Дулиттла и собирались вывести мошенника на чистую воду. Но после случая с камамбером им волей-неволей приходилось принимать на веру все, что скажет необыкновенный пес в золотом ошейнике. Теперь они поочередно подсовывали под нос О'Скалли одеколоны, туалетную воду, пудру и душистое мыло.

Но пес только морщился и ворчал:

— Эта туалетная вода воняет свиным жиром, а от этого мыла несет домотканым сукном. Наверное, тот человек, который его варил, носил деревенскую одежду.

— А что ты скажешь об этой пудре? — спросил господин Пулен и взялся за изящную коробочку, обтянутую шелком. — Кажется, нам эта пудра удалась.

— Она пахнет табаком, — тут же вынес свой приговор О'Скалли.

Господин Пулен был в отчаянии.

— А какие запахи нравятся тебе больше других? — спросил он пса.

— Запах бифштекса, — не задумываясь ответил О'Скалли. — Почему бы вам не придумать духи с таким запахом?

Парфюмеры едва не упали в обморок.

— Но кто купит такие духи? Вы можете представить себе даму, от которой пахнет сырым мясом.

— А почему бы и нет? — удивился О'Скалли. — Здоровый, естественный и очень привлекательный запах.

Мастера-парфюмеры загрустили. Да и кому приятно слушать, как ругают твой товар? Пришлось вмешаться доктору Дулиттлю.

— Мне кажется, — сказал он, — все дело в том, что у собаки слишком тонкий нюх.

— Но ведь и мы ищем тонкие запахи! — воскликнул господин Пулен. — Тонкий запах — основа любых хороших духов, но бифштекс!

— Это дело вкуса, а о вкусах не спорят, — успокаивал его Джон Дулиттль. — Это совершенно естественно, что собаке нравится запах мяса, а не цветущей акации. Сейчас я попробую объяснить О'Скалли, какие запахи предпочитают люди. Может быть, он сумеет помочь вам в поисках новых тонких запахов.

И доктор залаял по-собачьи. Любой расхохотался бы при виде такой картины: толстяк доктор лает на собаку. Но мастерам-парфюмерам было не до смеха, они напряженно ждали, что скажет пес.

Когда О'Скалли наконец понял, чего от него хотят, он сказал:

— Я часто видел, как люди стоят на морском берегу, глубоко вдыхают воздух, а потом говорят: «Ах, как чудесно пахнет море!» В сосновом лесу они удивляются: «Как легко здесь дышится! А ведь запах моря состоит из одиннадцати различных запахов, в лесу же можно насчитать двадцать четыре запаха. У нас, у собак, совершенный нюх, потому что мы улавливаем отдельные запахи.

Он долго говорил о том, как надо упражнять свой нос, чтобы научиться «нюхать как следует». Конечно, обо всем этом можно было бы и не говорить, но пес гордился своим нюхом, и ему хотелось покрасоваться. И только полчаса спустя он сообщил парфюмерам кое-что действительно полезное.

— Полевые мыши устилают свои норы листьями травы — я не знаю, как она называется по-человечески. Эта сухая трава издает более нежный и тонкий запах, чем

цветущие сады. Кроме того, когда я охотюсь на кроликов, мне приходится разрывать их норы и иногда при этом мне попадаются небольшие корешки. Я пробовал их грызть, и мне кажется, что их запах понравится людям.

Господин Пулен в тот же день отправил людей раскапывать мышиные и кроличьи норы. А через два месяца в продаже появились новые духи с таким тонким запахом, что имя господина Жюля Пулена прославилось на весь мир. Люди говорили:

— Ах, этот Пулен! Как тонко он чувствует запахи!

И никто не догадывался, что по-настоящему тонко чувствует запахи не господин Пулен, а пес по имени О'Скалли.

Глава 3

ЗВЕРИНАЯ РЕКЛАМА

Доктор Дулиттл мало смыслил в делах. Другой на его месте сначала договорился бы с господином Пуленом об оплате услуг О'Скалли и только после этого представил бы пса мастерам-парфюмерам. К счастью, господин Пулен оказался честным человеком и прислал доктору кругленькую сумму.

— Немало, — сказал доктор, когда пересчитал деньги. — Они твои, О'Скалли. Ты их честно заработал.

— А зачем они мне нужны? — твякнул О'Скалли и отвернулся от лежащих на столе золотых монет. Деньги не пахли, а через окошко проникал в дом такой соблазнительный запах: там, во дворе, разгуливая крысы. — Оставьте эти деньги себе, господин доктор, вам они пригодятся. К тому же разве не вы меня кормили столько лет? Мне кажется, я вам здорово задолжал.

— Опять вы за свое, господин доктор? — набросилась на Джона Дулиттла Крякки. — Всякий раз, когда в доме появляются деньги, вы тут же говорите, что они не ваши, и отдаете их другими просто так, за здорово живешь.

Доктор безуспешно пытался оправдаться:

— Но ведь мы теперь неплохо зарабатываем на опере. На прошлой неделе я отдал последние долги цирка, и все равно на нашем счету в банке осталось больше денег, чем у меня когда-либо было.

Но Крякки не унималась:

— Чем больше у вас денег, тем быстрее вы их тратите. Как бы мне заставить вас вернуться в Паддлеби, пока вы не спустили все в Лондоне. Здесь такая дороговизна! Как подумаю, что мы снова окажемся без гроша, так у меня сразу же начинает голова болеть.

Но переупрямить доктора было трудно, почти невозможно.

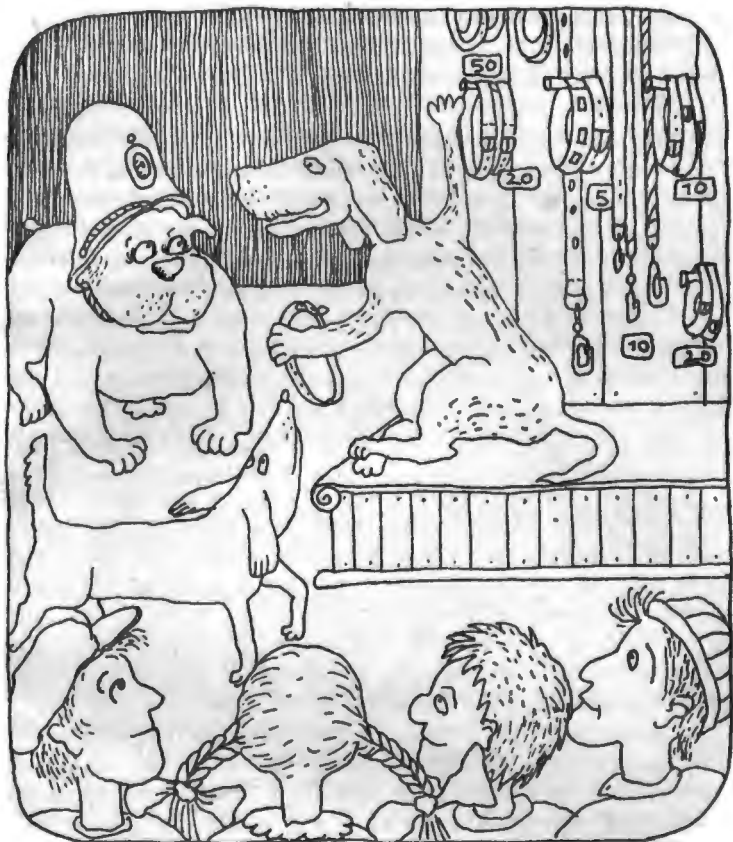
— Думай что хочешь, — сказал он утке, — а я считаю, что это деньги О'Скалли и что их надо положить в банк на его имя. Кто знает, вдруг наступит день, когда ему понадобятся деньги. Да и вам всем не мешало бы отложить что-то на черный день. Вдруг со мной что-нибудь случится.

— Ничего с вами не случится, — возразила утка, но на всякий случай трижды сплюнула через левое крыло. — Да и какой банк откроет счет поросенку или собаке?

Доктор был прав в одном — его звери сами стали зарабатывать деньги. О'Скалли был нарасхват — теперь его приглашали в магазин, торговавший ошейниками, поводками и всем прочим для собак и кошек. Дамы из высшего общества покупали там за бешеные деньги стеганные жилетки для своих болонок и шелковые штанишки для левреток, фарфоровые блюда и выложенные пухом корзинки для персидских кошек. Но когда пес узнал, куда его зову, он гордо отказался.

— Знаем мы такие магазины, — фыркнул он презрительно. — Там продают дорогие безделушки вроде резиновых костей. Кому нужна вся эта чушь? Сотни настоящих, смелых собак вынуждены скитаться по городу и с боем добывать себе пищу, в то время как подхалимы ходят на задних лапках перед хозяевами и получают все из их рук. За что? За какие заслуги? Только за то, что их называют породистыми? Да что толку в породе, если голова пуста!

Доктор Дулиттл поддержал пса, и остался бы злосчастный магазин без рекламы, не вмешайся в это дело

Крякки. Она отозвала О'Скалли в сторону и зашипела ему на ухо:

— Немедленно соглашайся. Если вам с доктором удастся сорвать хороший куш с хозяина магазина, то часть денег можно будет потратить на твоих бездомных приятелей. И вообще, нам пора возвращаться в Паддлеби, а на это тоже нужны деньги.

— Ладно уж, — согласился О'Скалли. — Попробую что-нибудь придумать. Но ни к каким кошачьим финтифлюшкам я в магазине и близко не подойду.

О'Скалли позвал на помощь Скока, Тобби, Джерри и

Грифа. Одна собачья голова — хорошо, а пять — лучше. Сосбща они придумали небольшое представление и разыграли его в витрине магазина.

О'Скалли изображал продавца. Он водносил другим собакам ошейники, попонки, поводки, а те примеряли их. Тобби играл комнатную собачонку, капризную и избалованную. Он примерял все подряд, смотрел на себя в зеркало и оставался недоволен. Тогда он швырял ошейники и попонки на землю и требовал принести другие. Скок ради смеха путал все на свете, надевал ошейник на хвост, а жилетку выворачивал наизнанку. При этом он забавлял публику ужимками и прыжками. Бульдог Гриф прикидывался бродягой, который надевает в магазине новый жилет, а затем пытается удрать, не заплатив. Тогда появлялся Джерри с каской полицейского на голове и хватал мелкого жулика.

Словом, собаки устраивали в витрине магазина веселую кутерьму. Иногда они менялись ролями, иногда — на ходу придумывали новые шутки. Прохожие останавливались на улице и подолгу смотрели на собак. Нередко около магазина собиралась целая толпа, и тогда появлялись настоящие полицейские, чтобы проверить, не происходит ли там что-нибудь неладное. А это, в свою очередь, привлекало еще большее число зевак.

Хрюкки наотрез отказался рекламировать колбасы, но с большим удовольствием выступал в витрине магазина игрушек. Дети визжали от восторга, когда смотрели на поросенка, который прыгал через скакалку, стучал копытцами в барабан, дудел в дудки. Но больше всего им нравилось, когда живой поросенок играл с заводным поросенком. Заводной поросенок стоял на задних лапках и очень смешно пиликал на скрипке. В одну неделю благодаря Хрюкки заводной поросенок стал самой модной игрушкой.

Пииинелла тоже согласилась на рекламу клеток.

— Я не знаю в клетке ничего плохого, — сказала она доктору. — Для птиц, родившихся в неволе, это такой же дом, как и конура для собаки.

Она порхала по витрине магазина, вила в клетке гнездо и пела. Всем своим поведением она показывала публике, что клетка ей по душе. А люди приходили в магазин, чтобы послушать ее пение.

КАРМАННАЯ ЛОШАДЬ

Тем временем Королевское общество скотоводов готовило свою ежегодную выставку. Строились павильоны, сооружались загонны для скота и птицы, сколачивались ларьки для продажи всякой всячины. На эту выставку съезжались крестьяне из самых отдаленных мест. Но там выставлялись не только лошади и коровы, но и все, что имело хоть какое-то отношение к животным.

Мэтьюз Магт решил, что пора сделать рекламу самому доктору Дулиттлу. Он надел свой новый фрак и, ничего не сказав доктору, отправился к директору выставки. Директор его принял, и Мэтьюз тотчас же сел на своего любимого конька. Он битый час расхваливал доктора медицины Джона Дулиттла, расписывал его открытия и не жалел красок. По правде говоря, он ничуть не преувеличивал.

Таким образом Мэтьюзу Магту удалось расшевелить директора выставки. Тот заинтересовался человеком, о котором рассказывают чудеса, и через два дня нанес визит Джону Дулиттлу. Для доктора это была немалая честь.

Он с гордостью показал директору выставки свой цирк. Гость пришел в восторг от зверинца, где лев, леопард и слон чувствовали себя как дома. А перед двуглавым тяни-толкаем директор выставки открыл от изумления рот и добрых пять минут не мог его закрыть.

— Не может быть! — шептал он. — А я-то думал, что знаю о животных все.

Но больше всего директору выставки понравилась конюшня — чистая и свежая, с окном, откуда открывался вид на зеленую лужайку. Сложная система рычагов позволяла лошадям самим открывать и закрывать окна, для этого достаточно было нажать копытом на доску под кормушкой. Но главным новшеством в конюшне были хитроумные поилки. Когда лошади хотели пить, они нажимали головой на особого рода рычажок, и вода сама лилась из труб в ведро.

— Как вам все это удалось сделать? — спрашивал директора директор выставки.

Джон Дулиттл смущенно молчал, но гость настаивал:

— Неужели вы сами до всего додумались?

В конце концов доктор Дулиттл решил признаться:

— Боюсь, что вы мне не поверите. Обычно мне никто не верит, но я уже давно к этому привык и не обижаюсь. Дело в том, что вот эти окна, которые можно открыть, ударив копытом по доске, придумали сами лошади. А я всего лишь изготовил механизм.

— Но как они вам сказали? — поразился директор выставки. — Я охотно верю, что лошади могут что-то придумать, они умные животные. Но как они вам сказали?

— Я понимаю их язык, — ответил доктор.

Директор выставки задумался. С одной стороны, этот толстяк не был похож на умалишенного, с другой — только умалишенный мог утверждать, что понимает язык зверей. В конце концов директор решил, что этого чудака необходимо пригласить на выставку. Если он сумасшедший, то все равно большого вреда не нанесет, а если он в здравом уме, то польза может получиться большая, и даже очень.

Теперь каждый день с утра доктор отправлялся на выставку. Вместе с ним шли О'Скалли, Хрюкки, Крякки и белая мышь. Крохотной белой мышью были совершенно не интересны коровы, лошади, овцы, зато она с большим любопытством рассматривала устройство мышеловок, которые там предлагали торговцы.

— Как работает эта мышеловка? — спрашивала она у Джона Дулиттла.

Доктор терпеливо объяснял. Белая мышь удовлетворенно кивала головой и говорила:

— Ну уж теперь-то я уверена, что мои дети в нее не попадутся. Я научу их, как утащить приманку и остаться целыми и невредимыми.

Хрюкки невозможно было оттянуть от витрин, полных отборных овощей: огромных тыкв, морковки, репы.

— Господин доктор, купите мне семена этой тыквы, — кланчил он. — И морковки тоже. Я высажу их на грядках в Паддлеби.

Крякки с удовольствием гуляла среди загонов с до-

машней птицей. Она даже встретила там родственников и знакомых и подолгу болтала с ними, обмениваясь новостями.

А О'Скалли все дни пропадал на выставке собак. Там были овчарки-колли, охраняющие от волков стада овец, огромные и лохматые сенбернары, спасающие людей в заснеженных горах, собаки-пожарные, выносящие детей из огня, и многие-многие другие. О'Скалли расспрашивал их, слушал всяческие истории о собачьих приключениях и с каждым днем все больше гордился тем, что собака — друг человека.

А Джову Дулиттлу было интересно все. Он бродил среди коров, овец, домашней птицы, рассматривал плуги, бороны, жатки, сеялки, ножницы для стрижки овец, одним словом, ничто не осталось без его внимания.

Однажды он пошел в загон, где стояли лошади. Там были всякие лошади: вороные, гнедые, белые, скаковые лошади, рысаки, тяжеловозы и маленькие пони. Возле пони стоял мальчуган лет пяти, он сосал леденец и упрямился отца:

— Купи! Купи мне пони!

Отец отвечал ему:

— Будь благоразумным, Джонни. Пони — не кошка и не собака. Нам негде его держать.

Но мальчуган упрямо повторял:

— Купи пони! Он хорошенький. Если нельзя этого, купи другого, поменьше, величиной с кошку.

— Но таких маленьких пони не бывает, — терпеливо объяснял отец.

— Почему не бывает? — уже чуть не плакал мальчуган.

Доктору стало жалко мальчишку, и он сказал:

— Бывают такие маленькие пони, бывают. Сейчас я расскажу тебе одну историю. Как-то много лет тому назад я путешествовал и попал в Бирму. Там я узнал, что в горах растет особый сорт риса. Если кормить этим рисом детенышей животных, то они почти не растут. Я набрал несколько мешков этого риса и взялся за опыты с пони. В конце концов мне удалось получить маленькую лошадку, настолько маленькую, что она помещалась в шляпе. Это было очень умное,мышленное существо, но ужасно несчастное. Все хотели его погладить и приласкать и едва

не заласкали до смерти. А в один прекрасный день собака приняла пони за кролика, схватила его и бросилась бегать. Мне пришлось долго гнаться за ней, пока я не отнял мою крохотную лошадку. Даже ястребы и те пытались ухватить ее когтями и унести к себе в гнездо. Вот тут-то я и понял, как жестоко поступил с пони, сделав его таким маленьким. Будь он нормального роста, ни птицы, ни собаки не посмели бы на него напасть. В конце концов я подарил своего карманного пони местному королю — тот обожал всяческие диковинки.

Мальчуган смотрел на доктора Дулиттла и думал. Наконец он сказал:

— Ладно. Пусть пони будут своего роста.

Джон Дулиттл пошел дальше. Отец мальчугана пробормотал ему вслед: «Барен Мюнхгаузен». Но он был не прав, доктор рассказал мальчугану чистую правду.

Директор выставки не прогадал, когда пригласил к себе Джона Дулиттла. Доктор показывал всем желающим, как просто и хорошо работают его помилки, продавал самые разнообразные лекарства для животных. Среди лекарств была и мазь для лошадей, придуманная Брауном. Правда, ветеринары презрительно поглядывали на доктора и чуть ли не открыто называли его мошенником. Но к доктору Дулиттлу, прямо на выставку, потянулись больные звери. На глазах у всех доктор давал микстуры птицам, рвал больные зубы коровам, брал в лубки сломанные лапы и крылья, лечил собак, телят и овец. И что самое удивительное — все животные выздоравливали. Пришлось ветеринарам смириться и прикусить язык, а самые умные из них не отходили от доктора ни на шаг, присматривались и учились лечить животных по-настоящему.

Глава 5

КАК РАЗДЕЛИТЬ ДЕНЬГИ...

Неделя шла за неделей. Каждый вечер на сцене театра «Рестит» шла птичья опера. Как ни странно, поток зрителей ничуть не уменьшался. Все так же змеилась очередь в кассу, все так же зрители заполняли зал до отказа, все так же газеты спорили о том, кто такой доктор Дулиттл: гений или мошенник. Никогда ни один спектакль в Лондоне не пользовался такой популярностью.

После того как состоялось соотное представление оперы и «Пантомимы из Паддлсби», доктор Дулиттл по такому торжественному случаю дал обед. Все было так же красиво и замечательно, как и на банкете в честь премьеры птичьей оперы. Хотя все же была и кое-какая разница.

Во-первых, Джон Дулиттл облачился не в свой старый фракшишко с заплатой на спине, а в новенький с иголочки, сшитый у лучшего лондонского портного фрак. Правда, надевая его, доктор ворчал:

— Терпеть не могу новые вещи. По-моему, старый был лучше и намного удобнее.

— Не волнуйтесь, господин доктор, — успокоила его Крикки, — у вас и новый так быстро истреплется, что через месяц станет ничуть не лучше старого.

Изменилась и госпожа Магг. Теперь она щеголяла в жемчужном ожерелье, а у ее Мэтьюза в булавке на галстуке сверкал бриллиант.

Во-вторых, циркачей стало намного меньше. И не потому, что доктор отвернулся от старых друзей, с кем делил кров и хлеб в трудные времена, а потому, что многие из них уже заработали достаточно, чтобы не испытывать нужды в старости, и бросили нелегкую свою работу.

Сбылась мечта силача Геракла — он возвратился в свой маленький домик на берегу моря и стал выращивать розы. Братья Пинто тоже оставили цирк. Вслед за ними ушел и Генри Крокетт, владелец кукольного театра. Правда, Тобби не захотел уходить с хозяином, уж больно ему нравилось в веселой семье доктора Дулиттла. Генри Крокетт посокрушался, но не стал настаивать и уехал один, без собаки.

Люди очень любят произносить речи, тем более на торжественных обедах. Вот и на обеде по случаю сотого представления птичьей оперы встал клоун Хоуп и сказал:

— Сегодня был последний день, когда я выступал перед публикой. Мне горько расставаться с моими друзьями, особенно с доктором Дулиттлом, — при этих словах все захлопали в ладоши, — но пора и мне бросить цирк и уйти на покой. Я всю жизнь мечтал собрать денег и поехать в дальние края, посмотреть мир. Теперь моя мечта сбывается. Мой пес, Скок, хочет остаться в цирке с доктором Дулиттлом. Что же, наверное, так будет лучше. Значит, и вы, глядя на него, будете вспоминать меня.

Не отказал себе в удовольствии произнести речь и Мэтьюз Магг. Он говорил долго, но на этот раз Теодора его не прерывала, а даже наоборот — она внимательно слушала и согласно кивала головой: уж больно красивые слова он научился произносить. Там были «замыслы», «мечты», «грандиозные планы» и «деятельность». От таких слов у Теодоры сладко заходило сердце.

Джон Дулиттл слушал Мэтьюза Магга вполуха. Ему было грустно оттого, что артисты уходили из цирка, но в то же время он радовался за своих друзей — они наконец-то могли делать то, чего им больше всего хотелось. Он сам уже третий месяц сидел вместе со своими зверями в Лондоне, незаметно прошла зима, в парке на деревьях появились первые зеленые листочки. Ему вспомнился старый дом в Паддлеби, одичавший за его отсутствие, и ему тоже захотелось распрощаться с бродячей цирковой жизнью. Дело оставалось за главным — заработать денег, чтобы расплатиться с долгами. Ох уж эти деньги! Они не помогают, а мешают людям делать то, что им по душе.

В тот день Теодора записала в своем дневнике: «Прощание клоуна Хоупа и Скока было очень трогательным. У меня прямо сердце разрывалось». С тех пор как у нее завелись деньги, она пристрастилась к чтению чувствительных книг и полюбила такого рода душераздирающие выражения. Но прощание пса и клоуна и в самом деле было трогательным. Пес скулил и вилял хвостом, Хоуп гладил его, обнимал и утирал слезы...

Именно в эту минуту Скок понял, что такое сомнения и как они могут мучить. Он давно привык к своему хозя-

ину, полюбил его и хотел уйти с ним, но в то же время был не в силах расстаться с доктором Дулиттлом и его веселой звериной семьей. Но быть сразу в двух местах — штука невозможная.

— Господин доктор, — сказал Хоуп Джону Дулиттлу, — я каждую неделю буду писать письма, а вы уж, пожалуйста, читайте их вслух по-собачьи Скоку.

Он еще раз погладил Скока и ушел.

Поздно вечером О'Скалли, Тобби и Скок улеглись на своих тюфяках в коридоре около спальни доктора. О'Скалли и Тобби уже задремали, когда все еще терзаемый сомнениями Скок снова заснул.

— Что же я наделал! Не должен был я покидать его. Где же моя хваленая собачья преданность? Ведь он был мне хорошим хозяином, даже очень хорошим, а я предал его. Как мог я оставить его после стольких лет дружбы?

— Выбрось ты все это из головы! — сердито проворчал Тобби. — Ну что ты терзаешь себя? Это люди выдумали собачью преданность. К чему укорять себя? Ты честно работал на сцене и зарабатывал себе на хлеб, а иногда — и хозяину. Публика чаще смеялась твоим, а не его выходкам. Теперь он бросил цирк, потому что у него в кармане завелись денежки, часть из которых по праву принадлежит тебе. Ну да ладно, мы с тобой и без денег не пропадем, но если тебе больше хочется остаться с доктором, а ему — путешествовать по дальним странам, то это ваше личное дело. И каждый из вас волен делать то, что ему вздумается.

— Так-то оно так, — согласился Скок, но тут же возразил: — И все же мне не следовало его бросать.

— Ты сначала разберись, кто кого бросил! — пролаял Тобби. — Мой хозяин, Генри Крокетт, тоже был неплохим человеком, а я предпочел остаться с доктором Дулиттлом и не чувствую за собой никакой вины. В конце концов у нас всего лишь одна жизнь. И хотя это собачья жизнь, она принадлежит нам.

И Тобби и О'Скалли пришлось немало потрудиться, прежде чем они сумели уговорить Скока отбросить прочь все сомнения.

Джон Дулиттл тоже в ту ночь уснул не сразу. Сначала он лежал в постели и думал о делах птичьей оперы, о

цирке и о прочих ежедневных заботах. И вдруг он услышал, что собаки в коридоре затеяли разговор. Он сел на постели и прислушался. Удивительно простая мысль о том, что собачья жизнь принадлежит собакам, поразила доктора.

Следующим утром доктор позвал к себе сову Бу-Бу, которая вела все счета, и очень долго о чем-то с ней советовался. Затем он собрал у себя в фургоне весь свой цирк.

По его просьбе пришли даже животные. Конечно, слон, лев и леопард в фургоне уже не поместились, они стояли на лужайке у входа и наблюдали за происходящим через открытую дверь. Только теперь Джон Дулиттл увидел, как сильно поредели ряды его артистов. Зверей оказалось намного больше, чем людей.

— Мы с вами хорошо поработали, — сказал доктор Дулиттл, — и уже можно пожинать плоды.

Хрючки тут же мечтательно прищурились и прошептали:

— Плоды — это хорошо, плоды я люблю...

— Помолчи, не мешай слушать, — одернула его Крячки. — По-моему, доктор сейчас скажет нам что-то важное, иначе он не стал бы всех собирать.

А Джон Дулиттл тем временем продолжал говорить:

— Вы знаете, что в нашем цирке ни у кого не было жалованья, но вся прибыль делилась среди артистов, и каждый получал то, что зарабатывал. А теперь подумайте сами: разве звери и птицы не помогали нам? Разве публика не выкладывает денежки за то, чтобы посмотреть зверей на арене цирка и в зверинце? Разве «Пантомима из Паддлеби» не принесла нам барыши? А теперь еще птичья опера дает нам хороший доход. Вот поэтому мне кажется, что будет справедливо, если и звери получат свою долю.

— Господин доктор, — затрубил вдруг слон, — я плохо понимаю человеческий язык, а дело здесь, как видно, непростое. Не могли бы вы повторить все по-слоновьи?

Доктор повторил свою речь по-слоновьи, а среди артистов-людей и артистов-зверей уже разгорелись споры.

— Да зачем им деньги? — говорили одни. — Не успеют они выйти с кошельком на улицу, как их тут же ограбят.

— О'Скалли не так-то легко ограбить, — возражали им другие.

— А остальных? — не унимались те, кто не хотел делиться со зверями.

— А остальные положат деньги в банк.

— В банк? Да кто им откроет счет?

— Есть один банк, — вмешался в спор доктор Дулиттл, — который уже согласен открыть счет любому из наших животных и выдать им чековые книжки.

— Но я же не умею писать! — хрюкнул поросенок. — А на каждом чеке надо ставить свою подпись.

Он уже видел, как входит в овощную лавку, набирает полную корзину всяких вкусностей и не может расплатиться из-за собственной неграмотности. От обиды Хрюкки едва не заплакал.

— Не хнычь, — сказала ему сова. — Люди придумали такую умную штуку, как доверенность. Ты доверишь доктору подписывать чек и получать деньги вместо тебя.

— А я думаю, что деньги вам вовсе не нужны, — возразила Крякки. — Вы их тут же растратите на пустяки.

Споры продолжались, и, так как к согласию никак не могли прийти, решили голосовать. Голосовали, конечно, только люди. Против были кассир и билетер, а Джон Дулиттл, Мэтьюз, Теодора и Фред из зверинца — за.

Вечером, сидя за ужином, доктор Дулиттл рассуждал:

— Мало ли что со мной может случиться! А так у вас будут деньги. Говорят: деньги делают человека. Я всегда считал и считаю до сих пор, что деньги — это плохо. Но также плохо, когда в кармане пусто. Давайте теперь проверим, может, люди станут больше уважать тех животных, у кого есть собственный счет в банке. Если меня кто-то ударит на улице, я могу подать на наглеца в суд. И в то же время люди беспрестанно раздают пинки животным. Если у вас будут деньги, вы можете нанять адвоката и наказать грубияна по закону.

— Да какой адвокат согласится? — встрепенулась Крякки.

— Эти крючкотворы согласятся на что угодно, лишь бы им хорошенько заплатили, — засмеялась сова Бу-Бу.

— Я уже нашел адвокатов, — сказал доктор, — которые готовы защищать вас в суде и распоряжаться вашими деньгами по доверенности.

О'Скалли ухмыльнулся.

— Насколько я понимаю, доверять можно только тому, кому веришь. А я верю только доктору Дулиттлу и еще немножко Мэтьюзу.

— Верно, — поддержала его Крякки. — Мы все дадим доверенность на распоряжение нашими деньгами господину доктору.

На том звери и порешили. А через несколько дней прибыль от цирка разделили, деньги зверей положили на счета в банке, и каждый из них получил чековую книжку.

Больше всех радовался Хрюкки. Он то и дело подбегал к сове и спрашивал:

— Бу-Бу, ну-ка скажи, пожалуйста, сколько у меня денег в банке?

— Пятьдесят три фунта восемь шиллингов и пять пенсов, — терпеливо отвечала сова.

— Пятьдесят три... восемь... пять... — мечтательно повторял поросенок, но через пять минут мудреные числа вылетали напрочь из его головы, и он снова бежал к сове.

— Бу-Бу, пожалуйста... — Все повторялось снова.

Но самое плохое было то, что Хрюкки окончательно зазнался. Он даже стал вести себя невежливо с другими представителями рода пороссячьего. При встрече с сородичами он задира лпятачок и хрюкал:

— Ведите себя повежливее со мной, деревенщина, а не то я скажу своему адвокату и он подаст на вас в суд.

Больше всех денег получил О'Скалли — доктор положил на его счет и ту кругленькую сумму, которую ему прислал господин Пулен.

Крякки поначалу расстроилась — ну к чему ей были нужны деньги? Но потом она поразмыслила и сказала себе: «Доктор все равно размотает свою долю. А у меня денежки целее будут. По крайней мере, когда он снова окажется без гроша, мы сможем на мою долю вернуться в Паддлеби».

Глава 6

...И КАК ИХ ПОТРАТИТЬ

Впервые в истории и, наверное, впервые в сказках звери получили деньги и могли тратить их, как им заблагорассудится. По правде говоря, доктор в душе был согласен с Крякки: он тоже считал, что звери потратят денежки в мгновение ока, но ему было очень любопытно посмотреть, что же выйдет из всей этой затеи. И даже если бы звери потратили все до последнего пенса, и то нельзя было бы сказать, что они неразумные животные. Сколько людей делают то же самое, проматывают огромные состояния, а окружающие продолжают считать их вполне разумными существами. Возможно, мотовство — черта чисто человеческая.

Вечером того же дня, когда звери получили чековые книжки, доктор допоздна задержался в театре. Ужин уже остывал, поэтому звери сели за стол без доктора. Разговаривали только о деньгах.

— Что ты сделаешь со своими деньгами, О'Скалли? — спросила пса белая мышь.

— Пока еще не знаю точно, — ответил О'Скалли, — но кое-что на примете у меня уже есть. Ты даже не представляешь, сколько бродячих собак умирает на улицах Лондона от голода. Я уже давно подумываю открыть ночлежку для бездомных, чтобы туда мог прийти любой сирота и любой бродяга и получить там кость, миску супа и подстилку на ночь. И чтобы никто не спрашивал, кто ты, откуда. Терпеть не могу праздных вопросов! Я уже говорил об этом с доктором Дулиттлом. Он обещал помочь.

— И кто тебя тянул за язык? — набросилась на О'Скалли Крякки. — У нас уже есть приют для престарелых лошадей, мы на него потратили кучу денег.

— Но теперь-то я потрачу свои деньги! — не сдавался О'Скалли.

— Ты же знаешь доктора, — продолжала сетовать Крякки, — он ухватится за твою мысль и из доброты начнет тратить свои деньги. Бу-Бу говорит, что доктор Дулиттл сейчас богат. Ну и что с того? Помяните мое сло-

во — не за горами тот день, когда он снова окажется без гроша. И вот тут-то мы ему поможем. Поэтому пусть все ваши денежки лежат в банке, не трогайте их, берегите!

— Но доктор сказал, что мы сами заработали эти деньги, — хрюкнул поросенок. — Значит, они наши.

— Без доктора ты не заработал бы и ломаного гроша! — ухнула с камина сова. — Люди, чтобы сберечь деньги, пускают их в оборот, занимаются торговлей.

— Вот это по мне! — перебил Хрюкки и звонко шлепнул себя копытцем по груди. — Что может быть лучше торговли овощами? Я открою на свои деньги овощную лавку и половину от прибыли буду отдавать тебе, Крякки, чтобы ты хорошенько кормила доктора.

— Боже! Что ты затеял! — всплеснула крыльями Крякки.

— А почему нет? — не сдавался Хрюкки. — У меня хватит денег, чтобы скупить все вилки капусты на Лондонском рынке. Я самый богатый поросенок в Англии.

— Ты самый глупый поросенок в мире! — сердито крякнула утка. — Как только ты откроешь лавку, то сразу же сам слопаешь все овощи и нечего будет продавать.

Звери еще долго пререкались за ужином, но так ни до чего и не договорились. Да оно и понятно: трудно было ожидать, что кто-то откажется от тех удовольствий, которые можно получить за деньги.

Белая мышь попросила доктора сходить с ней в сырную лавку, и там они купили полфунта каждого вида сыра, какой только был. А было там ой как немало сыров. Даже доктор Дулиттл не знал и половины их названий.

Когда они пришли домой с огромным свертком, от которого соблазнительно пахло сыром, Хрюкки выпросил у белой мыши по маленькому ломтику каждого сыра. Он хотел запомнить их названия и вкус, не потому, что был лакомка, а потому, что ему вздумалось написать книгу «Мои питательные кулинарные приключения». А так как в жизни поросенка подобных приключений хватало, то книга тянула томов на десять.

Хрюкки с помощью доктора сам покупал себе овощи и фрукты, самые дорогие и редкие. Однажды в большом овощном магазине одна дама увидела, что поросенок лакомится спаржей, и набросилась на доктора Дулиттла:

— Как вы смеете скармливать свинье такие изысканные овощи?

Хрюкки с высоко поднятой головой и набитым спаржей ртом посмотрел на сердитую даму и попросил доктора Дулиттла:

— Скажите ей, господин доктор, что я сам все это купил, на собственные деньги.

Доктор не мог отказать себе в удовольствии и перевел слова Хрюкки на человеческий язык. Вы бы видели, что случилось с дамой! Она открыла рот, потом закрыла, так ничего и не сказав, а затем покраснела ярче летнего помидора и бросилась вон из магазина.

У поросенка появилась еще одна привычка — ему ужасно понравилось начищать до блеска свои копытца. Он даже договорился с маленьким чистильщиком обуви, и тот каждое утро приходил к дому, где жил доктор Дулиттл и его звери, и на ступеньках драил копытца Хрюкки. Поросенок при этом гордо поглядывал на прохожих.

Именно эти блестящие копытца и переполнили чашу терпения Крякки.

— Да как тебе не стыдно тратить деньги на такие пустяки, — укоряла она Хрюкки.

— Но это стоит всего один пенс в день! — оправдывался поросенок.

— Транжира поросятчий! — даже взвизгнула от возмущения Крякки. — Да в Паддлеби я на два пенса готовила вам всем обед!

— Положение обязывает, — задрал пяточок Хрюкки. — Не могу же я выйти на улицу с грязными копытцами! Там дети узнают меня и показывают пальцем: смотрите, вон идет Хрюкки, знаменитый артист.

— Скажи лучше — знаменитый хвостун, — проворчала Крякки и вернулась к своим кастрюлям.

Утка мыла и перемывала посуду, готовила и убирала изо дня в день. Свои деньги она не тратила ни на что, в то время как остальные звери бегали по магазинам. Лишь сова Бу-Бу была такой же осмотрительной. И как-то в голову Крякки закралась мысль: а почему бы мне не нанять посудомойку?

Мысль настолько ей понравилась, что уже на следующий день молодая опрятная девушка мыла тарелки и

драила кастрюли. Крякки только показывала ей крылом, что вымыть и что куда убрать. Платила Крякки девушке из собственных денег.

Но если Крякки нарадоваться не могла на прислугу, то Джону Дулиттлу житья от нее не стало. Девушка, как и многие другие, мечтала о сцене, о театре, о букетах цветов и поклонниках, одним словом, она хотела стать актрисой. Она принялась осаждать знаменитого доктора Дулиттла просьбами:

— Господин доктор, помогите же мне попасть на сцену. Я буду прекрасной оперной певицей.

Доктор послушал, как она поет, и пришел в ужас.

— Вы прекрасная посудомойка, — сказал он ей. — Ну зачем вам понадобилась оперная сцена?

Но девушка не отступала, и доктор стал возвращаться домой только тогда, когда посудомойка уже уходила. А утром, прежде чем выйти из своей комнаты, он посылал Крякки разведать, где сейчас девушка, а затем окольными путями потихоньку покидал дом.

Скок сначала не знал даже, что делать с деньгами. Но вот однажды к доктору пришли больные собаки, и от них Скок услышал, что его родная сестра Мегги живет на южной окраине Лондона. Скок решил навестить сестру и попросил доктора поехать с ним.

С последней встречи брата и сестры минуло уже восемь лет. С тех пор сестра вышла замуж, а совсем недавно родила пятерых очень милых щенков.

У всех матерей одна забота — вырастить своих детей здоровыми. Три щенка Мегги росли здоровыми и резвыми, а двое были слабенькими. Поэтому сестра Скока ужасно обрадовалась, что брат привел доктора Дулиттла.

Доктор осмотрел щенков и сказал:

— Не тревожьтесь, никакой серьезной болезни у них нет. Конура у вас тесная и душная, детям следует бывать побольше на свежем воздухе.

— Но я же не могу отпускать их одних. Малыши едва-едва научились ходить. А сколько опасностей на улицах Лондона! Того и гляди каретой переедут.

— Все будет хорошо, Мегги! — неожиданно воскликнул Скок. — Я найму няню, настоящую, человеческую.

Так он и сделал. Через день-два на улицах Лондона

появилась няня в белом переднике и чепце, которая катила коляску, а в коляске сидели пятеро щенков. На улице было еще холодно, поэтому щенки были одеты в вязаные жилетики. Рядом с няней шатал дядя Сков, сын цирка Джона Дулиттла.

Глава 7

ЗВЕРБАНК

В одно воскресное утро, когда Джон Дулиттл и звери сидели за завтраком, к нему вошел Мэтьюз Магг. В руках он держал газету.

— Вы слышали, господин доктор, — сказал он, — говорят, что банк, где мы храним наши деньги, может лопнуть.

— В самом деле? — встревожился доктор Дулиттл. — Надо забрать оттуда все наши сбережения и поискать другой, понадежнее.

— Как банк может лопнуть? — удивился Хрюкки. — Ведь он каменный. Вот стеклянная банка может лопнуть, это я сам видел. Позавчера у Крякки лопнула банка с вареньем, и все варенье вытекло на пол. Но и в том большой беды, по-моему, не было, я варенье тут же съел. Было очень вкусно.

Доктор пустился в объяснения:

— Банк — это то место, где люди хранят свои деньги. — Деньги складывают в железные, прочные сейфы, а потом ссужают их тем, кому они срочно требуются. Но ссужают по-особому, скажем, дают в долг сто фунтов, а вернуть требуют сто двадцать. Если банк ведет свои дела неосторожно, то он может разориться. Тогда говорят, что банк лопнул.

— Сдается мне, — проворчала сова Бу-Бу, — что наша старая копилка была надежнее любого банка. Если бы она и лопнула, то наши деньги все равно остались бы при нас.

— Выходит, плакали наши денежки? — захохла Крякки.

— Пока еще нет, — попытался успокоить хозяйку доктор Дулиттл. — Завтра же утром я заберу из нашего банка все деньги и отнесу их в другой.

— А если и другой лопнет? — не хотела успокаиваться Крякки.

— Придумал! — вдруг радостно залаял О'Скалли. — А что, если нам основать свой собственный банк? Банк зверей будет самым надежным банком.

— А где же звери возьмут деньги? — засомневалась Крякки.

— Заработают, — уверенно ответил О'Скалли. — Заработали же мы!

Доктор задумался, а потом вдруг поддержал О'Скалли:

— А что, это мысль. В конце концов настанет такой день, когда люди будут платить животным за их работу. Почему цепному псу не платят за то, что он сторожит хозяйское добро? Почему не платят лошадям? А когда у зверей появятся деньги, им потребуется надежное место для хранения. Давайте подумаем, как назвать такой банк: может быть, ПЕС-КОТ-БАНК? По-моему, звучит неплохо.

О'Скалли поморщился в ответ.

— Нет, в названии не должно быть ни кошек, ни собак, иначе все сразу вспомнят о старой вражде между кошками и собаками и станут смеяться. Название должно быть серьезное, вызывающее доверие, чтобы и звери и люди охотно несли к нам деньги. К тому же я не стал бы брать в компаньоны кошек. Они ленивы, работать их и палкой не заставишь, единственное, что им надо, — это теплый уголок возле печки. Нам нужен банк для зверей и людей, куда каждый сможет положить деньги без страха, что его надуют. Давайте назовем его Сберегательным банком трудящихся животных. И не будем в него пускать сорок — они не трудятся, а живут воровством. Таскают из домов золото и серебро.

— Твое название слишком длинное, его сразу и не выговорить, — возразила Бу-Бу. — Давайте назовем его просто — Звериный банк, а сокращенно — ЗВЕРБАНК.

Название всем понравилось. Дело оставалось за малым: найти помещение, поставить прочные сейфы, нанять ассенров. Доктор Дулиттл как-никак был доктором медицины, а не доктором экономики, поэтому ему требовалась помощь. И он обратился к богатому любителю животных, который одолжил ему пеликанов и фламинго для оперы.

Сообща они быстро сняли дом и нанесли служащих. Мэтьюз Магг поспешил рассказать о затее газетчикам, и уже через день все газеты дружно смеялись над Звербанком.

Но газеты могли смеяться, сколько их душе было угодно. Главное — все люди узнали о новом банке, основанном самим доктором Дулиттлом, которого называли «волшебником из Паддлеби» и которому верили очень и очень многие.

Джон Дулиттл взял из ненадежного банка все их сбережения и хранил дома до самого открытия Звербанка. А открылся банк всего через неделю после памятного разговора.

С самого утра на улице столпились любопытные. Одни с улыбкой показывали пальцем на вывеску, где большими золотыми буквами было написано ЗВЕРБАНК. Такого еще никто не видел. Другие тоже улыбались, а про себя подумывали, не поместить ли им свои денежки в Звербанк?

Кроме людей к банку потихоньку стягивались звери и птицы из окрестностей Лондона — их заранее оповестила сова Бу-Бу. И все несли с собой загадочные свертки.

И вот банк распахнул двери. Первыми положили на счет свои деньги звери доктора Дулиттла и птицы из его оперы. Это были настоящие деньги — фунты и шиллинги. За ними пошли лесные звери. Один барсук принес сто золотых монет. Он как-то рыл нору и натолкнулся на старый горшок с золотыми монетами. Чайки несли жемчужины, ежи — случайно найденные в лесу копейки. Звери все прибывали и прибывали — кроты, ласки, собаки, лисы...

А потом публика и вовсе изумилась: к банку подъехал большой фургон, и из него вышли лев, леопард и слон. Это были звери из цирка доктора Дулиттла, которые тоже

получили свою долю прибыли. Говорят, что обезьяны обезьянничают. Это неправда, больше всех на земле обезьянничают люди. Вот и теперь люди увидели, как много зверей принесли деньги и драгоценности в Звербанк, и тоже решили не отставать. Не меньше тысячи человек решились доверить свои сбережения Звербанку.

Скажем честно, Звербанк не стал таким большим банком, как банк Ротшильда. Но он существует до сих пор и считается вполне надежным.

Г л а в а 8

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ НОВОСТИ ИЗ ПАДДЛЕБИ

Публика словно предчувствовала, что скоро и птичья опера, и цирк доктора Дулиттла прекратят свои представления, и спешила увидеть необычных артистов. Многие шли во второй раз, а некоторые даже в третий.

Утка и сова постоянно заводили речь о возвращении домой, но доктор отговаривался тем, что дела идут хорошо и грех не использовать такую возможность.

Но утка думала иначе. Она знала, что если они не вернутся как можно скорее в Паддлеби, то доктор непременно потратит все заработанные деньги и им снова придется бродить с цирком по ярмаркам, чтобы расплатиться с долгами.

А вот Хрюкки не думал о завтрашнем дне. Ему нравилась жизнь артиста, большие города, слава, и он хотел, чтобы доктор Дулиттл придумал какое-нибудь новое представление.

Но доктор так был занят с оперой и цирком, что ничего нового придумать не мог — не потому, что ему не хватало воображения, а потому, что у него совершенно не оставалось свободного времени.

Вот тогда-то поросенок и решил придумать что-нибудь новенькое сам.

Однажды вечером он сказал:

— Вы только послушайте, какая мысль мне пришла в голову.

Утка опасливо посмотрела на поросенка — от него она ждала только неприятностей. Но О'Скалли был в благодушном настроении — он успел проглотить сытный ужин и теперь грелся у огня, полыхавшего в камине.

— Валяй, рассказывай, что там тебе пришло в голову, — твякнул он. — Может быть, на этот раз ты придумал что-то дельное.

— Очень даже дельное, — невозмутимо согласился поросенок. Он неторопливо отобрал из блюда три самых больших яблока, чтобы съесть их уже в постели, и торжественно произнес: — По-моему, нам пора кончать с представлениями птичьей оперы. Спору нет, она принесла нам хорошую прибыль, но нельзя же потчевать публику одним и тем же! Птичьи песенки скоро зрителям набьют оскомину, и тогда про нас забудут. Нужно что-то новенькое. Вот я и предлагаю поставить кулинарную оперу.

Все весело рассмеялись — Хрюкки сел на своего любимого конька! Не смеялась только утка. Она подошла вплотную к «великому артисту», приблизила свой клюв прямо к его пяточку и грозно крякнула:

— Если ты будешь приставать к нам со своими глупостями и мешать нам возвратиться в Паддлеби, я откажусь тебя кормить. Пока я хозяйка в этом доме, ты у меня и корочки хлеба не получишь.

— Не сердись, — миролюбиво сказал поросенок, — я там и для тебя роль придумал. Самую главную, хотя моя роль будет чуть-чуть главнее. Ты будешь готовить все те блюда, которые я буду съедать на сцене.

— Ты опять за свое? — вконец разъярилась утка. — Ну что же, пеняй на себя!

— погоди, Крякки, — мягко остановил ее доктор Дулиттл. — Давай сначала выслушаем его до конца.

Опасаясь взбучки, поросенок прихватил свои яблоки и пересел поближе к доктору.

— Правильно, господин доктор, — сказал он, когда почувствовал себя в безопасности. — Сначала выслушайте меня до конца. Это будет веселая, забавная опера в четырех действиях и с увертюрой...

— И все же я не понимаю, — перебил поросенка док-

тор Дулиттл, — как можно сочинить целую оперу об одной лишь еде.

— А там будет не одна еда, там будет много еды, — возразил поросенок. — Столько, чтобы хватило на все четыре действия. Сначала будет увертюра. Почему я так люблю заходить на кухню к Крякки, когда она готовит?

— Чтобы станция до обеда капутную кочерыжку! — хихикнул О'Скалли.

— И вовсе нет. Дело в том, что звон кастрюль, стук ножа, шипение масла звучат как музыка. Вот это и будет у нас увертюрой. В первом отделении на сцену будут выносить закуски — салаты, редиску, огурцы, — да мало ли что еще годится в качестве закуски! Тут же прозвучит квартет ножей и вилок. За стол сядут четыре человека и в такт, слаженно, станут работать ножами и вилками. Божественный, нежный перезвон столовых приборов! Зрители прослезятся!

Поросенок даже мечтательно прикрыл глаза.

— Не так уж и плохо, — согласился с ним Джон Дулиттл, — а дальше что?

— Второе отделение начнется с супов. Они будут кипеть, булькать, ворчать на огне. А потом их подадут на стол.

— А танцев в твоей опере не будет? — удивился Скок. — В ней будут только жевать и жевать?

— Ну, конечно, будут. Во втором отделении у меня будет танец салфеток. А в третьем — марш официантов. В ливреях и с подносами в руках они будут ходить вокруг меня. На каждом подносе два-три блюда, я сижу посреди сцены, а официанты ходят и ходят вокруг...

— А голова у тебя не закружится, Хрюкки? — язвительно спросил О'Скалли.

— Не беспокойся, я привычный, — продолжал поросенок. Он так увлекся, что даже не замечал, как остальные звери посмеиваются над ним. — А в четвертом действии настанет время пирожков, тортов, мороженого и фруктов. А чтобы раззадорить публику, по залу будут носить блюда, чтобы зрители почувствовали запах.

— Это ты здорово придумал, — хмыкнул О'Скалли, — зрители будут нюхать, а ты будешь есть.

Но поросенок уже ни на что не обращал внимания.

— А какие там будут арии! «Булькай громче, мой котенок...» Или вот еще — любовная песня...

Хрюкки встал на задние ножки, скрестил передние на груди, закатил глаза и пронзительно завизжал по-поросячьи:

Не в силах думать о другом,
Молю тебя о встрече, милый.
Там, под луной, у блюда с пирогами-о-о-ом,
И с творого-о-о-ом!..

— Господин доктор, прикажите ему замолчать, — простонала Крякки, — иначе я не выдержу и не ручаюсь за себя.

— Конечно, это произведение не будет великой оперой, но я и задумывал веселое представление, легкое и забавное...

— А получился легкий и забавный обед, — засмеялся Скок.

— Французы такие оперы называют опера-буфф, — ввернул умное слово Хрюкки.

— Я бы сказал опера-пир-горой, — насмеялся О'Скалли.

— Спаси меня, Господи, от безумных свиней! — воскликнула в ужасе Крякки. — Господин доктор, ну чего нам еще не хватает? Славы? Денег? Неужели лондонская публика польстится на эту обжорскую оперу? Мы вбукаем в ее подготовку все, что у нас есть, а потом останемся на бобах. Как же мы вернемся в Паддлеби без денег? Не слушайте Хрюкки, не поддавайтесь на его уговоры. Он так зазнался, что и вовсе ум потерял.

И тут произошло то, от чего Крякки потеряла дар речи. Джон Дулиттл долго не отвечал, а потом задумчиво произнес:

— А в этом и в самом деле что-то есть. Конечно, Хрюкки — большой выдумщик, и над его оперой придется еще хорошенько поработать, но публика на его оперу пойдет, хотя бы потому, что ее придумал известный артист — поросенок.

Тут уже испугалась и сова.

— Одумайтесь, доктор, — ухнула она. — Неужели вы всерьез готовы взяться за эту чушь?

Но доктор уже никого не слушал, а только бормотал:

— Музыканты могут играть на крышках от кастрюль и на хрустальных бокалах...

Всю ночь Крякки не сомкнула глаз. От одной мысли, что доктор вдруг затеет новое представление и еще на полгода застрянет в Лондоне, у нее на глазах выступали слезы.

Но утром на помощь ей пришел Горлопан. Неделию назад он убедился, что пеликаны и фламинго после сотни представлений знают уже свои роли назубок и его присутствие в птичьей опере не требуется. Воробей решил отдохнуть за городом и полетел в Паддлеби. Теперь он вернулся и первым делом навестил Джона Дулиттла.

Доктор и его звери сидели за столом, когда Горлопан впорхнул в открытое окошко. Тут же все забыли про кулиарную оперу и забросали воробья вопросами.

— В деревне сейчас прекрасно, — отвечал Горлопан. — Правда, пока цветет только терновник, но уже появилась зелень. Вот-вот зацветут яблони. Но ваш сад, господин доктор, в этом году цвести не будет. Ваши яблони так долго никто не подрезал и не прививал, что они стали больше похожи на стариков с нечесаными бородами, чем на фруктовые деревья. Но дрозды и скворцы по-прежнему выют гнезда в вашем саду.

— А крокусы? — огорченно спросил Джон Дулиттл.

— Какие крокусы? — искренне удивился Горлопан. — Цветник так зарос травой, что сквозь нее никаким цветам не пробиться. А вот трава растет хорошо, в человеческий рост уже вымахала. Скоро из-за нее дома будет не видно. Если вы решили выращивать сено, то не прогадали. Веза три в вашем саду набрать будет можно, и неплохо на этом заработать.

Чем больше рассказывал Горлопан, тем больше огорчался доктор Дулиттл и тем больше радовалась Крякки. Она быстро смекнула, что уж теперь ее любимый доктор вернется вместе с ней в ее любимый Паддлеби, чтобы привести в порядок дом и сад.

— А как поживает старая хромая лошадь? — не поднимая глаз от смущения, спросил доктор.

— Жива, что делается старушке, — чирикнул воробей. — Она передает вам привет. Овса и сена у нее хвата-

ет, иногда она выходит погулять на лужайку у дома. На жизнь она не жалуется, но до нее дошли слухи, что вы основали приют для престарелых лошадей. Вот она и спрашивает, не лучше ли ей перебраться в этот приют, а то уж больно одинокой и заброшенной она себя чувствует.

— Вот видите, господин доктор! — воскликнула Крякки. — Говорила я вам, а вы меня не слушали! Если мы немедленно не вернемся в Паддлеби, рассыплется на кирпичи ваш дом и погибнет сад. А лошади-то каково!

— Конечно, ты права, — согласился с ней Джон Дулиттл. — Одному Богу известно, как я тоскую по старому доброму Паддлеби. С твоей оперой, Хрюкки, придется повременить. Может быть, когда-нибудь, уже в Паддлеби, мы подготовим оперу к твоему дню рождения. А сейчас, Горлопан, отправляйся ко мне домой и скажи старой хромой лошади, что мы возвращаемся.

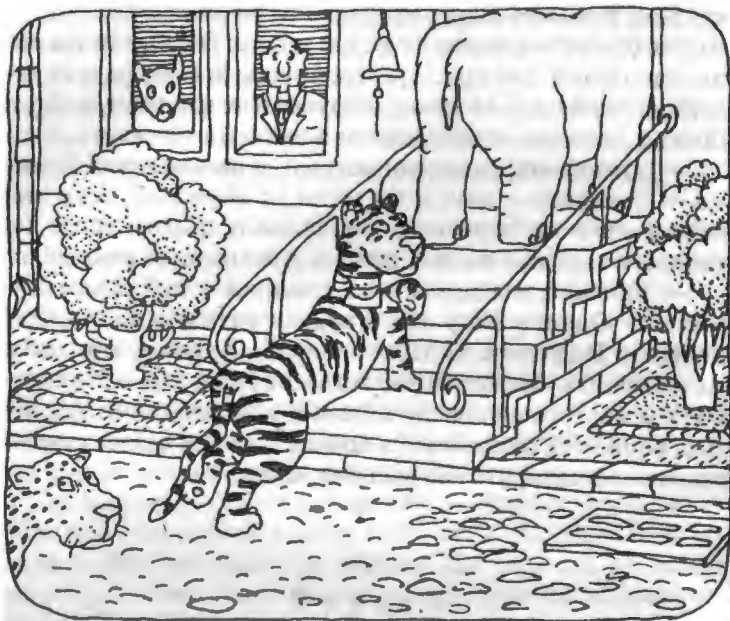
Глава 9

ЛЕГЕНДА О ПРИВИДЕНИЯХ ИЗ ДЖОББЕРИЧ

Цирк доктора Дулиттла закрылся. Сворачивались шатры, паковались чемоданы, но на душе Крякки все равно было беспокойно. Бедняжка боялась, что в последнюю минуту случится что-то такое, что помешает доктору оставить навсегда цирк.

А Джон Дулиттл был настроен решительно. Он не поддавался на уговоры директоров театров и хозяев увеселительных садов. Уже были возвращены хозяевам пеликаны и фламинго, разлетелся по своим гнездам хор воробьев, Корнелиус, Пипинелла и прочие канарейки сами выбрали себе хозяев.

Правда, оставался еще зверинец, в котором были слон, леопард, лев и опоссум. Недолго думая, доктор решил отправить их на родину. Вы бы слышали, как громко трубили и рычали слон, лев и леопард, когда узнали, что скоро они вернутся в свою любимую Африку. Они

так шумели, что люди, жившие по соседству, подумали, что наступает Судный день.

Денег, которые заработали в цирке звери-африканцы, с лихвой хватило бы на то, чтобы отправить их домой в клетках. Но Джон Дулиттл решил отплатить добром зверям за их верную службу и сказал:

— Если зверей повезут в клетках на обычном пароходе, то весь день пассажиры будут пялиться на них, мешать им, а мальчишки станут швырять в них орехами. Я найду для них целый корабль.

Бережливая Крякки схватила за голову. Она не знала точно, сколько стоит нанять корабль и отвезти на нем слона, льва и леопарда в Африку, но догадывалась, что обойдется им новая затея доктора ой как недешево. От ужаса перья у нее на голове встали дыбом.

— Они всю жизнь прожили в клетках, — заохала утка. — Ну что им стоит еще немного потерпеть! Каждую неделю из Англии в Африку отплывает корабль.

Джон Дулиттл возразил ей:

— Обычные корабли с пассажирами заходят только в порты, а ты представляешь, какая суматоха поднимется, если на пристань сойдут слон, лев и леопард. Их или снова посадят в клетку и продадут в зоопарк, или пристрелят. Я хочу, чтобы моих зверей высадили там, где они сами потребуют.

И вот доктор Дулиттл поместил в газете объявление, что он желает нанять корабль на один рейс в Африку. К доктору гурьбой повалили капитаны.

— Перевезти льва, леопарда и слона? — говорили они. — Нет ничего проще! Мы сегодня же погрузим клетки на палубу и к вечеру снимемся с якоря.

— Нет, нет! — горячо возражал доктор. — Никаких клеток. Мои звери должны свободно разгуливать по всему кораблю. Но вы не беспокойтесь, хлопот вам они не доставят, с ними поедет человек, который будет за ними ухаживать.

Все капитаны удивленно выкатывали глаза, затем выразительно крутили пальцем у виска и уходили восвояси. И только один старый добродушный морской волк согласился взять к себе на борт диких зверей без клеток.

— Звери? — обрадовался он. — Ну и слава Богу! Лишь бы не изысканные пассажиры первого класса. От зверей, думаю, у меня будет меньше головной боли.

Тут же наняли плотника, и он быстро сколотил посреди палубы корабля большой крытый загон, где слон мог укрываться от шторма; льву и леопарду обустроили большую каюту. На носу корабля поставили бочки с водой. В жару слон набирал воду в хобот, поливал себя и окатывал с ног до головы своих друзей льва и леопарда. Корабль отплыл. Джон Дулиттл стоял на пристани и махал зверям рукой.

Через месяц вернулся Фред, присматривавший в дороге за зверями. Он рассказал, что все прошло замечательно, погода стояла хорошая, и только в Бискайском заливе их два дня трепал шторм. Но слон преспокойно отсиделся в своем устланном мягким войлоком загоне, а лев и леопард валялись на полу своей каюты и пили куриный бульон.

Остальные дни звери проводили на палубе. Морской

воздух им был явно на пользу, потому что аппетит у зверей стал отменный, и запасов продовольствия едва-едва хватило до конца путешествия.

Звери не знают географии, поэтому они не могли сказать, где их родина. Капитан бросал якорь то тут, то там, звери выходили на берег, осматривались, отрицательно качали головой и возвращались на корабль. Так продолжалось долго, пока, наконец, корабль не бросил якорь у устья Замбези. Звери сошли на берег, походили по краю тропического леса, затем затрубили и заревели, словно прощаясь с Фредом, и исчезали в зарослях.

Когда Фред рассказал эту историю Джону Дулиттлу, тот страшно удивился.

— Но ведь, судя по их рассказам, все они из разных краев! Они должны были сойти на берег в разных местах!

— Звери дружили, господин доктор, — ответил Фред. — Наверно, они не захотели расставаться.

Потом, много лет спустя, доктор снова побывал в Африке и там услышал странную легенду. Охотники из дальних селений рассказывали, что в африканской саванне они иногда встречают разгуливающих вместе слона, льва и леопарда. И уж совсем невероятными выглядели их рассказы о том, что в полнолуние все африканские звери: жирафы, антилопы, гиены, обезьяны, носороги — собираются на огромной поляне и усаживаются в круг, а слон, лев и леопард выходят на середину и показывают немыслимые трюки. Слон пляшет на задних ногах и барабанит хоботом по пню, а лев и леопард борются друг с другом, словно люди. И никто никого на этих необычных представлениях не ест. Антилопа может безбоязненно сидеть рядом с крокодилом, а страус — рядом с гиеной.

Африканские жители называли этих слона, льва и леопарда привидениями из Джобберич. Белые охотники, бывавшие в тех краях, смеялись над суеверными рассказами чернокожих. Но доктор Дулиттл сразу догадался, что это его звери, которые даже в далекой Африке не могли забыть цирк.

ПРОЩАЙ, ЛОНДОН!

Когда лондонские городские животные узнали, что доктор Дулиттл сворачивает шатры своего цирка, они гурьбой повалили к нему. Одни хотели увидеть великого человека и познакомиться с ним, другие были и вправду больны и просили у него помощи. Кошки, собаки, крысы, мыши, воробьи, сороки, галки шли и летели к нему день-деньской.

Особенно много к нему шло собак. Виной тому был О'Скалли. Он с самого утра уходил в кварталы бедняков, и если там ему встречался больной бродячий пес, то он отправлял беднягу к доктору Дулиттлу.

— Ступай к доктору, пока не поздно, — говорил он. — Скоро доктор уедет домой, но сегодня фургон доктора Дулиттла все еще стоит у Риджент-парка.

Конечно, от этого у доктора Дулиттла намного прибавлялось хлопот. Сам О'Скалли это прекрасно понимал, но ничего не мог с собой поделать. При виде несчастных собратьев у него сердце кровью обливалось.

— Судьба у собак нелегкая, — говорил он, когда Крякки принималась бранить его. — У многих жизнь не складывается, что же плохого в том, что я протяну им лапу помощи?

В отличие от Крякки доктор Дулиттл радовался, когда к нему приходили больные звери. Он считал, что человеческую жизнь надо мерить не прожитыми годами, а числом добрых дел. И он очень жалел, что дом у него маленький и он не может взять с собой в Паддлеби бездомных лондонских собак.

— Но почему, господин доктор? — удивлялся О'Скалли. — У вас большой сад, там можно поставить одну большую конуру, где поместится дюжина псов. Да и в доме место найдется, если немного потесниться.

И вот в один прекрасный день сердце О'Скалли не выдержало. Он, по совету Крякки, долго крепился и не тратил свои деньги, чтобы всей семейке было на что жить, когда Джон Дулиттл снова окажется без гроша в кармане. Но что делать, если каждый день встречаешь на улице разнесчастных собратьев?

И наконец О'Скалли решился сделать то, о чем давно мечтал, — открыть в Лондоне ночлежку и бесплатную столовую для собак.

Пес позвал на помощь Бу-Бу, и она посчитала, сколько денег понадобится на его затею. Когда все было посчитано, сова схватила за голову.

— Бесплатная столовая будет бесплатной только для твоих бродячих сородичей, а тебе придется выложить уйму денег. Всех твоих сбережений хватит только на один день.

Огорченный О'Скалли пошел к доктору, но и тот сказал то же самое, что и сова.

— А если обойтись без ночлежки и столовой, а только раздавать собакам кости? — не сдавался О'Скалли, уж больно ему хотелось помочь другим.

Он вернулся к сове, и они снова принялись считать и пересчитывать. Оказалось, что денег О'Скалли хватит в обрез на то, чтобы неделю подкармливать косточками весь собачий Лондон.

— Пусть будет хоть так, — обреченно согласился пес.

И он взялся за дело. Уже через два дня половина лондонских мясников свозила кости на склад на берегу Темзы и сваливала их там. Рыжий веснушчатый парень со смехом выдавал собакам по кости в зубы, а О'Скалли стоял у входа, приветствовал старых знакомых и родственников и сам следил, чтобы все было справедливо.

Как только О'Скалли замечал в очереди ухоженного пса в ошейнике, он тут же принимался стыдить его:

— И как тебе не стыдно отнимать пищу у бездомных и голодных? У тебя есть хозяин, он тебя поит и кормит. Уходи и больше не показывайся мне на глаза.

Сова рассчитала точно — ровно через неделю все деньги у О'Скалли вышли, и мясники перестали подвозить в сарай на берегу Темзы кости. На том и кончилась собачья благотворительность. Но бродячие лондонские псы еще долго вспоминали О'Скалли.

Все уже было готово к возвращению в Паддлеби. Оставалось только отправить в Америку шестерых черных ужей, которых мнимая принцесса Фатима выдавала за ядовитых змей, и опоссума, которого бывший директор цирка Блоссом показывал публике как «ужасного хищника американских лесов зверя харри-гарри». Выручил господин Вильсон, тот самый богатый любитель животных, который одолжил доктору Дулиттлу великанов и фламинго для оперы.

Господин Вильсон отбывал в Америку по делам и любезно согласился взять с собой опоссума и ужей. Приготовили два удобных ящика, где и «ядовитые змеи» и «ужасный хищник» могли жить в течение всего путешествия через океан.

Ящики стояли в каюте господина Вильсона, и все шло

гладко до тех пор, пока в один прекрасный, солнечный день опоссума не вывели прогуляться по палубе.

Опоссум вдохнул свежий морской воздух, огляделся и вдруг увидел высокие мачты корабля. А надо вам сказать, что в своих родных лесах опоссумы очень любят висеть вниз головой на ветках больших деревьев. Обматывают ветку хвостом и висят, вниз посматривают. Ну что поделаешь, если им так нравится? И когда опоссум увидел высокие мачты корабля, он со скоростью кошки, за которой гонится О'Скалли, вскарабкался на самую верхушку, обмотал свой длинный хвост вокруг реи и повис там вниз головой.

Господин Вильсон был очень хороший человек, но у него, впрочем как и у меня и у вас, был один большой недостаток — он не говорил на языке зверей. Он громко кричал, звал опоссума, обещал ему любые лакомства, если только «милая зверушечка» спустится на палубу. Все было тщетно. Опоссум висел среди надутых ветром парусов и, судя по всему, намеревался провести вниз головой весь остаток путешествия.

Что было делать господину Вильсону? Лазить по мачтам он не испытывал никакого желания, потому что не умел это делать. А вокруг него уже собралась толпа пассажиров. Раздались смешки. В самом деле, кому не станет смешно при виде висящего вниз головой зверька и толстого господина, умоляющего «милую зверушечку» спуститься вниз?

В конце концов, капитан услышал шум и вышел на палубу. Он был человек опытный, всякое на своем веку видал и сразу же понял, что к чему. Недолго думая, он послал на мачту матроса.

Матрос лазил по мачтам и канатам как заправский акробат, но все же хуже опоссума. Пока матрос подбирался к зверьку, тот очень ловко, словно находился на земле, а не среди канатов и раздутых ветром парусов, перебрался на другую мачту и повис там.

Капитан послал на помощь первому матросу второго, но и вдвоем им не удалось справиться с юрким опоссумом. Вскоре уже семь матросов лазили по мачтам и, ругаясь на чем свет стоит, пытались изловить упрямого зверька. Наконец его оставили в покое, и он так и висел

до позднего вечера на рее вниз головой и любовался заходом солнца.

И только после захода солнца, когда задул сильный холодный ветер, опоссум спустился вниз сам. Господин Вильсон все еще поджидал его на палубе. Он отнес опоссума в свою каюту, уложил в теплый, уютный ящик и больше не выводил его до конца путешествия.

Но приключения господина Вильсона на этом не кончились. Когда корабль пристал к американскому берегу, на борт поднялись таможенники. Кто это такие? Дело в том, что многие государства боятся, что к ним ввезут что-нибудь запрещенное — оружие или, скажем, целую революцию. Вот таможенники и роются в вещах пассажиров, ищут среди белья пушки и бунтовщиков. И когда таможенники увидели господина Вильсона с двумя большими ящиками, они обрадовались: «В таких ящиках удобно возить оружие».

— Будьте добры, — сказали таможенники господину Вильсону, — откройте ваши ящики.

— Не стоит их открывать, — начал было упрашивать таможенников господин Вильсон, — иначе мы с вами хлопот не оберемся.

— Нет-нет, открывайте, — настаивали таможенники. Они уже заранее радовались — сейчас поймут злоумышленника с поличным!

Господин Вильсон с тяжелым сердцем открыл ящик, и тут же оттуда выползли шесть огромных ужей. Но только господин Вильсон знал, что это безобидные ужи, остальные увидели в них ядовитых змей.

Не стоит винить в случившемся ужей, их можно понять. Они всю дорогу от Англии до Америки провели в ящике, теперь им ужасно хотелось размяться и погреться на солнышке.

Ввозить революцию запрещено, а змей — нет. Таможенники извинились и бросились помогать господину Вильсону ловить змей. Остальные пассажиры визжали от страха и взбирались на мачты не хуже опоссума.

К счастью, все закончилось благополучно, ужей водворили обратно в ящик, а затем господин Вильсон отвез их и опоссума за город в лес и отпустил там на свободу. Ни ужи, ни опоссум так и не извинились перед господи-

пом Вильсоном за доставленные хлопоты и беспокойство. Наверное, они подумали, что раз уж он не понимает их языка, то и извиняться не стоит. А ведь были не правы — извиниться в любом случае стоило бы.

Лужайка в Риджент-парке опустела. Шатры были свернуты, все лишнее продано, карусель и кукольный театр — ширмы, марионетки, занавес — подарили приюту, где жили дети-сироты. От огромного, веселого, цветного цирка осталось только два фургона — фургон доктора Дулиттла и его семейки и фургон Мэтьюза и Теодоры с тяни-толкаем.

Мэтьюз Магт бродил по лужайке. Сокрушенно покачивал головой и бормотал:

— Я этого не переживу... я этого не переживу...

Его жена Теодора уговаривала его:

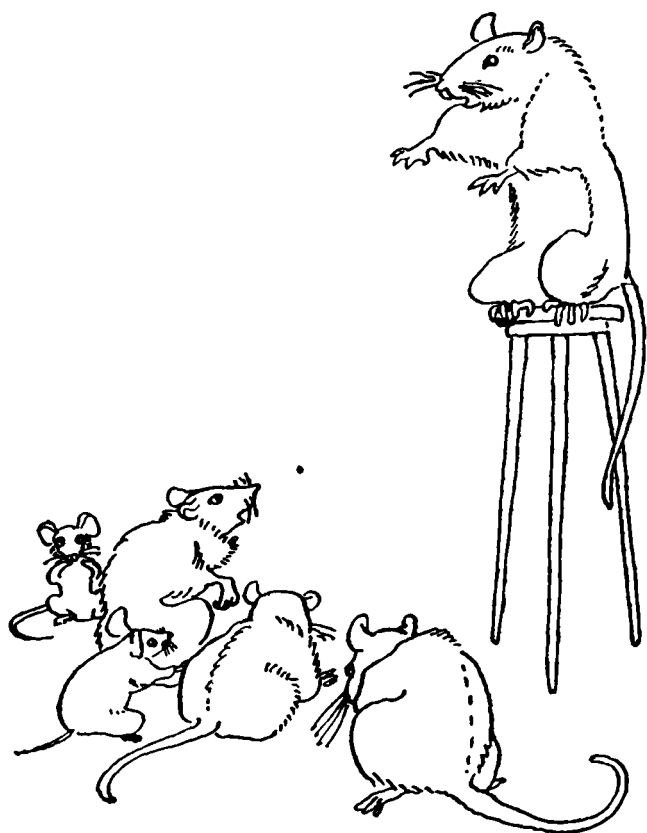
— Не терзай себя, Мэтьюз. Всему когда-нибудь наступает конец. Не может же доктор Дулиттл всю жизнь провести в цирке. Да и нам с тобой пора домой. Хватит бродить по свету.

Но больше всех не хотели расставаться с цирком дети, жившие по соседству с Риджент-парком. За три месяца они уже привыкли к тому, что можно бесплатно загляды-вать в клетку ко льву, слону, леопарду, смотреть на представление кукольного театра или выступление силача Геракла. В день отъезда доктора дети гурьбой пришли на лужайку и принесли три огромных букета цветов и вручили их Теодоре, Мэтьюзу и доктору Дулиттлу. Они в последний раз сидели вместе, и доктор Дулиттл угощал всех мятными леденцами.

Когда Мэтьюз Магт и доктор Дулиттл тронулись в путь, у обоих в глазах стояли слезы.

Зоопарк доктора Дулиттла

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я сел к столу, положил перед собой чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и... задумался. С чего же начать? Я почесал затылок, потер нос, погрыз кончик пера, поерзал на стуле, но ничто не помогло — в голову ничего не приходило.

И я решился на крайнее средство. Я позвал:

— Полли! Помогите мне!

Старая попутайха сидела на краешке стола и любовалась на свое отражение в стеклянной чернильнице. Она так сама себе нравилась, что пропустила мои слова мимо ушей.

— Полинезия! — с притворной строгостью сказал я, хотя на самом деле мне хотелось улыбнуться, до того она забавно выглядела.

Попутайха снова меня не услышала. Я не мог на нее сердиться, уж слишком долгая дружба связывала нас, поэтому я попросту рассмеялся:

— Ну что ты разглядываешь себя, словно девчонка? Вспомни, сколько тебе лет! Двести, не меньше! В твоём возрасте в зеркало уже не смотрят.

Старушка Полли с трудом оторвалась от своего отражения и взглянула на меня.

— Да, я уже немолода, — произнесла она своим скрипучим голосом, — но, по-моему, хорошо сохранилась. Посмотри, как красиво поблескивают эти красные перышки. — И она горделиво повела крылом. — Так что ты от меня хотел?

Я вздохнул и сказал:

— Хочу написать еще одну книгу о докторе Дулиттле, но не знаю, с чего начать.

Полли удивленно скрипнула в ответ:

— Как? Еще одну книгу? А зачем, скажи на милость?

— Затем, — сказал я, — что мы должны описать все-все приключения доктора.

— Конечно, все его приключения очень любопытные и занимательные, — задумчиво протянула Полли. — Джон Дулиттл обладал удивительной способностью попадать в пренеприятнейшие истории и с легкостью выпутываться из них. Все это очень поучительно. Да только издадут ли твою книгу?

— А это зависит от читателей, — бодро ответил я. — Пока они хотят читать о докторе Дулиттле и его необыкновенных приключениях, книги о нем будут издавать. Так с чего же ты мне посоветуешь начать?

Попугайка прищурила один глаз и хитро посмотрела на меня.

— Ты ведь тоже немолод, Том Стаббинс, — сказала она. — У тебя уже седеют виски. И если ты собираешься описать все-все приключения доктора Дулиттла, то тебе придется дожить до моего возраста, раньше тебе никак не управиться. Поэтому напиши-ка ты умную книгу, чтобы люди поняли, что животные не хуже их. А для этого лучше всего годится ученый трактат.

Старушка Полли так и сказала — трактат! — и высоко подняла голову. В свое время она научилась многим умным словам от доктора Дулиттла и очень часто вворачивала их к месту и не к месту, а самое главное — очень тем гордилась. Пришлось ее охладить.

— Ну нет, — возразил я, — трактат никак не годится. Кто же нынче читает трактаты? Само это слово люди уже забыли. Придется объяснять читателям, что это значит. Но я думаю, что любая книга о докторе Дулиттле будет и умной и поучительной. Вспомни, я уже написал о путешествии доктора в Африку, где он лечил больных обезьян, о том, как он бродил по городам с цирком и помог убежать тюленях Софи, о птичьей почте и о птичьей опере. Разве эти книги не поучительны?

Попугайка молчала. Ей не хотелось, ой как не хотелось признавать, что я прав. Наконец она открыла клюв и проскрипела:

— А ты уже написал книгу о том, как доктор приплыл

на остров Паучьих Обезьян и как его избрали королем попсипетлей и багиагдерагов?

— Написал. Написал даже о том, как ты привела черных попугаев и спасла нас всех от неминуемой смерти, — польстил ей я.

— Жаль, — протянула Полли. — Книгу о путешествиях доктора Дулиттла начинать очень просто — надо только сказать, что он собирается в дорогу и не хочет брать с собой бритву. Он всегда говорил: «К чему мне бритва? Я могу побриться и осколком стекла». А мы с Крякки непременно совали ему в дорожный саквояж его любимую бритву, и потом он вечно удивлялся, откуда же она взялась. Ну да Бог с ней, с бритвой. Раз ты уже написал о путешествии доктора Дулиттла, то теперь напиши о том, что было дальше.

— А что же было дальше? Ах, вспомнил! — воскликнул я. — Потом доктор занялся своим зоопарком и сделал из него целый город.

— Да, славные были времена, — вздохнула Полли. — Вот и назови книгу «Город зверей».

— Нет, не пойдет, — возразил я. — Книга-то все-таки будет не о зверях, а о докторе Дулиттле. Поэтому назову-ка я ее «ЗООПАРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА». И просто, и понятно.

— Ладно, поступай как знаешь, — не стала спорить со мной Полли. — Но начни книгу с того, как мы вышли из раковины Большой Хрустальной Улитки на берег Англии. Напиши также о том, как ты встретился с родителями — они ведь не видели тебя три года и ужасно соскучились. Получится очень чувствительная история, но многим именно такие и нравятся. Поверь, я не лгу. Когда-то я знавала одну даму, так она просто рыдала над книгами. Обычно она...

Старушка Полли заговорила о чувствительных историях, а говорить о них она могла часами. Поэтому я поспешил перебить ее.

— погоди, погоди, — сказал я. — О дамах, книгах и слезах мы с тобой потолкуем в другой раз, а сейчас пора браться за книгу о докторе Дулиттле.

Полли не обиделась, а только рассмеялась:

— Так и быть, вернемся к доктору Дулиттлу. Ты пиши

и читай мне вслух написанное. Как только увидишь, что я задремала, это будет значить, что рассказ получается скучный. Тебе придется хорошенько постараться, потому что я уже стара и после сытного обеда меня неудержимо клонит в сон. Начинай.

Я обмакнул перо в чернила и вывел первое слово.

Глава 1

ПОСЛАНЦЫ КРЯККИ

Итак, наконец-то мы возвратились домой! Конечно, мы еще не добрались до самого дома, но уже ступили ногами на землю Англии, и до Паддлеби нам оставалось пройти всего несколько миль. Рядом с нами на морском берегу лежала огромная Улитка, в чьей раковине мы и проделали такой долгий путь по дну океана.

По небу плыли низкие тучи, над берегом клубился туман. Но все опасности уже были позади, и мы радовались и чуть ли не плясали. Взвалив на спину наши нехитрые пожитки, мы зашагали вперед, но доктор вдруг хлопнул себя по лбу и вскричал:

— Стойте, стойте! Ой, как нехорошо и невежливо! Мы же впопыхах забыли попрощаться с Хрустальной Улиткой!

Поворачивать назад нам не хотелось, но все же доктор был прав — было бы некрасиво с нашей стороны уйти и не сказать до свидания Улитке. Как-никак она выручила нас из беды и доставила домой.

Прощание было недолгим — погода стояла отвратительная, мы торопились домой, к очагу, а Улитка спешила скрыться на дне моря, где ни туман, ни дождь, ни ветер были ей не страшны. Ее огромная розовая раковина смутно виднелась в тумане и была похожа на волшебный замок. Улитка медленно ползла по песку к воде, а мы стояли на берегу и махали ей руками, лапами и крыльями и кричали:

— Прощай, Улитка! Спасибо за помощь!

Розовая раковина скрылась под водой, и мне захотелось ущипнуть себя — да было ли на самом деле это удивительное путешествие по морскому дну или мне все приснилось?

Мы снова зашагали через луг к Паддлеби.

— Интересно, чем угостит нас на ужин Крякки? — спросил доктор Дулиттл. — Честно говоря, я сильно проголодался.

— Я тоже, — отозвался Бед-Окур. — Хорошо бы, она приготовила бифштекс с жареной картошкой и салат.

И наследник престола Ума-Лишинго облизнулся.

Мы шли по залитому водой лугу и перебирали всяческие вкусности. У меня даже засосало под ложечкой и потекли слюнки. Вдруг из тумана появились две дикие утки. Они описали круг над головой доктора Дулиттла и опустились к его ногам.

— Нас послала к вам навстречу Крякки, — сказали утки. — Поторопитесь домой, а то скоро пойдет дождь и вы промокнете до нитки. Она уже ждет вас и готовит ужин.

— Как хорошо! — обрадовался доктор. — Но откуда она узнала, что мы вернулись?

— Об этом ей сказали мы, — ответили утки. — Еще днем мы полетели через море к Ирландии навестить родственников, а когда возвращались назад, нас захватила гроза. Мы от нее убежали, но она приближается сюда. На берегу мы присели отдохнуть и тут увидели, как вы выходите из Улитки. Тогда мы сразу же отправились предупредить Крякки, чтобы она успела приготовить ужин.

— И вам удалось так быстро слетать ко мне домой и обратно? — удивился доктор. — Мне казалось, что мы вышли на берег всего несколько минут тому назад!

— Так оно и есть, — согласились с ним утки. — Но мы летаем очень быстро.

— Даже плохая погода вам не мешает? — спросил доктор. — Насколько я знаю, птицы в дождь не летают.

— Мы ведь не воробьи, — гордо сказали утки. — Никакой дождь нам не помеха. Это у сухопутных птиц промокают перья, и они в дождь не летают. Мы — дело другое, мы — птицы водоплавающие.

— Оказывается, они еще и водолетающие, — тихонько хмыкнула Полли.

— Кстати, — продолжали утки, — Крякки просила вас по дороге домой заглянуть в лавку и купить фунта два колбасы, немного сахара и полдюжины свечей.

И они хотели уже было улететь, но Полли остановила их.

— Погодите, — сказала она, — не торопитесь. Я хотела попросить вас об одолжении. Мне кажется, не стоит на каждом углу рассказывать, что доктор Дулиттл сегодня вернулся в Паддлеби. Путешествие было долгим и трудным, а если известие о его возвращении разнесется по окрестностям, то к его дому со всех сторон потянутся звери и птицы. У всех у них окажется кашель, насморк и еще уйма болячек. Жили же они как-то без доктора три года, проживут еще пару дней. Знаю я их, они придумают себе любую хворь, лишь бы найти повод посетить доктора Дулиттла. А ему надо бы сначала хоть немного отдохнуть с дороги.

— Мы будем держать клювы на замке, — пообещали утки. — Но мы не можем ручаться за других птиц, потому что они тоже могли увидеть доктора. А все что ни день спрашивают, когда же вернется доктор. Он никогда прежде не отправлялся в такое долгое путешествие, и мы уже начали за него беспокоиться.

Утки взмахнули крыльями, поднялись в воздух и исчезли в тумане. Слышно было только, как их крылья со свистом рассекают воздух.

— Ну конечно же, — проворчала Полли, — теперь доктору Дулиттлу придется объяснять каждому встречному, будь то улитка или муравей, почему он так долго отсутствовал. Да как он смел! Известность — дело хорошее, но здесь она оборачивается неприятностями. Я очень рада, что не стала звериным доктором. А вот и дождь пошел, не зря нас о нем предупреждали утки. Том, спрячь меня под свою куртку, иначе я промокну до перышка. Я же не летающая птица!

Действительно, с неба хлынул дождь. Уже смеркалось, все вокруг затянуло пеленой тумана, и мы не видели даже собственного носа.

— О'Скалли, — позвал доктор пса, — не мог бы ты показывать нам дорогу? Без твоей помощи мы еще долго будем блуждать среди болота.

Джон Дулиттл был прав: хотя до нас доносился колокольный звон со стороны Паддлеби, мы не видели ни зги и то и дело оказывались в трясине. А О'Скалли знал местность как свои пять пальцев, к тому же его вело вперед обоняние. Он чудом умел находить среди луж сухую тропинку.

Овраги по берегам реки Марш быстро наполнялись водой, и, не будь с нами О'Скалли, мы вполне могли бы провалиться в болото и утонуть. Но верный друг пес шагал впереди, обходил стороной опасность, и везде под ногой мы чувствовали твердую почву. То тут, то там дорогу нам перебегали водяные крысы. О'Скалли был прирожденным охотником, и сейчас ему было невтерпех пуститься вдогонку за ними, но он крепился и только рычал вслед:

— Бегите, бегите, через день-два я вернусь, и мы еще посмотрим, кто кого...

Крысы нахально попискивали в ответ. Наверно, они чувствовали, что сегодня О'Скалли им не страшен.

Мы долго петляли, и наконец пес вывел нас на высокий холм. Оттуда открывалась прямая дорога на мост через реку Марш. Спустя полчаса мы уже входили в предместье Паддлеби.

Позади нас в густом тумане едва виднелся среди бегущих волн призрачный парус лодки, возвращавшейся с моря в порт.

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУТНИКА

На Королевском мосту сквозь пелену тумана нам призывно мерцали огоньки.

Полли, сидевшая у меня под курткой, долго в них вглядывалась, а потом встрепелулась и сказала:

— Я знаю, что вы снова со мной не согласитесь, но я думаю, что лучше было бы отправить за колбасой и прочей дребеденью Тома. А доктор пусть обойдет город сто-

роной, а не то и дети и собаки узнают его, обступят прямо на улице, и домой он больше никогда не попадет.

— Ты, кажется, права, — согласился со вздохом доктор. — Нам действительно будет лучше свернуть здесь на север и окраинной выйти на Воловью улицу.

Полли пересела на плечо к доктору Дулиттлу, и все мои друзья зашагали домой, а я пошел в город. Мне было очень жаль, что я не увижу, как радостно встретят доктора остававшиеся дома звери, но я понимал, что так и в самом деле будет лучше. Утешало меня одно — я шел через Королевский мост с чувством гордости, словно вер-

нувшийся из дальних стран путешественник, случайно завоевавший полмира. Хоть небольшая, а все же награда за то, что мне пришлось плестись в магазин. В конце концов сам Христофор Колумб после открытия Америки не мог испытывать большей гордости, чем я в тот вечер. Я, Том Стаббинс, сын сапожника!

В особое волнение меня приводило то, что никто меня не узнавал. Я сам себе казался героем из сказок «Тысячи и одной ночи», волшебным путешественником, которого никто не видит. Мне было уже на три года больше, чем тогда, когда я покинул город, я достиг того возраста, когда мальчишка тянется вверх словно стебель и превращается из ребенка в мужчину. В тусклом свете уличных фонарей я шел в мясную лавку на Большой улице и узнавал в лицо каждого второго встречного, а они меня — нет. Я улыбался в душе и думал, как бы они удивились, если бы я открылся им и сказал, кто я такой и что со мной произошло с тех пор, как я в последний раз прошелся по этой мостовой. Потом мне показалось, что я вижу себя со стороны: я сижу на каменной набережной, болтаю ногами над водой, и жадно гляжу вслед уходящим в море кораблям, и мечтаю о странах, которых никогда не видел.

На Ратушной площади, уже у самой мясной лавки, куда я шел, я чуть ли не нос к носу столкнулся с человеком, который признал бы меня даже с расстояния в сто шагов. Это был торговец едой для кошек и собак Мэтьюз Магг. Чтобы проверить, узнает он меня теперь или нет, я в шутку остановился в свете фонаря и встал рядом с ним. Он внимательно рассматривал витрину, а когда заметил меня, то бросил в мою сторону любопытный взгляд и тотчас же отвернулся, словно никогда в жизни в глаза не видел. Он меня не узнал!

Это обстоятельство рассмешило меня, и я, не сказав Мэтьюзу Маггу ни слова, вошел в лавку.

Толстый, знакомый мне мясник стоял за прилавком и скучал.

Он смерил меня презрительным взглядом и отвернулся. Видимо, мой потрепанный костюм, из которого я порядком вырос, не внушал ему доверия, и он сразу же догадался, что я не из солидных покупателей. Чего доброго, он еще решил, что я стану попрошайничать!

— Взвесьте, пожалуйста, два фунта колбасы, — сказал я.

Ни слова не говоря и ничем не выказывая своего удивления, мясник взвесил колбасу, тщательно завернул ее в бумагу и подал мне сверток. Он старательно делал вид, что я — самый обычный из покупателей, но его глаза против воли словно ощупывали заплатки на моей одежде.

Я гордо сунул руку в карман за деньгами, вытащил оттуда горсть монет и вдруг, к своему смущению, увидел, что у меня есть только полдесятка больших серебряных испанских песо, оставшихся как воспоминание о посещении острова Капа-Бланка! Конечно, это было настоящее серебро, и стоило оно немало, но в Англии в ходу были только английские деньги.

Я протянул мяснику ладонь с монетами, он недоверчиво посмотрел на них и покачал головой.

— Мы принимай только английский деньги, — сказал он, нарочно коверкая язык. Должно быть, он принял меня за иностранного бродягу и подумал, что так я лучше его пойму.

— Я сожалею, — начал я оправдываться, — но это все, что у меня есть. Это настоящее серебро, и каждая из этих монет потянет не меньше чем на пять шиллингов!

— Может быть, и так, — не стал со мной спорить мясник, — но я их у вас не приму. В Англии ходят только деньги английской чеканки.

Он продолжал меня рассматривать, и в его взгляде было все больше и больше подозрительности. Пока я раздумывал, то ли мне сразу уйти несолоно хлебавши, то ли еще поперекаться с мясником, в лавку вошел Мэтьюз Магг. Наверное, он через витрину видел, как мы спорим, и заинтересовался происходящим.

Он смерил меня взглядом с ног до головы, а затем бросился ко мне и схватил за руку, словно хотел удостовериться, что я не привидение, а живой человек.

— Том! Том Стаббинс! — воскликнул он. — Неужели это и в самом деле ты? Клянусь моими кошками, это правда! Как ты вырос! Родная мать тебя не узнает! Нет, вы только посмотрите, каким красивым и взрослым парнем он стал! Где же ты так загорел?

— Да, это я, — сдержанно сказал я. — Рад тебя видеть, Мэтьюз.

По чести говоря, я был ужасно рад, что он меня узнал, и был готов броситься ему на шею — как-никак мы были друзьями. Однако я сдержался, ведь я был не прежним мальчишкой Томом Стаббинсом и пора было научиться не давать волю чувствам.

Мэтьюз Магг был знаком со всеми лавочниками в городе, а с мясником он даже дружил, потому что брал у него мясные обрезки для своих кошек и собак.

— Альфред, — обратился он с мяснику по имени, — да ты только посмотри, это же Том Стаббинс собственной персоной! Ты его не помнишь? Сын Джейкоба Стаббинса, сапожника, и помощник доктора Дулиттла! Он только что вернулся из дальнего путешествия. Надеюсь, доктор Дулиттл в добром здравии и уже дома? — спросил он, с тревогой поглядывая на меня.

— Да, — подтвердил я, — доктор жив и здоров и уже должен быть дома.

— Вот и славно! — обрадовался Мэтьюз Магг. — Уж не он ли послал тебя в лавку за покупками?

— Ну конечно, — ответил я и тоном опытного путешественника добавил: — Но, к сожалению, у меня с собой только иностранные деньги.

Хотя я был на голову ниже мясника, мне удалось при этих словах взглянуть на него свысока: «Деревенщина! Разве может он понять те трудности, что на каждом шагу подстерегают прибывшего из дальних стран мореплавателя!»

— Ах, какие пустяки, — успокоил меня Мэтьюз Магг. — Конечно же ты получишь и колбасу, и все что пожелаешь.

Мясник тотчас же расплылся в улыбке и согласно закивал головой.

— Конечно, конечно, — сказал он, — хотя и не в моих правилах принимать иностранные деньги: у меня ведь мясная лавка, а не контора менялы. Если бы ты сразу мне сказал, для кого покупаешь колбасу, я не стал бы с тобой спорить, пусть даже доктор часто бывает мне должен, а платит по счетам не каждый день... Ну да ладно, кто старое помянет, тому глаз вон. Я рад, что он вернулся, поэтому давай сюда твои монеты и бери колбасу.

— Спасибо, — поблагодарил я мясника и протянул ему испанские песо. Мясник взвесил их на ладони, попробовал на зуб и удовлетворенно цокнул языком. Было ясно, что он нас обжулил, но спорить с ним не приходилось.

Я вышел из лавки. Одна моя рука была занята свертком с колбасой, а во вторую мертвой хваткой вцепился Мэтьюз Магт — он никак не хотел ее отпускать. Наверное, «кошачий кормилец» боялся, что я растаю в воздухе как привидение. Через минуту мы свернули на Воловью улицу.

— Ты же знаешь, Том, — говорил Мэтьюз, пока мы шагали вверх по улице, — всегда, когда в прежние времена доктор возвращался из путешествия, я первым узнавал, что он уже дома. И каждый раз я встречал его на пороге. Ей-Богу, не вру! А ведь он никогда мне не сообщал заранее о возвращении. Но я нюхом чуял, что он вернулся, и шел с ним поболтать. Том, а Том, — дернул он меня за рукав, — были у вас небось необыкновенные приключения? Ой как я тебе завидую! Расскажи что-нибудь, а?

Я снова напустил на себя важный вид бывшего человека и с достоинством ответил:

— Да, Мэтьюз, всякое у нас бывало. А видеть мне довелось больше, чем я мог мечтать. О нашем путешествии получится не одна книга. А уж чего стоит коллекция растений!

— Вы сами ее собрали? — расспрашивал Мэтьюз.

— Нет, — сказал я, — ее собирал один индеец. Доктор говорит, что этой коллекции цены нет.

— А как же вы вернулись домой? Вроде сегодня в порт не вошел ни один корабль.

— Ты не поверишь, но это чистая правда. Мы вернулись домой в раковине огромной улитки. Она проползла по дну через весь Атлантический океан и высадила нас на берегу.

— Вот это да! — пришел в восторг Мэтьюз Магт. Рот его открылся, глаза округлились. — Чего бы я не дал за то, чтобы хоть разок в жизни попутешествовать с доктором. — Мэтьюз вдруг погрузился и обиженно сказал: — Ты знаешь, я раньше частенько сживал в трактире «У красного льва» и рассказывал о путешествиях и необыч-

ных приключениях доктора Дулиттла. Но никто мне не верил. А когда я заговаривал о зверином языке, то меня просто поднимали на смех. Теперь я никому ничего больше не рассказываю. Зачем попусту болтать языком?

Так за разговорами мы прошли всю Воловью улицу и подошли к дому доктора. На улицах тем временем стало темнеть, но в кустах и на деревьях слышалось чириканье и птичий гомон. Как ни старалась Полли скрыть возвращение доктора, весть о нем уже разлетелась по всем окрестностям. Тысячи птиц — воробьев, галок, синиц, дроздов, ворон, зябликов, малиновок — слетелись к дому доктора и готовы были ждать там всю ночь, чтобы утром приветствовать его пением.

Я вдруг понял, какая большая разница существует между обычной человеческой дружбой и той любовью, которой доктор пользовался среди зверей. Судите сами: стоило мне исчезнуть на три года, и меня уже с трудом узнавали даже близкие друзья: с глаз долой — из сердца вон. А чем дольше отсутствовал доктор, тем сердечнее и радостнее приветствовали его звери.

Глава 3

НЕОЖИДАННОСТЬ

Я открыл дверь и вместе с Мэтьюзом Маггом вошел в кухню. Мне сразу же показалось, что в доме что-то не так. Всего минуту назад я думал о том, как сердечно встречают доктора звери, а в доме все было как обычно. Мы ожидали, что нас забросают вопросами, а на кухне не было никого, кроме доктора и Крякки. И больше никогошеньки! Во всем этом было что-то загадочное.

Крякки тут же принялась отчитывать меня, словно я и не уезжал на три года:

— Чтобы купить два фунта колбасы, тебе понадобилось два часа — по часу на каждый фунт.

Я опешил и даже не знал, что ответить.

— А где же Хрюкки? — спросил доктор утку.

В ответ Крякки лишь недовольно повела крылом.

— Откуда мне знать, где носит этого поросенка? — сказала она. — Да и куда он денется? Будет тут как тут, как только я дам сигнал к ужину. Вы уже вымыли руки? Мы садимся за стол через пять минут. Сегодня мы ужинаем в столовой.

— В столовой? — удивился доктор. — Почему в столовой? Почему не на кухне, как обычно?

— На кухне слишком мало места, — проворчала Крякки.

Я не знал, что и подумать. Как странно вела себя Крякки! Ведь раньше она была хоть и немного ворчливой, но гостеприимной хозяйкой.

Стоило нам открыть дверь столовой, как все выяснилось. Наши друзья — Хрюкки, Бу-Бу, Скок, Тобби и белая мышь встретили нас в цирковых костюмах. По случаю возвращения доктора Дулиттла домой они решили сделать нам большой сюрприз.

С тех пор как сестра доктора Сара покинула дом, прекрасная, просторная столовая была закрыта на ключ и никто ею не пользовался. Но в тот вечер столовая сияла — как же пришлось потрудиться Крякки, чтобы вытереть всю скопившуюся там за годы пыль! — вдоль стен висели гирлянды из цветной бумаги, по углам стояли букеты цветов. Все звери переоделись в старые цирковые костюмы, оставшиеся у них со времен выступлений в «Пантомиме из Паддлеби». Даже белая мышь вырядилась в курточку и штанишки.

Только теперь, когда доктор наконец переступил порог столовой, дом огласился криками, лаем, хрюканьем и попискиванием. Только теперь раздался торжественный хор в честь возвращения доктора — если, конечно, весь этот шум и гам можно назвать хором.

Сразу было видно, что звери готовились очень тщательно, потому что все происходило по порядку и без лишней суеты. Стол уже был накрыт и люмился от всяческой снеди — а бедняга Бед-Окур мечтал о простом куске мяса с картошкой! В перерывах между блюдами звери давали представление. Хрюкки прочел сочиненное им стихотворение, как всегда — о еде. Помню, первая строчка в нем звучала так: «Увядший капустный цветок пе-

чально поник...» Я ужасно удивился — какой цветок? Но потом выяснилось, что речь идет о цветной капусте — любимом блюде Хрюкки. Тобби и Скок изображали боксеров, причем на лапы они натянули настоящие боксерские перчатки. Они прыгали на задних лапах вокруг стола, наносили друг другу удары, конечно в полсилы. А белая мышь уже перед сладким показала нам свой номер, который она назвала «Цирк в хрустальном бокале».

Посреди стола действительно водрузили большой хрустальный бокал, белая мышь прыгнула внутрь его, важно встала на задние лапки, сняла с головы черный цилиндр, поклонилась публике, то есть нам, и громко пискнула:

— Представление начинается!

И представление началось. Белая мышь отплясывала внутри бокала и управляла оттуда своими артистами. В ее цирке была смелая наездница — другая белая мышь в юбочке из кружевной бумажной салфетки. Она скакала верхом — даже без седла! — на белке. Был там также укротитель львов, у него были нарисованные черной краской бравые, закрученные вверх усы, он пощелкивал кнутиком из бечевки, а в роли льва выступала крыса с искусственной гривой. Был там даже клоун. Раскрашенный и нарумяненный, он весело кувыркался вокруг бокала, в котором важно раскланивалась перед публикой белая мышь — директор цирка.

Доктор хохотал до слез и допытывался:

— Как же вы успели приготовить представление? Ведь вы узнали о моем возвращении всего полчаса назад.

— Да что тут хитрого! — ответила Крякки. — У нас ведь тоже есть свои маленькие секреты. Вообще-то, все это придумал Хрюкки, может быть, оно и красиво получилось, но уж больно хлопотно. Он весь дом кверху дном перевернул, пока искал костюмы и все прочее для представления. А чтобы набрать цветов и зелени и украсить ими столовую, негодник перерыл весь огород. Из-за какой-то глупости все они занимались ерундой, вместо того чтобы помочь мне привести в порядок дом и встретить вас как положено нам, зверям.

А доктор продолжал хохотать. Он вытирал слезы, выступившие у него на глазах, и успокаивал разворочавшуюся Крякки:

— И вовсе это не ерунда! Я уж и не помню, когда в последний раз мне было так весело! А порядок в доме мы наведем. Теперь у тебя будет много помощников: и Том, и я, и Чи-Чи, и Бед-Окур...

Крякки опасно покосилась на наследника престола Ума-Лишинго и сказала:

— Какой он большой! Вот и ломай теперь голову, куда его положить спать. Он же не поместится ни в одной из наших кроватей.

— Что-нибудь придумаем, — беспечно ответил доктор. — На самый худой случай можно будет бросить на пол два матраца и устроить ему постель.

Увещевания доктора помогли, и Крякки заметно повеселела.

— Ну и ладно, — сказала она. — Может быть, теперь вы расскажете нам что-нибудь? Нам всем не терпится узнать о вашем путешествии, начиная с той минуты, когда вы подняли паруса на «Ржанке».

Остальные звери с веселым визгом поддержали просьбу утки.

— Да, да! Расскажите нам все с самого начала, — просили они, а громче всех — поросенок.

— Но не могу же я за один вечер прочитать вам весь мой дневник! — воскликнул доктор Дулиттл. — Ведь я вел его целых три года.

— А вы начните сегодня вечером, — пискнула белая мышь, — а продолжите завтра.

Услужливая Чи-Чи подала доктору трубку и табак. Доктор Дулиттл закурил и принялся рассказывать с самого начала. Он сидел во главе длинного стола, попыхивал трубкой, а вокруг сидели слушатели — люди и звери — и не сводили с него глаз. Не могу ручаться за то, что было в другие времена, но на моей памяти вокруг доктора никогда еще не собиралась такая многочисленная компания: Бед-Окур, Мэтьюз Магг, я, Крякки, Хрюкки, Чи-Чи, Полли, О'Скалли, Бу-Бу, Тобби, Скок и полдюжины белых мышей.

А в ту минуту, когда доктор начал свой рассказ, в окно постучали и раздалось тихое ржание:

— Впустите и меня, я тоже хочу послушать.

За окном стояла старая хромая лошадь из конюшни.

Она заметила, что к дому слетелись стаи птиц, что в столовой зажгли свечи, и догадалась, что вернулся доктор. Поэтому она и постучала в окошко, чтобы принять участие в празднике.

Когда распахнулась дверь в сад и старая хромая лошадь вошла в столовую, Крякки не могла скрыть неудовольствия, но перечить доктору не стала.

— Не сочти за труд, Том, — сказала она мне, — вытри хорошенько копыта новому гостю. Будет очень жаль, если он испачкает нам ковер.

Удивительно, какой воспитанной и аккуратной оказалась лошадь. Когда я вычистил ей копыта, она обошла стол и улеглась между креслом доктора и буфетом, при этом умудрилась не то что ничего не разбить, но даже ничего не задеть.

— Вы уж мне позвольте устроиться поближе к доктору, — сказала лошадь. — Я на старости стала плохо слышать.

Доктор Дулиттл очень обрадовался встрече со старой лошастью.

— Как ты поживаешь, старушка? — спросил он. — Вдоволь ли у тебя было овса и сена, пока я отсутствовал?

— Всего было вдоволь, спасибо, — ответила лошадь. — Но только я чувствовала себя очень одиноко. Мне не хватало вас и О'Скалли. Он ведь часто заходил ко мне в конюшню поохотиться на крыс и перекинуться со мной словечком. А одиночество, особенно в старости, — штука не очень приятная.

Доктор устроился поудобнее в кресле и только открыл было рот, как в окно снова постучали.

— Кого еще к нам принесло? — хрюкнул не на шутку рассердившийся поросенок.

Я раскрыл окошко, и в столовую впорхнули три птицы: Горлопан со своей женой, маленькой неунывающей воробьиной, и вожак ласточек Проворный.

— Наконец-то! — чирикнул воробей и сел прямо на стол. — Мы с моей воробьиной облетели все ваши окна и двери, пытались хоть как-то проникнуть в дом. Легче ворваться в Лондонский банк, чем к вам. Ну да ладно, раз уж мы снова все вместе... Я так рад, так рад! Только мы сели было с моей старушкой в наше гнездо в ухе святого

Варфоломея — мы все еще там живем, — как вдруг слышим: голуби пристроились на голове святого Иакова и переговариваются. Я наострил ухо, и что же? Оказывается, они уже знают, что вы возвращаетесь! Говорю я тогда моей старушке: «Давай-ка слетаем в Паддлеби, проверим, правда ли это. Голуби — птицы особые, умом не отличаются, могли и что-нибудь напутать». «Конечно, ты прав», — ответила мне моя воробьяха. Она мне всегда так отвечает, потому что я всегда прав. И вот мы здесь. Должен вам сказать, что...

— Да замолчи же ты, балаболка, — одернула его Бубу. — Мы не собираемся всю ночь слушать тебя. Только доктор начал нам рассказывать о своем путешествии, как тут тебя нелегкая принесла.

Горлопан с опаской взглянул на сову, склонил со стола крошку хлеба и с полным клювом проворчал:

— Ладно уж тебе... Разве ты хозяйка в этом доме? Эй, Проворный, устраивайся, здесь теплее.

Отважная ласточка, не раз пересекавшая океан, скромно сидела в уголке возле свечи. В тот год Проворный прилетел в Европу раньше обычного, но теперь погода неожиданно испортилась. Когда он сел на стол, все увидели, что маленькая птичка дрожит от холода.

— Я рад видеть вас, доктор Дулиттл, — сказал Проворный. — Простите, мы не хотели вам мешать. Прошу вас, рассказывайте.

Глава 4

НОВЫЙ ЗООПАРК

В ту ночь доктор Джон Дулиттл долго, очень долго рассказывал своим друзьям историю путешествия. Хрюкки время от времени засыпал, а просыпаясь, злился сам на себя. «Да что же это я? — мысленно ругал он себя. — Как же это я задремал? Ведь я так пропущу самое интересное!»

Когда часы пробили два часа ночи, доктор велел всем

идти спать, хотя он еще не добрался и до середины истории.

— Немедленно ложитесь спать! — сказал он и зевнул. — Завтра вечером я непременно расскажу вам, что приключилось с нами дальше.

Следующий день выдался для доктора очень трудным. Это был один из самых тяжелых рабочих дней, которые когда-либо выпадали на его долю. Хлопот было невпроворот. Все живое требовало от него внимания и помощи. С восхода солнца у дверей его кабинета уже ждали пациенты: белка со сломанным коготком, облысевший по непонятной причине кролик и лиса с больным, воспаленным глазом. А сад! Что стало с любимым садом доктора Дулиттла! Он был в таком плачевном состоянии, что доктор едва не расплакался, когда утром вышел на порог и в первых солнечных лучах увидел буйные сорняки и одичавшие деревья.

К счастью, ждавшие его всю ночь напролет птицы развлекли немного доктора Дулиттла.

Мы с Бед-Окуром заметили, как сильно огорчился доктор, когда увидел запустение в своем любимом саду, и решили немедленно засучить рукава и взяться за дело. Чи-Чи, а вместе с ней и другие звери — полевые мыши, крысы, бобры и белки — предложили нам свою помощь. Я и не подозревал, на что способны эти маленькие существа. Обычно все садовники пытаются избавиться от кротов, но тут я собственными глазами увидел, насколько они трудолюбивы. Два кротовьих семейства пропололи все грядки с лекарственными растениями вдоль ограды и разрыхлили землю вокруг персиковых деревьев. И выполнили работу лучше любого садовника! Они очистили корни деревьев и кустов от сорняков, а вырванную сорную траву складывали в кучи, которые Чи-Чи увозила на садовой тележке. Белки ловко собирали опавшие ветки, листья и другой мусор, покрывший садовые дорожки толстым слоем, и сваливали весь хлам в большую яму за конюшней. Барсуки и бобры помогали обрезать яблоневые деревья.

Тем временем Бу-Бу подсчитала, сколько денег осталось в копилке, и к полудню, когда все было умножено и разделено, прибавлено и вычтено, пригласила доктора и сказала:

— У нас осталось на ведение хозяйства всего полтора шиллинга.

— Боже! — вскричала Крякки. — При аппетите черного принца этого нам хватит дня на три, не больше!

— Посмотрим, что можно сделать, — неуверенно произнес доктор и принялся рыться в карманах скюртука. Но карманы были пусты. Тогда он запустил руку в задний карман брюк, и тут его лицо засветилось от радости.

На ладони доктора лежала целая горсть серебряных песо с острова Капа-Бланка.

Однако Крякки эти монеты не особенно порадовали. Она по собственному опыту знала, что, как только у доктора заводились деньги, он тут же спускал их на что-нибудь совершенно бесполезное.

Когда доктор ушел присмотреть за работами в саду, три кумушки — Бу-Бу, Полли и Крякки — остались на кухне и принялись держать совет, что же им делать и как заставить доктора хотя бы немножко подзаработать. Когда я заглянул на кухню и увидел их сидящими в кружок, то не смог сдержать улыбки. Птицы степенно покачивали головами и были ужасно похожи на встретившихся у колodца соседок.

В то утро доктор также занялся своим зоопарком. Пришел Мэтьюз Магг, и они отправились туда вместе. Я увязался за ними.

Тогда в зоопарке уже не оставалось почти никого из прежних обитателей. Многих зверей доктор отправил по домам еще до своего отъезда, потому как считал, что один Мэтьюз не справится с такой уймой зверей; в звериных домиках зоопарка остались только те, кто очень хотел остаться, да и то все они были северными жителями: сурок, норка, песец.

— Вот что я тебе скажу, Стаббинс, — произнес доктор, когда мы шагали мимо пустых клеток. Мэтьюз постарался на славу, и клетки были чистые и в образцовом порядке — заселяйся и живи. — Так вот, Стаббинс, — продолжал доктор, — я хочу в корне изменить условия жизни зверей в моем зоопарке. До сих пор здесь в основном гостили иностранцы, заморские редкие животные. Здесь побывали почти все, кроме крупных хищников. Теперь же мне хочется предложить нашим родным зверям тоже по-

селиться у меня. Думаю, многие из них — гораздо больше, чем может поместить наш дом, — согласились бы жить вместе с нами. Места здесь много. Ты посмотри: когда-то на этом месте стоял старый замок, теперь от него осталась только ограда, поэтому никто чужой не сможет проникнуть внутрь и потревожить наших жильцов. А мы здесь устроим зоопарк совершенно иного рода, не такой, как обычно. Никаких клеток, только дома для зверей, настоящий звериный город. А в нем будут клубы, где вечерами смогут собираться мыши, крысы, кролики, барсуки... Да мало ли кто еще захочет у нас поселиться. Вот они и будут коротать вечера в своих клубах. А еще надо бы построить приют для бродячих собак. Ты не представляешь, сколько бездомных дворняжек приходило ко мне и просило пристанища. Мое сердце обливалося кровью от жалости к ним, но все же каждый раз мне приходилось отказывать им. Ведь я знаю по рассказам О'Скалли, какая у них тяжелая жизнь, а найти себе хозяина они не могут, потому что люди предпочитают так называемых породистых собак. Какая ерунда! Как будто беспородные собаки хуже тех, что получают призы на выставках! Как будто ум и характер зависят от чистоты породы! Да совсем наоборот! Но люди упрямы в своих предрассудках, и тут-то ничего не поделаешь.

Он грустно помолчал, но затем встряхнулся и спросил:

— Так как тебе понравилась моя задумка?

— Очень здорово! — воскликнул я. — Может быть, хоть так мы избавим от лишних хлопот нашу Крякки. Она уже чуть не плачет оттого, что мыши грызут белье в шкафу. Скоро у нас не останется ни одной наволочки без дыр. А у полотенец они отгрызают бахрому и выстилают ею свои гнезда.

— Да, — согласился доктор Дулиттл, — она как-то и мне пожаловалась на мышей, и я попытался приструнить нахальных грызунов. Но у мышей такая натура, и кого из них ни спросишь, слышишь в ответ одно и то же: «Я тут ни при чем, это все другие мыши». Однако же белье продолжает пропадать. Мне-то все равно, в дырках моя наволочка или нет, да и полотенца вполне могут обойтись без бахромы, лишь бы были чистые. А вот

Крякки все это принимает слишком близко к сердцу. Для нее бельевой шкаф — то же самое, что для меня сад, а для меня нет ничего важнее в мире, чем сад. Так что я прошу тебя сначала привести в порядок несчастные фруктовые деревья, а потом составить план нового зоопарка. Попроси помощи у Полли — у этой старой ворчуньи голова работает что надо. А у меня сейчас будет слишком много пациентов, да и дневники путешествия надо бы привести в божеский вид, поэтому я тебе в этом деле не помощник. Но вы вдвоем с Полли справитесь с задачей. Да, кстати, как только возьмешься за жилье для мышей и крыс, спроси совета у белой мыши.

Вот так впервые зашла речь о новом зоопарке доктора Дулиттла. Мысль меня захватила, и я очень гордился тем, что именно мне, а не кому-нибудь другому, доктор поручил это дело. А дело, надо сказать, было ответственное — шутка ли, составить план целого города для зверей! Честно говоря, я тогда и не подозревал, что получится из затеи доктора.

А получилось и в самом деле нечто необычное. Доктор Дулиттл утверждал, что таким и должен быть настоящий зоопарк — не тюрьма, где зеваки пялят глаза на несчастных четвероногих и пернатых узников, а приют для зверей. Как и тот первый зоопарк, который доктор показал мне несколько лет тому назад, этот новый надо было построить так, чтобы зверям жилось в нем удобно и счастливо. Кое-что осталось в нем без изменений. Так же, как и раньше, жилища зверей закрывались изнутри, а не снаружи, чтобы они могли свободно выходить и входить в любое время и чтобы они сами решали, кого впустить к себе, а перед кем захлопнуть дверь. У каждого из жильцов, занимающих отдельный дом, избушку или нору, был ключ. Звери сами приняли правила и беспрекословно подчинялись им, и, хотя доктор Дулиттл был ярким противником любых ограничений, эти правила скорее помогали обитателям города, чем стесняли их свободу. Так, например, прежде чем пригласить гостей на вечеринку, необходимо было спросить разрешения соседей, а после полуночи никому не разрешалось кричать, петь и шуметь под страхом выселения из города.

Удивительное дело, до чего же разумны были правила

зверей, и я до сих пор ума не приложу, почему люди не могут принять те же правила.

Глава 5

ГОРОД ЗВЕРЕЙ

Самым трудным оказалось удержать план в тайне. Это совсем не так уж и странно, если учесть, что даже людям трудно не проболтаться. Как только я рассказал Полли о новом зоопарке, она сразу же предостерегла меня:

— Ты уж держи язык за зубами, Том, хотя бы поначалу. А если станешь болтать, ни тебе, ни мне, ни доктору не дадут ни минуты покоя.

Могу поклясться чем угодно, что я никому ничего не сказал. Чудесным, непонятным образом весть о том, что доктор перестраивает зоопарк, стала всеобщим достоянием. И случилось именно то, чего боялась Полли. Теперь ни утром, ни днем, ни вечером мы не знали покоя. Можно было подумать, что все звери Англии только и ждали, когда наконец смогут поселиться поближе к доктору Дулиттлю.

— Не найдется ли в новом зоопарке местечка для меня? — спрашивали у нас лисы, собаки, барсуки, ежи и многие-многие другие.

Отбирать новых жителей доктор велел мне. Я теперь именовался громко, красиво и не совсем понятно: «Главный распорядитель нового зоопарка доктора Дулиттла». Но, несмотря на мой важный титул, очень часто звери беспокоили доктора и отрывали его от дел, особенно те, кто раньше был с ним знаком. Они надеялись, что старое знакомство сослужит им службу.

Доктор частенько говорил и, наверное, был прав, что климат Паддлеби вреден «иностранцам». Да я и сам видел, что жившие в зоопарке канадские бобры то страдали от насморка, то хворали от тумана и часто жаловались на ломоту в костях. Однако они так сильно привязались к доктору, что, когда он предлагал им вернуться в Канаду,

бобры отказывались наотрез. Как-то раз Джон Дулиттл осмотрел бобров и пришел в ужас.

— Уж теперь-то я настою на своем, — строго сказал он бобрам. — Каждый раз, когда вы просили разрешить вам остаться, я уступал, но теперь мое терпение кончилось. Дружба дружбой, а здоровье здоровьем. Похоже, вы не понимаете, насколько вам вреден здешний климат. В Канаде холодная зима и сухое лето, а здесь сплошная сырость и слякоть. Ничего страшнее для вас и представить нельзя! Ну посудите сами, не могу же я допустить, чтобы из-за меня вы потеряли здоровье. В Канаду — и немедленно!

Бобры заплакали от огорчения, но доктор был непреклонен. В конце концов они согласились вернуться в Канаду, когда доктор пообещал им:

— Ну, ладно уж, годика через два приезжайте снова, если, конечно, вам захочется.

Легко сказать — отправить пару бобров в Канаду, намного труднее это сделать. Эта задача тоже, кстати, легла на мои плечи, ведь я был Главным распорядителем зоопарка. Не мог же я доверить животных с таким ценным мехом первому встречному, едущему в Канаду. Несколько дней я слонялся в порту, заводил разговоры с моряками, пока случайно не познакомился с корабельным коком, который показался мне человеком честным и обязательным, а кроме того, вегетарианцем. Он не ел мяса, и это заставило меня доверить ему бобров. Я представил кока доктору, и тот согласился с моим выбором. За плату кок подрядился ближайшим рейсом отвезти бобров в Канаду и там, подальше от города, отпустить их на свободу.

Тем временем к нам потянулись толпы зверей с просьбой принять их самих и их семейства в наш новый зоопарк. А когда стало известно, что доктор Дулиттл создает еще и клуб для мышей и крыс, о котором он уже давно поговаривал, всем остальным тоже захотелось устроить клубы, где они могли бы встречаться по вечерам.

— Я ли вам не говорила? — ворчала Полли. — Помните мое слово — дальше будет и того хуже.

Мы сидели на кухне. В очаге пылал огонь. Я старательно чертил на большом листе бумаги план будущего зоопарка, а Полли и белая мышь не отрывали глаз от ли-

ний, которые постепенно складывались в очертания домов и улиц.

— Даже если у тебя будет в десять раз больше места, тебе все равно не удастся всех там разместить, — не унималась Полли. — Судя по всему, затея с новым зоопарком пришлась ей не по душе. — Ну что им всем нейдет? Жили себе раньше в норах и в гнездах — теперь подавай город!

— Ты вычерти все, что мы уже придумали, а потом посмотрим, сколько еще осталось места и что еще можно будет построить, — сказала белая мышь, не обращая внимания на брюзжание Полли. С тех пор как я спросил у нее совета, она считала себя чуть ли не самым главным устроителем города зверей и до того важно надувалась, что невозможно было смотреть на нее без улыбки.

Вот и на этот раз я улыбнулся и ответил:

— Неплохо придумано. Ведь после того как мы поселим в зоопарке зверей, трудно будет что-либо изменить.

От похвалы белая мышь надулась пуще прежнего и продолжила:

— А еще надо бы открыть несколько магазинов.

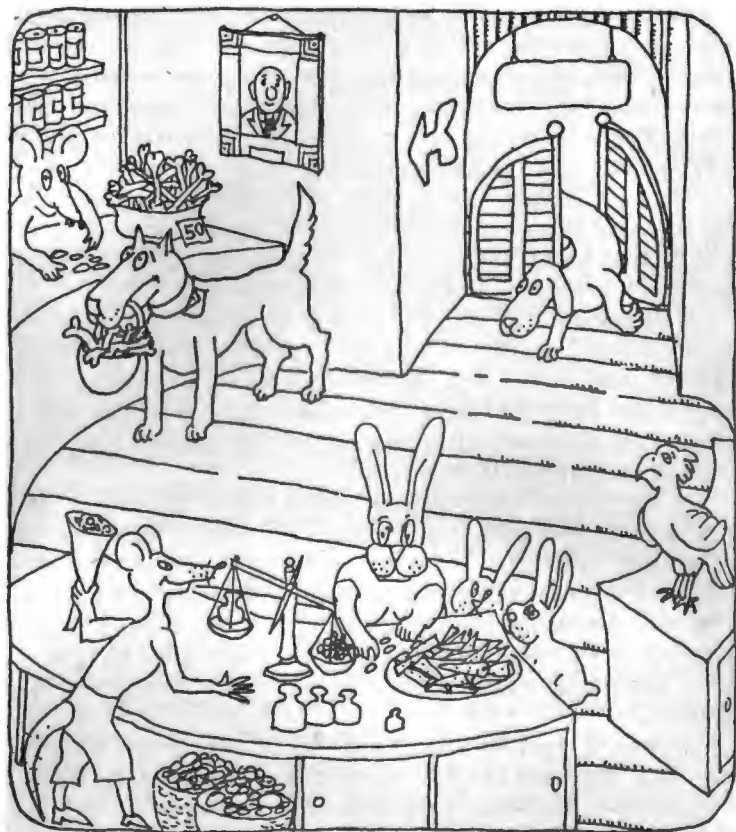
— Магазинов? — удивился я. — А зачем?

— А затем, — ответила мне белая мышь, — что в любом городе есть центральная улица, и на ней всегда стоят магазины. Где же еще хозяйкам делать покупки, встречаться, жаловаться на дороговизну? Ничто так не украшает город, как магазины. Мы будем продавать там орехи белкам и пшеничные зерна мышам. А еще следовало бы открыть небольшие кафе и ресторанчики, где можно поужинать, когда поздно возвращаешься домой и нет ни времени, ни желания заниматься стряпней.

Ошарашенная Полли долго смотрела на белую мышь, а затем спросила:

— А кто будет работать в этих магазинах? Ведь сами по себе ни магазины, ни рестораны не растут как грибы.

— Какие пустяки! — ничуть не смутилась белая мышь. — У меня уйма знакомых крыс и мышей, которые запляшут от радости, если им разрешат торговать орехами или открыть харчевню. Мы, грызуны, прирожденные торговцы, у нас это в крови.

— Это уж точно — где пахнет выгодой, вы тут как тут, — хмыкнула Полли. — Но не забывай, что в зоопарке будут жить не только крысы и мыши.

— А мы и остальным оставим местечко, — не сдавалась белая мышь. — Просто-напросто в городе будет несколько разных районов, где поселятся разные звери. У мышей — свой район, у белок — свой. И не забудь, Том, что ты обещал мне разместить наш клуб на пригорке у забора.

Работы было невпроворот, но мало-помалу мы закончили план и выстроили новый зоопарк. Наконец его две-

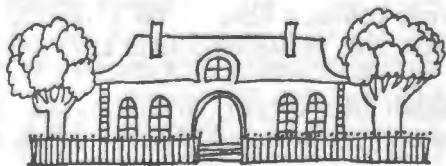
ри распахнулись перед жильцами. В зоопарке были приют для бездомных собак, клуб для крыс и мышей, гостиница для белок, большой зал, где вечерами собирались лисы, дом для барсуков и меблированные комнаты для кроликов — большая яма с удобными норами, рядом с которой росли капуста и морковка.

Нам оставалось только тщательно следить за тем, чтобы число жильцов не увеличивалось, потому что сразу же после открытия зоопарка нас буквально взяли в осаду тысячи и тысячи желающих поселиться там.

В каждом клубе был свой совет во главе с председателем. Доктор Дулиттл не вмешивался в их дела и требовал соблюдения лишь одного-единственного условия — не охотиться в стенах города. Ни одна собака не имела права охотиться на крыс, ни одной лисице не разрешалось гоняться за белками и птицами.

И случилось невероятное: когда звери перестали бояться за свою жизнь, все изменилось. Никто ни с кем не ссорился, лисицы и собаки мирно разгуливали по центральной улице и заходили в одни и те же магазины. Я часто собственными глазами видел, как белка-мать укладывала детей спать на свежем воздухе и совсем не опасалась, что дремлющий на солнышке терьер утащит ее малышей.

Мыши и крысы прекрасно знали городскую жизнь. Еще бы, ведь они всегда селились в лавочках, магазинах и харчевнях. Поэтому именно они и вели всю торговлю в зоопарке. Было очень забавно смотреть, как собаки покупают у огромной крысы сахарные косточки, птицы — пшено, кролики — пучки зелени, а мыши разносят товары по домам и даже заходят в конуру к бульдогу или в лисью нору

Глава 6

МЫ ОПЯТЬ БЕЗ ДЕНЕГ

Когда я сказал, что в городе зверей никто ни с кем никогда не ссорился, это было не совсем правдой. Собаки и в самом деле не нападали на лисиц и на крыс, лисы не трогали кроликов. Но все же время от времени среди зверей начинались раздоры. Собаки дрались с собаками, лисы с лисами, барсуки с барсуками. Да, наверное, так оно и должно было быть. Зверей было много, у каждого был свой нрав, свои вкусы и пристрастия. Если уж даже двое родных братьев не могут обойтись без драки, то что уж говорить о животных.

Иногда в зоопарке происходили настоящие сражения, особенно часто это случалось в первые месяцы, пока звери не образовали всяческие общества, сообразно своим склонностям. Хуже всех вели себя барсуки. Я-то думал, что эти неуклюжие толстяки — самые добродушные в мире существа. На деле же оказалось совсем не так. Даже когда остальные звери перемирились и передружились, барсуки никак не хотели уняться. У них была своя собственная харчевня, где они собирались вечерами и развлекались. Чаще всего они играли в одну и ту же игру: проводили на земле длинную черту и бросали вдоль нее камушки. Ни я, ни доктор Дулиттл никак не могли понять, в чем заключается смысл этой игры и кто в ней выигрывает — тот, кто бросил дальше всех, или тот, кто бросил точнее всех?

Нам ни разу не удалось досмотреть эту игру до конца: всякий раз, когда игра подходила к концу, барсуки начинали выяснять, кто же из них победил, и дело завершалось общей свалкой.

Нередко случалось даже, что ночью к доктору или ко мне прибегала перепуганная белка, будила нас и с дрожью в голосе говорила:

— Там... там снова... барсуки устроили потасовку и переполошили весь город.

И нам приходилось вскакивать с теплых постелей, бежать в зоопарк и урезонивать драчунов.

В конце концов нам это надоело, и мы с помощью белой мыши — она теперь была градоначальницей и очень тем гордилась — создали полицию. Комиссаром полиции стал большой и важный бульдог. У него служили два пса-стражника, два лиса-сыщика, а две сороки летали над городом и следили за порядком. Стоило им увидеть что-либо подозрительное, как они тут же вызывали стражу. С тех пор любители потасовок были вынуждены держать себя в узде и не затевать драки в харчевне. Не один раз псы арестовывали того или другого барсука и запирали на ночь в тюрьму.

Первым в городе зверей угодил за решетку, как вы думаете, кто? Поросенок Хрюкки! Однажды днем он заметил, какая крупная морковка выросла на грядках у кроликов, и ночью влез туда, чтобы вдоволь полакомиться. Однако от лиса-сыщика ему не удалось уйти. Тот выследил поросенка, схватил и надел на него наручники. Не успел поросенок даже сказать: «Что такое? Как ты смеешь?» — как уже был арестован и посажен в тюрьму.

Наутро поросенок предстал перед судом. В тот день судьей была белая мышь. Ей хотелось строго наказать Хрюкки, чтобы другим неповадно было, но за поросенка вступился доктор Дулиттл.

— Отпустите его, — попросил доктор. — Ручаюсь вам, что больше он не будет таскать чужую морковку. Я сам присмотрю за ним.

Поросенка отпустили восвояси. Белая мышь сказала ему на прощанье:

— Смотри у меня, еще раз попадешься — мы заставим тебя шесть дней рыхлить наши грядки да еще наденем на пяточок намордник, чтобы ты ни одной морковки не слопал.

Крохотная белая мышка стояла перед огромным толстым поросенком и грозила ему лапкой!

Не меньше забот доставляли нам собаки. Сейчас я расскажу, как мы обустроили приют для бродячих псов.

О таком приюте доктор Дулиттл подумывал уже давно, и О'Скалли не мог дождаться, когда же доктор наконец-то даст прибежище его бездомным приятелям. Теперь он был на седьмом небе от радости и вместе с Тобби и Скоком взялся за дело.

— Бывают собаки, — растолковывал он мне, — которым нет ничего милей собственной конуры, где они и живут в одиночестве.

А есть другие, которые готовы даже сахарную кость променять на хорошую компанию, им нужен один общий дом.

Поэтому мы и построили для собак один большой дом, а вокруг — уйму небольших конурок. Строили их я и Бед-Окур, а О'Скалли с Тобби и Скоком подсказывали нам, как лучше справиться с работой. Особенно старался Тобби. Он всегда был горазд на выдумки, а тут и вовсе разошелся — сделайте так, сделайте эдак. Предложения сыпались из него, как из рога изобилия. Сам он был небольшим, такая собака-коротышка, поэтому ему хотелось, чтобы в доме было удобно жить прежде всего таким же, как и он.

Должен признать, что когда дом был готов, я убедился, насколько он удобен. Это было удивительное сооружение. Легкие двери висели на хорошо смазанных петлях, и собаке достаточно было слегка нажать носом, чтобы они открылись. В комнатах были каминьки, такие широкие, что возле них могли лечь на коврик не меньше дюжины собак. У стен стояли мягкие диваны на низеньких ножках, чтобы любая собачья мелюзга могла без труда взобраться на них и понежиться на мягких подушках. У входа в дом лежал половичок, о который псы, как благовоспитанные люди, тщательно вытирали лапы. В каждой комнате стояла миска с водой, а чтобы повсюду не валялись кости, у дверей стояла подставка, вроде тех, что стоят в человеческих домах и куда люди ставят зонтики. Как вы знаете, ни одна уважающая себя собака не выйдет на улицу без кости в зубах, вот поэтому-то хитроумный Тобби и придумал такую подставку, куда собаки, возвращаясь домой, могли бы складывать кости.

Правда, поначалу не обошлось без ссор и потасовок. Случалось, что та или другая собака захватывала, по ошибке или даже умышленно, чужую кость, и тогда хозяин бросался выручать свою собственность, и уж тут только шерсть во все стороны летела.

Обедали, ужинали и завтракали собаки в столовой, где стояли на низеньких столах миски с едой, но вы знаете

собак: главное для них — стянуть кусок мяса из буфета. Поэтому в столовой же стоял буфет с большими ломтями холодной отварной говядины, а чтобы собакам легче было туда добраться, к буфету вели ступеньки. Продукты собакам поставлял Мэтьюз Магт — уж кто-кто, а он-то лучше всех знал, что нужно собакам.

В собачьем доме были устроены также спортивные залы. Там стояли обручи, через которые прыгали собаки, а с потолка на веревках свисали мячи. Каждый вечер собаки состязались там в прыжках, борьбе, боксе, кувырках. Доктора Дулиттла, Бед-Окура и меня часто приглашали в качестве зрителей на собачьи спортивные игры. Особенно забавно было смотреть, как собаки соревнуются в ловле собственного хвоста.

А как старался О'Скалли! Очень добрый по характеру, он целыми днями рыскал по городу в поисках бездомных собак, а когда находил, то радовался им как давно потерянным родственникам. Он ежедневно приводил к нам до полдюжины собак, и вскоре собачий дом был битком набит.

— Куда это годится? — выговаривал ему доктор Дулиттл. — У нас уже нельзя шагу ступить, чтобы не наткнуться на собаку. И думать позабудут приводить сюда новых членов собачьего клуба.

Но уж такова была натура О'Скалли: он не только не позабыл думать, но и потихоньку продолжал приводить к нам своих друзей, чтобы хотя бы накормить их ужином и приютить на ночь.

Когда собаки узнали, что доктор Дулиттл создает клуб и приют для бродячих собак, к нему потянулись даже те, у кого были хозяева, миска с едой и конура. Им так хотелось жить рядом с человеком, который понимает собачий язык! К тому же им очень нравилось хорошее собачье общество. Но тогда в нашем зоопарке появлялся хозяин пропавшей собаки и, побагровев от гнева, кричал:

— Грязный воришка! Ты украл у меня собаку! Моего любимого бульдога Чарли! Немедленно верни его, не то я позову полицию!

Конечно, на содержание зоопарка требовались деньги, и немалые. Особенно дорого нам обходилось мясо для собак. Через шесть недель ко мне пришли Бу-Бу и Крякки. Глядели они хмуро.

— Стучилось то, о чем я вас предупреждала, — крикнула утка и в отчаянии всплеснула крыльями. — Мы опять остались без денег. Бу-Бу и я проверили счета. Этот зоопарк — сплошное разорение! О'Скалли никак не утомонится и что ни день приводит сюда новых дворян. Я уж не говорю о самом докторе! Он ведет себя как ребенок, если не хуже. Одному Богу известно, на что он тратит деньги...

Глава 7

ЗУБ БАРСУКА

Но доктор, как всегда, ничуть не беспокоился, когда я, Крякки, Бу-Бу и Полли пришли и объявили ему, что мы опять сидим без гроша.

— Какие пустяки! — отмахнулся он. — Деньги непременно найдутся, так всегда бывало до сих пор, а сейчас не мешайте мне, у меня уйма дел.

Правда, вскоре мы получили немного денег за книги доктора о его путешествиях, но это была капля в море — маленькая капля денег в море расходов. С каждым днем наши дела все больше расстраивались и вскоре стали хуже, чем когда-либо.

Крякки ужасно сердилась, в гневе хлопала крыльями и требовала немедленно закрыть зоопарк.

— Что же это такое? — кипятилась она. — На дворян уходит больше, чем на весь наш дом!

Но доктор Дулиттл не обращал на ее ворчание никакого внимания. Не мог же он в самом деле выставить на улицу всех зверей, которые нашли приют в зоопарке.

Однако судьба неожиданно подтвердила, что Джон Дулиттл был прав. Стучилось это при очень странных обстоятельствах, к тому же в самом зоопарке. Как-то вечером доктор долго работал над своей новой книгой о море. Он очень устал от дневных хлопот и уже собирался лечь в постель, когда к нему в дверь постучался Барсук.

— Доктор, у меня болит зуб. — И ткнул лапой туда, где у него болело.

Доктор усадил Барсука в кресло и заглянул ему в пасть.

— Ах, вот оно что — у тебя обломился кусочек зуба. Неудивительно, что тебе так больно. Ну да ладно, не расстраивайся, этому горю можно помочь. Я поставлю на зуб пломбу, и больше болеть не будет. Открой-ка пошире рот, еще шире. Вот так. Постой, а это что такое? Разве я когда-нибудь ставил тебе пломбу?

— Нет, — замотал головой Барсук. — Я впервые пришел к вам за помощью. Никогда раньше мне не приходилось жаловаться на здоровье.

— У тебя на зубах золото! — удивленно воскликнул доктор. — Откуда оно у тебя, если ни один врач не ставил тебе золотые пломбы? Золотые зубы во рту не растут.

— Чего не знаю, того не знаю, — пожал плечами Барсук. — А что такое золото? Я никогда его не видел.

— Сейчас я тебе покажу, — сказал доктор. — Стаббинс подай-ка мне зеркальце.

Я подал зеркальце, а доктор поднес его к пасти Барсука и ткнул пинцетом в передний зуб.

— Ты видишь эти желтые крупинки? Это и есть золото.

Барсук долго любовался на свои зубы, на свой нос, на свою толстую физиономию и наконец соизволил ответить:

— Ах это? Теперь я знаю, в чем дело. Это желтый камень. Мы с женой нашли его в холме на окраине. Вот об него-то я и сломал зуб.

Доктор Дулиттл принялся за больной зуб. Золото его совершенно не интересовало. Однако при этом присутствовала Полли. Старая попугайха наострила уши, как только услышала слово «золото». Она вспорхнула, пролетела через весь кабинет и уселась перед Барсуком. Все время, пока доктор ковырял, подпиливал больной зуб, она не сводила глаз с открытой пасти Барсука. Затем она уцепилась ко мне за плечо и тихо шепнула на ухо:

Господи, он и в самом деле грыз золото. Настоящее золото — и на него насмотрелась, пока плавала с пиратами. Надо бы поговорить с этим Барсуком, как только доктор закончит лечить ему зуб.

Полли у доктора Дулиттла были толстые и большие,

но вы бы видели, как ловко они действовали. Вот и сейчас они в считанные минуты залечили и залатали зуб Барсука. Боль прошла, и Барсук уже улыбался.

— Непременно зайди ко мне завтра, — сказал доктор Барсуку, когда тот закрыл пасть и слез с кресла. — А впредь не хватай зубами что попало. Где же это видано — грызть металл!

Барсук пожелал доктору спокойной ночи и вышел. Полли заговорщически подмигнула мне, и мы бросились вдогонку за Барсуком.

Через минуту я уже шагал рядом с толстым забавным зверьком. Полли сидела у меня на плече.

— Где же ты рыл яму и сломал зуб? — спрашивала Полли.

— Знаешь луг старика Даббинса? — сказал Барсук. — Севернее него есть холм. Мы вырыли там нору. По чести говоря, нора была нам и вовсе не нужна, но день стоял прохладный, и нам хотелось согреться. Кроме того, мы надеялись найти там немного земляных орехов. Вот я и сломал себе зуб...

— Послушай, — попросила Барсука Полли, — давай-ка завтра утром встретимся, и ты покажешь нам это место.

— Не имею ничего против, встретимся у луга Даббинса, как только взойдет солнце.

Всю ночь мне снился холм из чистого золота, но как только я во сне попытался откопнуть от него кусочек, кто-то ущипнул меня за ухо. Это была Полли.

— Вставай, соня, — сказала она. — Пора идти.

Было еще темно, и мне пришлось одеваться при свете свечи. Я зевал и ворчал:

— Неужели нельзя было назначить встречу с Барсуком чуть-чуть попозже? А то вставай ни свет ни заря...

Старая попугаиха увещевала меня:

— Как ты не понимаешь, Том, что главное в нашем деле — первыми найти золото, найти его до того, как про него узнают другие.

Однако золото манило меня только во сне, а в такую рань хотелось вернуться в теплую постель.

— А ты сама-то веришь, что мы найдем там золото? Неужели ты думаешь, что Барсук наткнулся на золотую жилу? В Англии никогда не было золотых россыпей.

— Я знаю не больше тебя, — не сдавалась Полли. — А то, что у нас до сих пор не нашли золота, еще не значит, что и мы его не найдем. Откуда, по-твоему, взялось золото на зубах у Барсука? Поторопись, скоро уже взойдет солнце.

Мы вышли из дома: Полли велела мне захватить лопату, и мы зашагали вверх по дороге. Я шел, поеживаясь от холода и проклиная все золото на свете.

Старый Барсук уже ждал нас. Смешно подпрыгивая, он повел нас к холму, где вырыл нору. К счастью, холм этот не принадлежал Даббинсу, это была городская земля. Я хорошо знал те места: как часто раньше носился я там в поисках птичьих гнезд и ягод. Иногда на холме останавливались табором цыгане, а я усаживался поодаль и наблюдал, как они ставили свои шатры и готовили пищу на кострах.

Глава 8

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА В ПАДДЛЕБИ

— Это очень хорошо, — проскрипела мне на ухо Полли, когда мы остановились у норы Барсука, — что эта земля — городская, никто не может запретить нам рыться в ней. И все же держи язык за зубами, иначе сюда сбегится весь город. Ну что же, бери лопату и принимайся за дело.

Утренняя прохлада прогнала сон. Постепенно меня охватило азартное состояние, та самая страсть к охоте за сокровищами, которая гонит людей в дальние края. Вскорс я заработал так усердно, словно моя жизнь зависела от того, как быстро я срою весь холм. Пот ручьями стекал у меня со лба. Когда я уже оказался по пояс в яме, лопата царапнула обо что-то твердое. Я стал копать еще быстрее и наконец извлек на свет несколько бесформенных кусочков желтого металла.

Это было золото! Настоящее золото!

— Вот об эти камни я и сломал себе зуб, — сказал Барсук. — Они на что-нибудь годятся?

— Еще как годятся! — воскликнула Полли. — Из этого камня, как ты его называешь, делают деньги. Настоящие дукаты, гинеи, пиастры! А ты уверен, что это все? Может быть, мы там найдем еще золото? Неужели ты не хочешь, чтобы доктор Дулиттл стал богатым человеком?

— Я не знаю, что значит быть богатым человеком, — ответил Барсук, — но, если ты считаешь, что это хорошо, я готов постараться для доктора Дулиттла.

Барсук влез в выкопанную мною яму и принялся рыть нору в глубь холма. Из-под его лап полетел песок и камушки. Я тщательно рассматривал все это, но золота больше не было.

— Как бы то ни было, — скрипнула Полли, не спуская глаз с разложенных на носовом платке кусочков золота, — и того, что мы нашли, не мало. На полгода нам хватит. Теперь надо поскорее уносить отсюда ноги, пока никто нас не увидел и не догадался, что мы здесь делаем.

К завтраку мы были уже дома, и, когда за столом рассказали доктору о находке, он был просто поражен.

— Этого не может быть! — цокал языком доктор, рассматривая золото. — Если бы вы нашли старинные монеты, я бы ничуть не удивился. Мало ли где находят клады! Однако то, что вы принесли, очень похоже на золотые самородки. В Англии нет и не может быть золотых россыпей! Это что-то совершенно неслыханное! Мне хотелось бы посмотреть то место, где вы нашли золото.

Я понял, что доктор неисправим, — его интересовало происхождение самородков, а не деньги, которые мы могли бы за них выручить.

Тогда в разговор вмешалась хозяйственная Крякки:

— А это золото оставьте у меня. Я спрячу его понадежнее, пока мы не обменяем его на деньги.

После завтрака мы с доктором Дулиттлом отправились на луг Даббинса. О'Скалли и Хрюкки увязались за нами, хотя мы их и не звали.

— Уж мне ли с моим нюхом не найти золота, — говорил по дороге О'Скалли.

На этот раз мы осмотрели все, просеяли огромную кучу песка и гравия. О'Скалли и Хрюкки рыли землю как

настоящие рудокопы. Пес работал передними лапами, как будто охотился на крыс, а поросенок рыл землю пятачком.

Но золота мы так и не нашли.

— Странно, — бормотал доктор, — очень странно. Настоящая загадка природы. В таком песке не бывает золота.

Загадка так и осталась неразгаданной.

Хотя мы и не нашли золота, но в окрестностях Паддлеби началась настоящая золотая лихорадка. Это не та лихорадка, когда у людей поднимается температура и они ложатся в постель. При золотой лихорадке у людей жадно загораются глаза и они сломя голову бегут на поиски сокровищ.

К полудню мы тронулись в обратный путь. Ни у лута Даббинса, ни по дороге домой нас никто не видел; Мэтьюз Магг и Бед-Окур клялись каждый своими святыми, что никому не сказали ни слова, и все же вся округа в мгновение ока узнала, что на холме на окраине Паддлеби нашли золото.

К четырем часам дня весь лут кишел людьми с лопатами, граблями, вилами, тяпками, криками и прочими орудиями труда, которые, как считают люди, больше всего годятся для поисков золота.

Весь город буквально сошел с ума. Няньки бросили орущих младенцев, хозяйки оставили пироги в печах, бродяги, нищие, цыгане, старьевщики, лавочники, старики, школьники, бедные и богатые — все сбежались на лут в поисках золота.

— Вы слышали, какие сокровища нашел доктор Дулиттл? — говорили одни. — Целый сундук с золотыми дублонами!

— Слышали! — поддакивали другие. — А потом уже после доктора здесь нашли римские чаши. Из золота с драгоценными камнями.

(От работы тысяч лопат, кирок, грабель над лутом Даббинса пыль стояла столбом.

На следующий день на месте злополучного холма зияла огромная яма, словно там разразилось землетрясение. Городские власти даже подумывали о том, чтобы возбудить против доктора Дулиттла уголовное дело и заставить его насыпать холм на том же месте.

Сумасшествие продолжалось. Из других городов приехали старые золотоискатели, которые, по их рассказам, намывали на приисках не одну сотню фунтов драгоценного металла. Это были огромные бородатые мужчины. Они принялись рыть со знанием дела, и яма увеличилась еще больше.

Золотая лихорадка обошла стороной дом доктора Дулиттла, и только поросенок Хрюкки заразился ею. Его было невозможно оттащить от злополучного луга.

— Я был рожден, чтобы стать золотоискателем, — говорил он. — Вы только посмотрите, как я рою землю своим пятачком. Намного быстрее, чем эти мужланы с лопатами.

Рыл он действительно очень быстро. Именно это обстоятельство чуть не погубило поросенка.

Когда бородатые старатели увидели, что поросенок их обгоняет и может первым открыть золотую жилу, один из них крикнул:

— Что же это такое! Эта свинья, чего доброго, обставит нас!

И тогда они схватили поросенка, надели на него ошейник и заставили работать на себя. Поросенок упирался и визжал, но старатели были неумолимы, и пришлось Хрюкки покориться.

Когда в тот день Хрюкки не вернулся к обеду, первой забеспокоилась утка.

— Где же его носит? — ворчала она. — Такого еще не бывало, чтобы этот обжора пропустил обед. То ли он и вправду нашел золото, то ли попал в беду.

Заволновался и доктор Дулиттл. После обеда он взял меня и О'Скалли и отправился на поиски Хрюкки. За О'Скалли потянулись и все псы, жившие в приюте доктора.

В яме мы увидели ужасную картину: на дне кружком расположилась дюжина старателей, а несчастный Хрюкки, глотая слезы, рыл землю. На его шее красовался толстый и прочный ошейник.

— Как вы смеете мучить животное?! — закричал на старателей доктор Дулиттл.

— Как смеем? Ха-ха-ха! — рассмеялись в ответ старатели. — Это наш поросенок, что хотим, то с ним и делаем!

От негодования доктор покраснел, руки его сжались в кулаки, и он готов был броситься на мучителей несчастного Хрюкки. Я испугался за доктора, хотя и видел его в бою против багиагдерагов. Старатели были слишком сильные, и их было слишком много. Неизвестно, чем бы кончилась драка, но тут нас выручил О'Скалли.

Он опрометью метнулся в ближайшие заросли, где сидели его приятели из собачьего приюта, и завыл по-волчьи. Его друзья подхватили вой.

Я никогда не думал, что наши друзья псы так здорово умеют подражать волкам. Над лугом Даббинса раздавался настоящий вой голодной волчьей стаи:

— А-у-у-у!

Старатели вздрогнули и стали озираться по сторонам.

— Это волки, — крикнул один из них, — на Аляске они съели трех моих приятелей. Спасайся!

И старатели, бросив поросенка, помчались прочь.

На том и кончилась золотая лихорадка в Паддлеби.

— Не расстраивайся, Хрюкки, — успокаивал доктор Дулиттл поросенка. — Ты и не мог найти здесь золота, потому что его здесь нет. Хорошо еще, что так благополучно закончилась эта история со старателями.

С тех пор Хрюкки боялся даже ходить в одиночку в лес за трюфелями и всегда приглашал с собой О'Скалли. Но привычка рыть, рыть и рыть у него осталась навсегда. Теперь за столом, когда Крякки подавала кашу с вареньем, он прежде всего совал пяточок в тарелку, вылавливал оттуда ягоды и только потом съедал кашу.

Крякки очень радовалась, что находчивость Полли обеспечила доктору безбедную жизнь. Золото взвесили и продали.

— Вот так-то, — радостно приговаривала Крякки. — Кто бы мог подумать, что это приключение принесет нам счастье. Очень вовремя Барсук сломал себе зуб. А я ведь уже не знала, на что купить продукты к завтрашнему обеду.

Глава 9

МЫШИНАЯ АЗБУКА

Но даже когда появились деньги, Крякки ничуть не изменилась и продолжала ворчать:

— Кому он нужен, этот зоопарк? От него одни расходы и неприятности.

Все звери, жившие в зоопарке, не вступали в пререкания с Крякки, потому что побаивались старой домоправительницы доктора Дулиттла. Они и сами прекрасно понимали, что их дома и клубы стоят ой как не дешево, но покидать зоопарк им не хотелось.

Поэтому, когда стало известно, что доктор нашел золото, жителей зоопарка охватила бурная радость. Волна ликования прокатилась от приюта бродячих собак до клуба крыс и мышей.

Родовались и немногие оставшиеся там иностранцы: канадские куницы и русские норки. Даже застенчивый тьяни-толкай, проводивший все время в одиночестве, выбежал на дорожку и принялся весело взбрыкивать.

Никогда в жизни мне не доводилось слышать такой адский шум. Когда Тобби и Скок принесли весть о золоте в зоопарк, уже темнело. Все жители немедленно вылезли из домов. Они громко визжали, лаяли, хрюкали, ревели, щебетали. Все эти крики на зверином языке означали одно и то же:

— Ура!

Из уст в уста, от дома к дому передавалось:

— Доктор Дулиттл опять богат!

Шум был такой, что проходивший мимо полицейский остановился и спросил у меня:

— Что случилось? Уж не пожар ли у вас в доме?

— Нет, — улыбаясь до ушей, ответил я. — У нас в доме радость.

Белая мышь прибежала ко мне с предложением провести факельное шествие, когда совсем стемнеет.

— Том, принеси мне коробочку свечей из тех, что втыкают в торт на день рождения или зажигают на Новый год на елке. А еще возьми ленту и напиши на ней — ты

ведь умешь писать, не правда ли? — напиши на ней большими буквами: «УРА! ДОКТОР ОПЯТЬ БОГАТ».

Как только наступил вечер, пятьдесят четыре мыши и пятьдесят четыре крысы появились на дорожках зоопарка. Они шли парами, и каждая из них несла в лапках зажженную свечу. До полуночи они ходили кругами около своего клуба, время от времени останавливались и хором пищали:

От радости пляши, кричи!
Ура! Мы снова богачи!

А жизнь в городе зверей шла своим чередом. Сейчас я расскажу, как появилась первая, и последняя, в мире библиотека для зверей.

Однажды доктор Дулиттл попросил меня привести в порядок его записки о звериных языках — о языке мышей, собак, рыб, птиц, и прочих, и прочих, и прочих. Записки эти занимали целую комнату, и мне иногда казалось, что он знает языки всех-всех животных.

Когда я увидел гору бумаг, которую мне предстояло разобрать, у меня опустились руки. Мне казалось, что всей жизни не хватит, чтобы управиться с делом. И тогда мне на помощь пришли Полли и белая мышь, а Мэтьюз Магг сколотил замечательные полки.

Мы взялись за работу, и тут выяснилось, что не так уж она страшна, какой казалась поначалу. Целую неделю мы провели за разборкой бумаг: отряхивали их от пыли, аккуратно расставляли по полкам, записывали, что где стоит. А к концу недели все было готово.

Я стоял посреди комнаты, осматривал полки и только диву давался. Вдруг дверь распахнулась и вошел доктор Дулиттл. Он тоже несказанно удивился.

— Невероятно! — воскликнул он. — Невероятно, Стаббинс!

— Да, господин доктор, — согласился я с ним. — Простое невероятно, как вам удалось все это записать.

— Ах, все это пустяки, — махнул рукой доктор. — Написать было совсем нетрудно. Невероятно, что вы упрямились так быстро.

Сидевшая у меня в кармане белая мышь пискнула:

Доктор, если это все написано о зверях, то лучше бы

положить бумаги пониже, чтобы мы могли взять их с полка.

Доктор Дулиттл удивленно посмотрел на нее, потом почесал затылок.

— Да, наверное, так, — протянул он. — Однако эти бумаги будут вам неинтересны. Конечно, можно было бы написать сказки, но ведь вы не умеете читать.

— Нет ничего легче, чем научиться читать, — самонадеянно заявила белая мышь. — Сначала вы научите меня, а я научу всех остальных. Представьте себе, доктор, в нашем клубе крыс и мышей до сих пор нет и ни одной книги. Куда же это годится?!

Доктор улыбнулся в ответ и сказал:

— Прежде чем поставить книги в вашем клубе, их надо написать, а до сих пор не придуманы даже буквы для вашей азбуки. Однако обескуражить белую мышь было не так-то просто.

— Но ведь и люди когда-то не умели писать, а потом они придумали азбуку. Неужели вам, знаменитому доктору Дулиттлу, трудно составить азбуку для мышей, совсем простую азбуку. Вот увидите, через неделю весь наш клуб будет запоем читать ваши книги.

Доктор всю свою жизнь посвятил зверям, он их любил, он их воспитывал. Можете себе представить, как его заинтересовало нелепое, на первый взгляд, предложение белой мыши. Он тут же принялся за работу и придумал для мышей и крыс простенькую азбуку, которая состояла всего лишь из десяти букв. Доктор Дулиттл назвал ее мышьиной азбукой, но Полли и я окрестили ее «пискучей» азбукой, потому что, как бы вы ни произносили эти звуки, в результате получался только писк. Но что делать — уж такой пискучий язык у мышей.

А потом доктор написал книги. Это были сказки. В них говорилось о мышках-героях, побеждающих свирепых котов, о мышках-ловкачах, умеющих вытащить кусочек сыру прямо из мышеловки, о крысах-мореплавателях.

А потом пришла очередь печатать и брошюровать книги. Конечно, книги были маленькие, такие чтобы их могли взять в лапки даже крошечные мышата. «Надо дать образование молодежи, — говорила белая мышь. —

Ведь именно они будут строить наше светлое мышинное будущее». Самая большая книга была не больше почтовой марки.

Когда я переписывал вручную все ее страницы, мне приходилось пользоваться увеличительным стеклом. Но эти крохотные буковки были не такими уж и маленькими для мышинных глаз, ведь, как известно, мыши без труда различают даже отдельные пылинки.

Я очень гордился своей работой, и, когда наконец первая книга на мышинном языке была готова, я написал на титульном листе фамилию издателя: «Стаббин Стаббинс. Паддлеби-на-Марше». Честно сказать я не знал, кто был вторым Стаббинсом, но мне казалось, что лучше и солиднее, когда подписываешься двумя фамилиями.

Конечно, книга была прежде всего результатом труда доктора Дулиттла, но все же изготовил ее я. Я чувствовал себя первопечатником.

— Ах, Том, — восторженно пищала белая мышь, когда я показал ей готовую первую книгу. — Это неважно, что она пока одна, важно, что мы положили начало мышинной литературе. История нас не забудет!

Глава 10

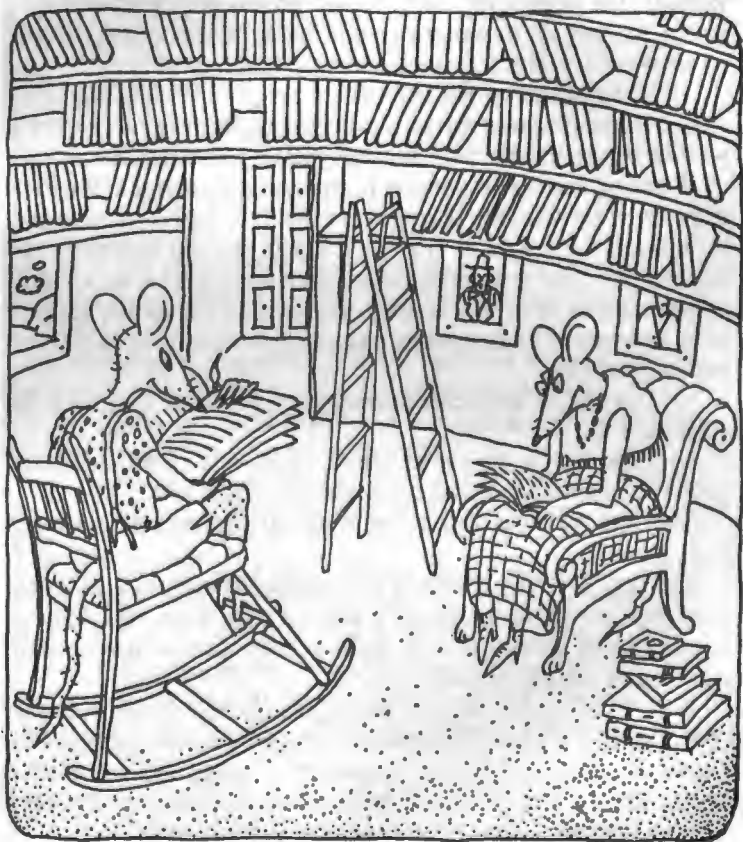
ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Хотя белая мышь и выражалась напыщенно и высокопарно, в одном она все же была права — все мыши и крысы ужасно обрадовались книгам. Поначалу я боялся, что они их просто съедят, — вы ведь знаете, что мыши с большим удовольствием обгрызают корешки у книг в библиотеках. Но оказалось, что это делают только неграмотные грызуны. Все члены мышинного клуба, как только научились читать, ни зубом не тронули книгу.

И все же редчайший и единственный выпущенный почтовым двором «Стаббинс Стаббинс» экземпляр — единственный, не сохранился, чтобы стать достоянием последующих поколений. Жаждающая знаний крысиная и мыши-

ная публика зачитала его до дыр. Мыши и крысы уже не могли остановиться, они втянулись в чтение и требовали все больше и больше новых книг. Если собаки, барсуки, белки и кролики довольствовались тем, что им читали вслух, то грызуны с их природным любопытством хотели читать сами. Мне приходилось издавать все новые и новые книги. Так в мышином клубе появилась целая библиотека.

Вечерами мыши и крысы собирались в большом зале своего клуба, удобно устраивались по углам, и каждая читала книгу, какая пришлась ей по душе. Затем и этих

книг стало не хватать, и общими усилиями на свет появился журнал «Подвальная жизнь» и юмористическое приложение к нему «Юмор подземелья». Выходил журнал первого числа каждого месяца. В нем были новости, сплетни, объявления и всяческие смешные истории и рисунки из жизни грызунов.

А однажды в доме доктора Дулиттла произошла загадочная история. Еще в те времена, когда доктор лечил людей, у него была приемная, где больные ожидали своей очереди, но, с тех пор как люди перестали обращаться к нему за помощью, Джон Дулиттл закрыл приемную и больше ею не пользовался. В этой приемной на камине стоял крохотный портрет самого доктора. Такие крохотные портреты по-умному называются миниатюрами. Размером она была со спичечный коробок и сделана на тоненькой пластинке слоновой кости.

Годами миниатюра стояла на камине между старинными сломанными часами и фарфоровой пастушкой, но в один прекрасный день загадочным образом исчезла.

Доктор хватился своего портрета и бросился его искать, потому что очень дорожил им. Это был подарок его покойной матушки. В тот день, когда доктор Дулиттл защитил диплом и стал именоваться «д-р мед.», матушка, очень гордая тем, что ее сын, как любят говорить взрослые, получил образование, заказала его портрет хорошему художнику.

— Крякки, — спросил доктор утку, — ты не видела мой портрет?

— Еще вчера он стоял на камине, — ответила Крякки. — Я смахивала пыль с камина и видела его.

Так мы и не узнали, кому и зачем понадобился портрет доктора.

Полли, Чи-Чи, Бу-Бу и О'Скалли перерыли весь дом. Портрет исчез бесследно. А вскоре и доктор позабыл о нем, так как хлопот у него было выше головы и времени на поиски не оставалось.

Как то вечером, недели через две после торжественного открытия мышиной библиотеки, белая мышь пришла навестить доктора. Джон Дулиттл и я сидели за столом и приводили в порядок его записки о морских глубинах: доктор собирался писать за новую ученую книгу.

Белая мышь вскарабкалась на стол, уселась перед нами, важно подкрутила ус и сказала:

— Я к вам по делу, господин доктор, вернее, сразу по двум делам. Первое. Не могли бы вы написать для нас, мышей, книгу о мышеловках?

— Ха-ха-ха! — расхохоталась Полли. — Вам захотелось пощекотать нервы и почитать об ужасах!

— Ну уж нет, — возразила мышь. — Нам необходимо описание всех-всех мышеловок, которые только существуют. Дело в том, что наши дети покидают родительский кров, как только немного повзрослеют. Они такие доверчивые и неопытные, что попадают в первую же мышеловку с приманкой из плесневелого сыра или шкурки от сала. Поэтому нам нужен учебник о мышеловках и руководство, как их избежать.

— Хорошо, — согласился доктор, — такой учебник я напишу, если только Стаббинс сумеет сделать рисунки в ваших крохотных книжечках.

Крякки сидела у очага и прислушивалась к нашему разговору.

— Боже упаси! — воскликнула она. — Если ты, Стаббинс, нарисуешь мышеловки, весь мир заполонят мыши. От них и так житья нет. Мне уже запретили ставить мышеловки в кладовой с продуктами. Как же мы будем жить дальше?

Белая мышь обиделась. Ее усы встали торчком от негодования. Она оглянулась на утку и пропищала:

— А что бы ты сказала, если бы люди придумали уткеловки и ставили их где ни попадя?

— Да разве можно нас сравнивать? — разгорячилась Крякки. — Мы же не грызуны! Мы — существа благородные.

— Ну-ну, не ссорьтесь, — вмешался доктор. — А второе дело, из-за которого ты пришла ко мне? В чем его суть?

— А второе дело не менее важное, чем первое. Я пришла к вам как председатель клуба мышей и имею честь пригласить вас, доктор, вместе с Томом Стаббинсом на праздник Нового месяца.

— Праздник Нового месяца? А что это такое?

— Сейчас попробую объяснить, — ответила белая

мышь. — У людей есть праздники, а у нас, у животных, нет. И вот вчера на собрании клуба взяла слово железнодорожная крыса — она очень умная и порядочная, только, к сожалению, ужасно пахнет керосином, — так вот эта крыса предложила учредить праздники, чтобы и у нас все было как у людей.

— Вам бы только праздников побольше, — язвительно проворчала Крякки.

Но белая мышь пропустила ее замечание мимо ушей и продолжала:

— После железнодорожной крысы взяла слово извозчичья мышь. Она всю жизнь жила в наемной карете и знает наш город вдоль и поперек. Так вот она сказала: «Люди празднуют Новый год, и у них это самый веселый праздник. Давайте и мы праздновать Новый год».

Мы все согласились с извозчичьей мышью. Но затем поднялась с места церковная крыса и сказала: «Я не раз видела, как в церкви отпевают покойников, и мне ли не знать, как коротка человеческая жизнь. А наша жизнь, жизнь крыс и мышей, еще короче, поэтому давайте праздновать не новый год, а Новый месяц. Тогда у нас будет двенадцать праздников в году. И дни рождения мы тоже будем отмечать не раз в год, а раз в месяц».

Весь наш клуб согласился с церковной крысой, уж больно она красиво говорила, наверное, не одну проповедь выслушала. А еще мы решили приглашать на праздники Нового месяца доктора Джона Дулиттла вместе с необычным мальчиком Томом Стаббинсом. Праздник состоится завтра вечером. Фрак и галстук необязательны, можете прийти даже в домашней одежде.

— Ну конечно же, — любезно согласился доктор, — я приду.

Глава 11

КЛУБ КРЫС И МЫШЕЙ

Нигде, ни в одном городе нет такого здания, которое бы хоть чем-то походило на клуб крыс и мышей. Поначалу в нем было всего четыре этажа и оно доставало мне до колена. Затем число членов клуба выросло от пятидесяти до трех сотен, потом до пяти тысяч, и вместе с числом живших там грызунов росло и само здание.

Снаружи клуб крыс и мышей походил на огромный улей с множеством маленьких дверей на всех пятнадцати этажах. Вдоль наружной стены вилась лестница с перилами, и каждый жилец мог войти в свою комнату с улицы. В середине здания был огромный зал общих собраний, а вдоль стен зала также вилась лестница с перилами, так что каждая крыса и мышь могли попасть в зал прямо из своей комнаты. Там же были столовые, гостиные и зал заседаний правления клуба.

Конечно, все двери были очень маленькие, такие, что пройти через них могла только крыса. Но по случаю праздника Нового месяца белая мышь попросила Барсука вырыть подземный тоннель, по которому доктор и я могли пробраться в зал заседаний.

Когда мы с доктором подошли к черной дыре в земле, нас там уже ожидали белая мышь и все члены правления клуба. Из всех дверей выглядывали мыши и крысы, все хотели принять участие в торжественной встрече с великим человеком, все хотели приветствовать его.

Уж не знаю, каким образом мыши переняли у людей их дурные привычки. Вместо того чтобы сказать нам «добрый вечер», белая мышь разразилась приветственной речью минут на десять. Когда она наконец закончила, нам предложили спуститься в тоннель, чтобы пройти в дом.

Я храбро нырнул в черную дырку и предупредил доктора:

— Будьте внимательны, смотрите, куда ставите ногу, и не коснитесь случайно потолка, не то все здание рухнет.

К счастью, все обошлось и мы попали в зал общих за-

седаний. Места хватило ровно в обрез, чтобы мы с доктором могли стоять, тесно прижавшись друг к другу. Белая мышь спросила:

— Не хотите ли осмотреть весь клуб? Ведь мы считаем вас основателями нашего общества.

Но ни в одну из комнат войти мы не могли, поэтому доктор ограничился тем, что поочередно заглянул в маленькие распахнутые дверцы. Я последовал примеру доктора.

Вы себе и представить не можете, до чего горазды на выдумки мелкие грызуны. Их комнаты были похожи на человеческие, в них стояли столы, стулья, кровати с одеялами и подушками.

— А вот здесь у нас, — вдруг гордо сказала белая мышь, — зал заседаний правления клуба.

Доктор заглянул в раскрытую дверцу, и вдруг лицо его удивленно вытянулось. Он повернулся ко мне и взволнованно сказал:

— Стаббинс, а ну-ка взгляни. Может быть, мне все это мерещится? Мне кажется, что на меня оттуда смотрит человек.

Я тоже взглянул в зал заседаний правления и рассмеялся.

— Конечно, на вас оттуда смотрит человек, — сказал я. — К тому же удивительно похожий на вас. Это ваш пропавший портрет.

Тут я услышал, как белая мышь за нашими спинами бранила большую серую крысу.

— Разве я не говорила тебе, — визжала она от злости, — чтобы ты убрала портрет со стены, а теперь мы из-за тебя потеряем нашу единственную картину.

Доктор еще раз прильнул глазом к дверце и воскликнул:

— Действительно! Мой портрет!

Затем он повернулся к белой мыши и строго спросил:

— Как он к вам попал? Я с ног сбился, разыскивая его. С каких это пор вы занялись воровством?!

Мышь, хоть и была белой, покраснела от стыда.

— Если рассудить по чести, — начала она оправдываться, — это была вовсе не кража. У нас живет очень много мышей, которые переняли от людей их привычки.

Так вот, одна из наших подруг всю жизнь прожила в ратуше и видела, что над креслом бургомистра висит портрет короля. Она-то и предложила нам повесить над креслом председателя ваш портрет. Но где же нам было взять его? И тогда к нам на помощь пришла тюремная мышь. Она родилась и выросла в тюрьме, и от этого совесть у нее не очень чувствительная. Зато она веселая, смелая и знает уйму всяких историй о кражах, убийствах и похищениях. По вечерам мы слушаем ее затаив дыхание. Именно она, — продолжала белая мышь, — нас и выручила. «Я знаю, где достать портрет доктора Дулиттла. Он стоит на камине в его же доме». Нам понравилось ее предложение, и в тот же вечер, когда вы улеглись спать, тюремная мышь отправилась к вам домой, потихоньку взяла ваш портрет и принесла его сюда. Господин доктор, давайте не будем называть это кражей, давайте скажем, что вы одолжили нам портрет. Ведь вы его у нас не отнимете?

Джон Дулиттл улыбнулся в ответ.

— Нет, не отниму, здесь он совсем неплохо смотрится. А кроме того, я очень польщен тем, что вы пожелали повесить в клубе мой портрет. Будем считать, что я вам его подарил. Но только берегите его хорошенько, чтобы он не испортился. И не говорите ни слова Крякки, иначе она задаст вам взбучку, ее вы, пожалуй, не сможете уломать.

— Мы будем держать язык за зубами, — заверила Джона Дулиттла белая мышь. — А теперь, доктор, я, с вашего позволения, дам сигнал к началу праздника.

Мы отошли к стене и присели на корточки. Белая мышь ударила в гонг, и тут же крысы и мыши заполонили весь зал. Они быстро втащили столы, сделанные из дерева, и «стулья» — это были пустые жестяные банки, взятые мышами напрокат в приюте для бродячих собак. Когда все расселись, появились официанты и устали столы блюдами, приготовленными из крошек сыра, орехов, вяленой рыбы, хлебных корочек и яблочных семечек.

Глава 12

ПРАЗДНИК НОВОГО МЕСЯЦА

Праздник удался на славу. Правда, ни я, ни доктор не могли с уверенностью сказать, что мы наелись. Блюд было очень много, но подавали их в скорлупках грецких орехов и шляпках желудей. Можете себе представить, сколько надо было съесть, чтобы хоть как-то заморить червячка.

Однако мы так увлеклись происходящим, что уже не замечали, сыты мы или голодны. Ведь мы впервые присутствовали на мышинном празднике. Кому еще доводилось сидеть за столом вместе с пятью тысячами мышей?

Поначалу крысы и мыши долго спорили, кто где сядет. Всем хотелось устроиться поближе к доктору Дулиттлу. Наверняка каждая из них думала, как в старости будет рассказывать своим внукам: «На этом празднике меня посадили по правую руку от самого доктора Дулиттла».

Наконец все расселись и официанты подали на стол. Сразу же воцарилась тишина, и слышно было только, как похрустывают на острых зубках орехи и хлебные крошки. Так продолжалось довольно долго.

Когда все было съедено и выпито, убрали со стола, а дверь на кухню занавесили банановой кожурой. Белая мышь, она же первый председатель клуба крыс и мышей, поднялась со своего места, с достоинством окинула взглядом собравшихся, откашлялась и потребовала тишины, хотя и так было тихо, как в могиле.

И тут она снова произнесла речь. Она долго говорила о том, что рада приветствовать доктора Дулиттла на празднике Нового месяца. Затем она принялась рассказывать мышам и крысам о заслугах доктора. Самыми любимыми словами в ее речи были: образование, воспитание, исторический поворот.

— А самое главное для нас, — говорила она, — это то, что в будущем усилия доктора принесут прекрасные плоды.

При слове «плоды» многие крысы и мыши облизну-

лись. Чувствовалось, что такие витиеватые слова и выражения им еще не по зубам.

— В истории нашего великого народа произошел великий перелом, — продолжала белая мышь. — У нас появилась возможность проявить все наши таланты.

«Жаль, что нет здесь Крякки, — подумал я. — Она бы вам рассказала, с каким талантом вы прогрызаете мешки с крупой и уничтожаете припасы».

А белая мышь говорила и говорила:

— Как мы жили до сих пор? Мы были гонимы, нас уничтожали, заставляли бежать и скрываться. На нас травлили кошек. Что могло нас ждать в будущем? Смерть в когтях чудовища или в мышеловке. Мудрейшие постановления доктора Дулиттла изменили нашу жизнь. Теперь мы думаем не только о спасении собственной шкуры, не только о хлебе насущном, но и о пище духовной.

Белая мышь перевела дыхание. В зале царил тишина. И снова раздался торжественный писк председателя мышиного клуба.

— Все, что мы видим здесь, — при этом она изящным движением лапки обвела зал, — наш новый дом, который мы называли клубом крыс и мышей, дал нам доктор Дулиттл. Благодаря ему нам стало доступно образование, мы по-новому воспитываем детей, мы приобщились к культуре. Предлагаю выразить доктору Дулиттлу особую благодарность за то, что он посетил сегодня наш праздник, и за все, то что он сделал для нас. Да здравствует доктор Дулиттл! Да здравствует! Да здравствует! Да здравствует!

Белая мышь умолкла, и послышался гром рукоплесканий. По правде говоря, рукоплескать крысы и мыши не умеют — у них нет ладошек. Но восторг они выражают не менее бурно, чем люди. Все пять тысяч крыс и мышей стучали лапками по полу, щелкали хвостами и громко пищали.

Я скосил глаза на доктора и заметил, что речь белой мыши и громкие здравицы в его честь взволновали его.

Шум смолк. Мыши и крысы смотрели на доктора — они ждали, что доктор произнесет ответную речь. Конечно, доктор мог сказать что угодно — все равно в старости

каждая из присутствующих будет рассказывать внукам одно и то же: «И тогда доктор Дулиттл сказал, что нет более великого народа среди зверей, чем народ крыс и мышей. Доктор велел хранить эти заветы, и мы храним их до сих пор».

Конечно, доктор Дулиттл так не сказал. Он коротко поблагодарил мышиный клуб за теплый прием, а в конце добавил:

— Вы сами построили этот дом. Вы сами изменили вашу жизнь. И от вас самих зависит, как вы будете жить дальше.

Мыши и крысы встретили его речь с не меньшим восторгом, чем речь председателя клуба.

Затем доктору представили почетных гостей. Оказалось, что на празднике присутствовали не только жильцы зоопарка, но и крысы и мыши, прибывшие издалека. Так, например, одна мышь приехала из самого Лондона, где жила в Музее истории искусств. Чтобы попасть на праздник и хотя бы одним глазком посмотреть на знаменитого доктора Дулиттла, она не побоялась пуститься в такое дальнейшее путешествие. Конечно, она путешествовала не пешком — железнодорожная мышь посадила ее на поезд, идущий до Паддлеби.

Среди гостей была также мышь из Лондонского зоопарка.

— Я даже захожу в клетку ко льву! — хвасталась она.

Остальные мыши недоверчиво качали головами и спрашивали:

— Неужели тебе не страшно? Ведь лев — это огромная кошка.

Хвастунья смутилась и призналась:

— Я захожу к нему, только когда он спит и только на минутку, чтобы стянуть у него из миски кусочек мяса.

А одна из мышей щеголяла в пушистой-препушистой шубке, оказывается, она выросла на леднике у одного крестьянина, где хранились продукты. Из-за постоянного холода у всей ее семьи выросла густая шерсть, так что они больше походили на пушистые комочки.

Были на празднике и старые знакомые. Доктор Дулиттл с радостью обнаружил среди гостей старую корабельную крысу, ту самую, что давным-давно предупреди-

ла доктора о том, что его корабль пойдет ко дну. Теперь она навсегда покинула море и решила провести остаток дней в тепле и уюте мышиного клуба в Паддлеби.

Если я буду перечислять всех мышей, которые пришли на праздник, мне не хватит бумаги. По той же причине и доктор мог уделить гостям всего несколько мгновений.

— Прошу вас, доктор, познакомьтесь с больничной мышью... А это театральная крыса... А это ресторанный мыш... — без умолку щебетала белая мышь.

Глава 13

ГОСТИНИЧНАЯ КРЫСА

Уже почти все гости были представлены доктору Дулиттлу, когда он, как это нередко случалось, удивил меня своей необычайной памятью.

Вокруг него стояли тысячи крыс и мышей. Для меня все они были на одно лицо, если, конечно, можно назвать лицом крысиную или мышиную мордочку. И вдруг доктор неожиданно указал на одну из крыс и тихонько спросил у белой мыши:

— Ты видишь вон ту крысу, что потирает носик левой лапкой? Кто она такая?

— Это гостиничная крыса, — ответила белая мышь. — Вы хотите поговорить с ней?

Крыса, о которой шла речь, уже заметила, что доктор Дулиттл смотрит на нее, и, очень гордая вниманием великого человека, тут же к нему подошла. Доктор всмотрелся в нее и сказал:

— По-моему, мы с тобой уже знакомы. Где же мы с тобой встречались?

— Года четыре тому назад меня принесли к вам едва живой. Помните, господин доктор? Моим братьям пришлось разбудить вас ни свет ни заря.

— Да, конечно, теперь я вспомнил, — сказал доктор и хлопнул себя по лбу. — Ты была без сознания. А на следу-

ющее утро тебя увезли еще до того, как я проснулся. А потом мы никогда больше не встречались. Я даже не успел расспросить тебя, что же случилось.

— На меня наехали, — ответила крыса, и глаза у нее стали грустными от неприятных воспоминаний. — На меня наехала детская коляска, а в ней везли двух близнецов. Близнецы были очень тяжелые... И зачем только люди так раскармливают детей? Случилось это... а впрочем, к чему рассказывать, мы ведь собрались, чтобы веселиться.

— Нет, нет, непременно Расскажи, — попросил ее доктор Дулиттл. — Как приятно вечерами слушать рассказы о всяких приключениях.

— Ну что же, — сказала гостиничная крыса, — я буду рада рассказать мою историю, если, конечно, остальным она не покажется скучной.

По толпе крыс и мышей прокатился радостный визг. Как известно, крысы и мыши — большие охотники до всяких занятных историй, правдивых и выдуманных, побасенок и даже сплетен. Вот и теперь они расселись поудобнее и приготовились слушать.

— Лет пять тому назад, — начала свой рассказ гостиничная крыса, — я решила поселиться в гостинице. Многие крысы считают гостиницы опасным местом и избегают селиться в них. Но у меня иное мнение. Главное привыкнуть к обстановке, и тогда тебе грозит не большая опасность, чем на любом другом месте. Мне по душе городская жизнь, шумная, веселая. И нет ничего лучше гостиницы! Постояльцы все время меняются, и как забавно наблюдать за ними и изучать их повадки.

Итак, мы с братьями подыскивали себе старую уютную гостиницу в соседнем городе. Жизнь там показалась нам сытной, и мы решили обосноваться надолго. В гостинице были прекрасные подвалы и кладовые, забитые продуктами. За чистотой здесь не гнались, и на полу всегда можно было найти то кусочек сыру, то корочку хлеба. Во дворе стояли амбары с овсом и ячменем.

Вместе с нами поселилась еще одна крыса. Она была немного странная, и ни в одном из крысиных селений ее бы не приняли. Когда-то я совершенно случайно спасла ей жизнь — за ней гналась собака. С тех пор она ни на

шаг не отходила от меня. Звали ее Косушкой, потому что у нее был только один глаз.

Косушка прекрасно бегала. Правда, поговаривали, что на состязаниях она жульничает, но я уверена, что все это чушь, потому что как можно жульничать в забеге на скорость? Как можно обмануть полсотни зрителей?

Когда Косушка спросила меня, позволю ли я ей жить вместе с нами, я сказала моим братьям, которых звали Шепоток и Шипунок:

— Братцы, кажется мне, что Косушка не такая уж плохая, как о ней говорят. Ты же сам, Шепоток, знаешь, как это бывает в жизни. Стоит когда-нибудь хотя бы немножко измазаться грязью — и все верят любым слухам. — А ведь в каждом из нас есть что-то хорошее. Косушку изгнали из общества, у нее нет друзей. Давайте примем ее к себе.

Так Косушка стала жить вместе с нами в старой гостинице. Как вы потом сами убедитесь, это было счастье для нас. Правда, мы с ней очень часто расходились во мнениях. Она была опытная, всего насмотрелась и любила повторять: «Полагайся только на себя. На свой собственный ум, на свой собственный нюх и на свои собственные ноги». Я же считала, что главное в нашей крысиной жизни — хорошая, удобная нора, где можно спрятаться и отсидеться.

Вы представляете, какие ужасы и опасности подстерегают нас в гостинице? Прежде всего эти собаки, потом, по меньшей мере, две или три кошки, несметное число ловушек и конечно же толпы снующих взад и вперед людей. А напичканные ядом лакомые кусочки, которые подбрасывают нам?!

Вот я и вырыла удобную, глубокую нору рядом с норой моего брата Шипунка. Она располагалась у задней стенки печи, и в ней было тепло и уютно даже в самые холодные зимние ночи.

Я часто говорила Косушке:

— Мне совершенно все равно, что происходит вокруг, лишь бы мне спокойно сиделось в норе.

Косушка насмешливо прищуривала свой единственный глаз и отвечала:

— Это тебе только кажется, что твоя нора — твоя крепость.

В гостинице жили две кошки. Чаще всего они дремали у камина, свернувшись в клубочек. Кормили их два раза в день, и мы уже прекрасно знали, когда они, объевшись рыбьими потрохами, уснут. Именно в это время мы безбоязненно выходили из нор и отправлялись на поиски пищи.

Но однажды кошки словно взбесились. С самого утра они бросились охотиться на нас, и так продолжалось весь день. На следующее утро я осторожно выглянула из норки и увидела, что кошки подкарауливают нас. Пришлось нам голодать еще.

С тех пор мы больше не отваживались уходить далеко от наших нор. И все же, несмотря на все предосторожности, однажды я, возвращаясь вечером домой, нос к носу столкнулась кошками. Коварные чудовища действовали хитро: одна из них встала у входа в мою норку, а вторая выпустила острые, страшные когти и бросилась на меня.

Но я не потеряла головы, потому что мне уже не раз приходилось удирать от кота, правда, на меня еще никогда не охотились две кошки сразу. Искать спасения в норке я не могла, поэтому мне не оставалось ничего другого, как броситься к открытому окну и выскочить на улицу.

Гостиничная крыса на мгновение прервала свой рассказ. Наверное, от волнения у нее зачесался нос, потому что она принялась тереть его обеими лапками. Публика напряженно ждала продолжения. По собственному опыту каждый знал, чем может кончиться такая погоня.

— Итак, я выскочила во двор, — продолжила крыса, и ее мордочка болезненно скривилась от неприятных воспоминаний, — и попала прямо под колеса детской коляски. В коляске везли двух раскормленных близнецов, заднее колесо наехало на меня, и я почувствовала, как захрустели мои косточки. Нянька взвизгнула: «Ой! Крыса!» — и бросилась бежать от меня вместе с коляской и близнецами. Но я-то бежать уже не могла и подумала, что настал мой смертный час. Ничто не мешало кошкам прыгнуть и покончить со мной. Я была совершенно беззащитна перед ними. Задние лапки не слушались меня, и я могла только ползти, опираясь на передние. Но разве таким черепашьям шагом убежишь от кошки?

И все же счастье не покинуло меня. Выручил случай.

Не успели кошки спрыгнуть с окна на улицу, как на крики и шум прибежала собака. Не знаю, заметила ли она меня, но кошек заметила точно. Я только однажды в жизни видела паровоз и думаю, что собака мчалась за моими обидчиками гораздо быстрее. В другом положении я бы посмеялась над кошками, которые из охотников превратились в дичь, но в ту минуту мне было не до смеха. Малейшее движение доставляло мне ужасные страдания, но оставаться на улице было нельзя. Могли появиться люди, могла проехать коляска, запряженная лошадью, в конце концов, на шум могли прибежать другие кошки. Шаг за шагом, преодолевая боль, я потащилаcь домой.

Окно, через которое я выпрыгнула на улицу, было почти на уровне мостовой, и я смогла, собрав все силы, вскарабкаться на подоконник и скатиться оттуда в полуподвал, где был вход в мою нору. Я ползла и повторяла себе: «Моя нора — моя крепость! Как только я попаду туда, все будет хорошо. Во что бы то ни стало я должна попасть в нее до того, как вернутся кошки».

Глава 14

КОСУШКА

Скорее мертвая, чем живая, — продолжала свой рассказ гостиничная крыса, — я дотащи́лась до родной норы и заби́лась в самый дальний ее уголок. Там силы покинули меня, и я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, то увидела над собой Косушку. Она вглядывалась в меня и со слезами говорила:

— Теперь ты видишь, на что годятся твои норы? Не я ли тебе твердила: «Полагаться можно только на себя»?

— Что со мной случилось? — спросила я. — Что у меня сломано?

— У тебя сломаны обе задние лапки. Придется отвезти тебя в Паддлеби к доктору Дулиттлу. На этот раз твоя любимая нора тебе не поможет.

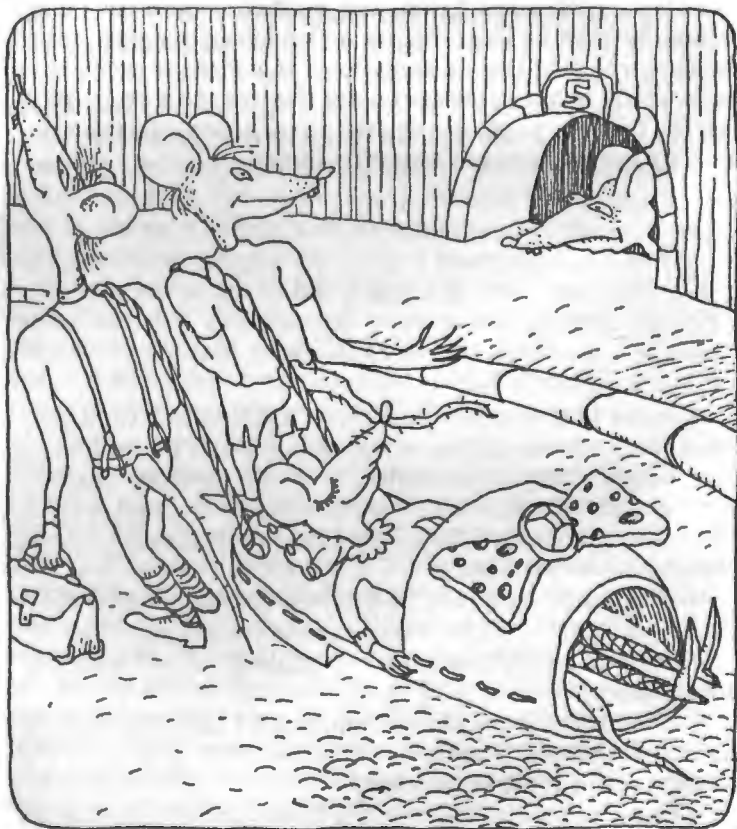
Оба моих братца, Шепоток и Шипунок, сидели рядом

и ломали голову, как лучше доставить меня к доктору Дулиттлу. Наконец они раздобыли где-то старый домашний шлепанец. Было решено, что меня положат в него и потащат по земле.

— Как? В шлепанце до самого Паддлеби? — несказанно удивился доктор Дулиттл. — Неужели так и было?

— Ну конечно, нет, — ответила гостиничная крыса. — Жившие по соседству крысы узнали о постигшем меня несчастье и предложили нам свою помощь и совет. Весь вечер они рыскали по окрестностям и выяснили, что в соседнем дворе стоит телега, нагруженная капустой. Сле-

дующим утром телега должна была отправиться в Паддлеби. По плану, надо было дотащить меня в шлепанце до телеги, спрятать среди капусты, а потом, уже в Паддлеби, спустить на землю и отнести к доктору Дулиттлу.

Все было готово, я уже лежала в шлепанце, когда у входа в нору появилась Косушка. Она чуть ли не скрипела зубами от ярости.

— Тебе пока нельзя выходить отсюда, — шепнула она. — Распроклятые кошки — чтоб им пусто было! — вернулись и подстерегают нас у выхода. А вы такие беспечные, что даже не позаботились о запасном выходе. Я сама едва не попала кошкам в лапы, и теперь мы оказались в ловушке. Эх, выбраться бы мне на свободу!

Нам не оставалось ничего другого, как ждать. Мне становилось все хуже, начался жар. А Косушка доводила меня до отчаяния тем, что без умолку повторяла:

— Твоя нора не крепость, а могила. К чему она тебе теперь? Нам надо выбраться из нее, а мы не можем этого сделать. Надо полагаться только на собственный ум и собственные силы.

— Да замолчи же ты, наконец! — не сдержалась я. — Что толку теперь от твоих поучений! У меня шумит в голове, и все тело ломит от боли. Дай мне попить. Там в уголке стоит наперсток с водой.

Несмотря на то что Косушка донимала меня своими причитаниями, именно она спасла мне жизнь, хотя сама при этом едва не погибла. Час шел за часом, солнце уже клонилось к закату, а кошки так и сидели у нашей норки и стерегли нас. Мне становилось все хуже и хуже. Я лежала в забытии и бредила.

На какое-то время сознание вернулось ко мне, и я услышала, как Косушка говорила моим братьям:

— Надо решаться. Кошки озлобились и готовы сидеть здесь несколько дней подряд и не двигаться с места, а наша больная так долго не протянет. Если мы немедленно не отвезем ее к доктору Дулиттлу, она умрет. Когда-то она спасла мне жизнь, и теперь настало время отплатить ей добром за добро. Долг платежом красен. По-моему, кошки уже засиделись здесь, пора им побегать и поразмяться.

— Что ты хочешь делать? — удивились мои братья. —

Неужели ты думаешь, что тебе удастся увести кошек за собой? Это самоубийство!

В единственном глазу Косушки блеснуло упрямство.

— Именно это я и сделаю, — сказала она. — Я бегаю быстрее всех окрестных крыс, и если уж мне не повезет, то вам ни на кого больше рассчитывать не придется. Подтащите шлепанец поближе к выходу и будьте готовы уходить из норы. Скоро совсем стемнеет и улицы опустеют. Пусть кошки вволю погоняются за мной, а вы тем временем оттащите больную в тот двор, где стоит телега. Если кошки клонут на мою уловку, я повожу их за собой по всему городу.

— Не забывай, что кошек две, — предостерегали Косушку мои братья.

Но отговорить ее от безумной затеи оказалось невозможным. Братья подтащили шлепанец, в котором я лежала, к самому выходу. Одноглазая, изгнанная из крысиного общества Косушка стала у выхода. Свет уличного фонаря проникал сквозь окошко. Его косой луч освещал изуродованную мордочку верной подруги.

У выхода из норы я видела на полу тени проклятых кошек. Они караулили нас с коварной терпеливостью смертельного врага.

Наступил решительный миг. Я и до того замечала, что Косушку сыром не корми, дай пережить пару-другую приключений. Я не раз видела, как она из легкомыслия рисковала жизнью, рисковала без всякого серьезного повода, так, ради шутки. Думаю, что и в ту минуту она наслаждалась предстоящей опасностью.

Косушка вздрагивала от нетерпения, готовясь к самому отчаянному прыжку в жизни.

Она подобралась, потом распрямилась как пружина. Прыжок — и она исчезла из наших глаз.

Послышался шум, и мы увидели, как две огромные ужасные тени метнулись за ней в погоню.

Сначала не меньше часа Косушка «играла в пятнашки» с двумя взбесившимися от ярости кошками около гостиницы. Она то мчалась стремглав, то резко останавливалась, так что кошки, несущиеся за ней во весь опор, проскакивали мимо. Затем она привела кошек в наш двор, который знала вдоль и поперек. Косушка уже все

обдумала заранее и была готова к любому повороту событий и к любой хитрой уловке кошек.

В нашем дворе был небольшой утиный пруд, а в нем плавало старое березовое полено. Косушка опротивев помчалась к пруду, прыгнула на полено и оттолкнулась от берега. Она стояла на полене посреди пруда и дразнила кошек. Она показывала им язык! Одна из кошек подобралась и прыгнула. Кошки прыгают очень хорошо, вот и эта опустилась точно на полено, но под ее тяжестью полено встало торчком, и кошка очутилась в воде. Косушка тем временем перемахнула над ее головой на берег.

Купание отбило кошке всякую охоту гоняться за неуловимой крысой, и она ушла к печке сушиться.

Вторая кошка поняла, что с наскоку с такой хитрой крысой не справиться, и стала вести себя осмотрительней. Она не отставала от Косушки ни на шаг, а крысе только того и надо было. И когда Косушка была уже на волосок от острых кошачьих когтей, она шмыгнула в щель между камней, из которых была сложена стена конюшни. Пока Косушка переводила дух, кошка караулила ее у выхода. Она нежно мурлыкала, но это только со стороны кажется, что кошки нежно мурлычут, на самом деле они так ругают мышей и крыс на чем свет стоит.

Кошка долго сидела и ждала. Наконец ей это надоело, и она уже хотела было оставить в покое Косушку и вернуться к выходу из нашей норы, но в ту же минуту косушка, словно угадав ее мысли, неожиданно выпрыгнула из щели и бросилась наутек. Кошка — за ней.

Так они и носились по всему городу, по подвалам, по крышам, по камням, по стенам. Косушка даже взобралась на дерево. Как известно, кошки превосходно лазают по деревьям, и там, среди ветвей, беглянке уже, казалось, некуда было деться, и тогда Косушка прыгнула, а вернее, слетела, как птица, на бельевую веревку, пробежалась по ней, как заправский канатоходец, соскользнула на землю и снова показала кошке язык.

Тем временем Шепоток и Шипунок волокли меня в шлепанце вниз по улице. Я знаю, что можно путешествовать пешком, верхом, в карете, на поезде, на корабле — да мало ли способов передвижения есть на свете! — но нет ничего ужаснее, чем путешествовать в старом шлепанце

по старой выщербленной мостовой. Несколько раз мои братцы едва не уронили меня в сточную канаву.

Наконец мы добрались до двора, где стояла телега с капустой. Братья втащили меня наверх и прикрыли капустными листьями.

На рассвете телега тронулась в путь. Боже, как тяжело мне далась дорога до Паддлеби. Колеса скрипели, телега подпрыгивала на ухабах, кочаны капусты перекатывались с места на место и грозили раздавить меня.

Но мне снова повезло: телега остановилась прямо на Воловьевой улице, и я скатилась на мостовую у самого дома доктора Дулиттла. И вовремя! Еще бы полчаса, и ни один доктор уже не смог бы мне помочь.

Вот так мне не дала умереть Косушка, та самая Косушка, которую отвергло крысиное общество. Мой брат Шипунок возвратился в нашу нору и поджидал там Косушку. Всю ночь он дрожал от страха за ее жизнь, но к утру Косушка вернулась целая и невредимая. Она вошла в нору с независимым видом и с соломинкой в зубах, словно не играла всю ночь в пятнашки со смертью, а прогуливалась за городом.

Теперь, когда вся история давно закончилась, я тоже думаю, что Косушка была права — рассчитывать можно только на себя.

Глава 15

ВУЛКАНИЧЕСКАЯ КРЫСА

Как это обычно бывает и среди людей, после рассказа гостиничной крысы послышались возгласы: «А со мной тоже был похожий случай!» Всем сразу же захотелось рассказать свою историю.

— Послушайте меня! — пищали одни.

— Нет, меня! — перекрикивали их другие.

Белая мышь попыталась вмешаться, но ее писк потонул в гуле голосов. И тогда заговорил доктор Дулиттл. Из уважения к великому человеку крысы и мыши сразу же смолкли.

— Я бы с удовольствием выслушал все ваши истории, — сказал доктор, — но уже поздно, и нам пора возвращаться домой. Давайте отложим их до следующего раза.

— А следующий раз будет завтра, — поспешила пискнуть белая мышь. — Непременно приходите. Мы собираемся здесь каждый вечер. Послушайте, господин доктор, мне сейчас пришла в голову мысль: а что, если нам собрать все рассказанные здесь истории и издать книгу «Достоверные и невыдуманные рассказы из жизни крыс и мышей». Том, ты не откажешься записывать все, что услышишь здесь, а потом издать книгу для нашей библиотеки?

Честно говоря, мне хотелось отказаться, но у меня не хватило сил — у вас тоже их не хватило бы, если бы вы видели, как белая мышь всю старалась показать всем своим друзьям и подругам, что знаменитый доктор Дулиттл и его ассистент Том Стаббинс ни в чем ей не отказывают.

— Ты ведь не откажешься, правда? — повторяла белая мышь.

— Правда, — ответил я и потом не раскаялся в том, что согласился, так как истории были удивительные. Но об этом я расскажу дальше.

Должен признаться честно, мне не хотелось соглашаться на предложение белой мыши не потому, что я был ленив, а потому, что я еще не умел быстро и разборчиво писать на мышином языке. Я боялся, что не справлюсь с делом. Но все обошлось благополучно. Во-первых, рядом со мной был доктор Дулиттл, который время от времени приходил мне на помощь — он-то знал мышиную грамоту намного лучше, чем я. А во-вторых, белая мышь предусмотрительно попросила всех рассказчиков говорить помедленнее, а не тараторить как обычно.

Следующим вечером мы с доктором Дулиттлом снова нырнули в подземный ход и снова оказались в зале собраний мышиного клуба. Как только мы устроились у стены и я приготовил перья и бумагу, с места встала крыса, которая сразу показалась мне иностранкой.

Вас, наверное, удивит, что я догадался об этом. Люди обычно угадывают иностранцев по их одежде, по мане-

рам, по разговору. Так же и я заметил, что вставшая с места крыса отличается от наших, английских. Я даже сумел определить, что она родом из Италии. У нее был привычный серый мех, но ее черные глаза блестели слишком ярко, сама она была гибкая и грациозная, хотя уже и не молодая. Да и держалась она намного увереннее, чем наши, английские. Я давно уже заметил, что иностранцы в чужой стране ведут себя намного увереннее, чем те, кто там родился и вырос и должен бы чувствовать себя хозяином.

— Меня зовут вулканической крысой, — представилась она. — А все потому, что когда-то я жила на настоящем вулкане. Вчера наш досточтимый председатель клуба говорил о необычайном расцвете крыс и мышей, о нашей исключительности и о нашем уме. Прекрасные и совершенно справедливые слова. В подтверждение тому мне хотелось бы рассказать вам одну историю.

Много лет тому назад я жила на острове Сицилия у подножия вулкана. Честно говоря, я тогда еще не знала, что значит «вулкан». Для меня это была самая обычная гора, разве что от остальных она отличалась тем, что на ее вершине была огромная дыра.

Наше семейство жило в небольшом городке у подножия вулкана. Я в то время была молода и любопытна, поэтому часто отправлялась на прогулку по окрестностям и частенько взбиралась на гору-вулкан. Мне нравилось бродить там среди огромных, похожих на грибы, камней. А когда я заглядывала в бездонную пропасть на вершине, у меня сладко замирало сердце от глухих, рокочущих звуков, идущих из глубины земли.

После этих слов крыса на минутку умолкла, словно вспоминая, как у нее сладко замирало сердце, а я тем временем сменил перо и удивился тому, как красиво она говорила. Вот что значит иностранка!

— Однажды я попала на вершину вулкана не по своей воле, — продолжала вулканическая крыса. — За мной погнались собаки, и мне пришлось убегать от них без оглядки. Когда я опомнилась от испуга и отдышалась, оказалось, что я стою на краю дыры. Уже смеркалось. Спускаться вниз, в город, было опасно, потому что в виноградниках и оливковых рощах у подножия горы всегда

рыскали кошки и собаки, а в темноте у меня не было никакой надежды уйти от них.

Что мне оставалось делать? Я нашла щель среди камней, забилась туда и заночевала. Всю ночь мне не давали покоя странные стонущие звуки, доносившиеся из кратера. Я проснулась с больной головой, вышла на свежий воздух и тут же повстречала старую крысу.

Она была очень любезна — видимо, раньше жила в большом городе и вращалась в изысканном обществе. Мы с ней быстро подружились. Старая крыса — ее звали Микки — пригласила меня погостить у нее, и я охотно согласилась. Она показала мне весь вулкан, гроты, горячие подземные озера, расщелины, из которых клубился пар.

— А где же ты добываешь еду? — спросила я.

Микки смутилась, а затем ответила:

— Немного ниже на склонах растут дубы. Каждую осень я спускаюсь туда и собираю желуди, складываю их в глубокую расщелину, а потом всю зиму ем их. Другой пищи здесь нет. Зато есть несколько удивительно чистых ручьев. А если мне становится холодно, я могу принять теплую ванну в горячем озере.

— Фи, желуди! — брезгливо поморщилась я. — Их едят только свиньи и белки. А кроме того, ты сама собираешь себе запасы на зиму. Крысам стыдно так поступать. Они пользуются трудами людей.

Тогда я еще не знала, насколько была не права.

— Что же делать, — ответила мне Микки. — Я уже стара и не могу бегать так быстро, как раньше. Живи я в городе, меня бы уже давно поймала собака или кошка. А здесь, на вулкане, мне ничто не грозит. Собаки и кошки суеверны, когда они слышат, как ворчит кратер, они думают, что там, внутри горы, живет злой дух. Поэтому здесь они никогда не показываются.

Я гостила у крысы-отшельницы несколько дней. Жизнь в тихом уединении показалась мне приятной переменной после городской суеты. Время от времени гора ворчала громче, и тогда старая крыса спускалась в глубокую расщелину и прислушивалась.

— Чего ты ждешь? — спросила я ее.

Микки снова смутилась, она боялась, что я стану насмехаться над ней. Но в конце концов призналась:

— Я боюсь извержения.

Я расхохоталась.

— Кошки и собаки боятся злого духа, а ты боишься извержения? Ты хоть знаешь, что это такое? Кто-нибудь видел его?

— Я сама не видела, — ответила мне Микки, — но хорошо помню, что мне рассказывали родители. Иногда вулкан начинает выбрасывать огонь, пепел и горячие камни. Это и называется извержением. Этот вулкан молчит уже много лет, вот я и боюсь, что он со дня на день заговорит. Ты можешь смеяться надо мной, но я сумею сказать, когда эта гора начнет плевать огнем.

Я решила, что старая крыса совсем выжила из ума, и следующим утром распрощалась с ней и вернулась в город.

Жизнь в городе была намного веселее. Но вскоре она стала еще намного опаснее. До сих пор мы прекрасно справлялись с низкорослыми и ленивыми местными котами, и вдруг люди завезли на остров крупных, мохнатых северных котов, свирепых и кровожадных. Даже собаки обходили их стороной, а уж нам-то и вовсе житья не стало. Похоже, люди решили окончательно выжить нас из города, и, признаюсь, им это удалось.

Вся моя семья погибла в когтях ужасных кошек. Как-то ночью все уцелевшие крысы собрались на совет в подвале, чтобы решить, как быть дальше. Кто-то предлагал объединиться и сообща напасть на кошек, кто-то — рыть норы поглубже и пореже выходить на свет божий. И то и другое было чужью.

Вдруг я вспомнила о Микки, о престарелой крысе, которая преспокойно проживала в расщелине вулкана. И я сказала крысам:

— Я поведу вас на вершину вулкана! Там не будет ни собак, ни кошек, там вы будете спокойно жить и плодиться и ничто вам не будет угрожать.

Старики закричали:

— Не верьте молодым выскочкам!

— Ты хочешь, чтобы мы стали народом-изгоем!

Но я ответила им:

— Если мы не станем народом-изгоем, мы станем мертвым народом.

Я убедила их, и к рассвету все крысы, еще оставшиеся в живых, собрались на окраине города.

Глава 16

ПОДЗЕМНЫЙ ГОЛОС

На следующий день начался великий исход. Тысячи крыс покинули город и узкими тропинками потянулись к вулкану.

Старушка Микки увидела нас с высоты и окончательно тронулась умом. Когда я во главе первого отряда крыс поднялась к ней, она встретила меня, стоя на огромном валуне, с поднятой вверх правой лапой.

— Блаженны будьте, подземные голоса, указавшие моему народу путь к спасению.

Я не стала с ней спорить, потому что знала, что путь к спасению указала я.

Стояла ранняя осень, и я повела моих сородичей в дубовую рощу, чтобы набрать желудей на зиму. Желуди уродились на славу, одни из нас таскали их к вершине, другие рыли в рыхлой земле норы и кладовые. Не обошлось без ропота — ведь мы привыкли жить на всем готовом. Однако я дала крысам главное — безопасность. Наверное, поэтому меня избрали вождем.

Зиму мы прожили сытно и мирно. Но к весне появилось молодое поколение, которое, как всегда, посчитало себя умнее родителей.

— Сытая жизнь превращает нас в свиней, — говорили они.

— Пусть белки собирают желуди. Мы, крысы, выше этого.

— Человек был создан, чтобы кормить нас. Мы пойдем в город и завоюем его!

— Наши норы будут устланы шелком и мехом.

— Пусть при штурме погибнут тысячи, но выжившие десятки будут жить в роскоши.

Глупцы! Они надеялись, что войдут в число того де-

сятка! Эти молодые еще не видели мохнатых северных котов.

Однако им удалось взбунтовать толпу. Моя жизнь оказалась под угрозой, следовало выступить с речью и попытаться склонить племя на свою сторону.

Когда все собрались на пологом склоне горы, я сказала:

— Сегодня наша жизнь ничем не отличается от жизни первого хлебороба после потопа, и только плохие сыновья в то время роптали на праотцев, хорошие трудились и воздвигали города. Намного, намного позже соблазнили нас люди вольготной жизнью в своих кладовых. Я вернула вас от разврата лени к здоровой жизни на природе. Но вам это пришлось не по душе, вы затосковали по неволе в жилищах людей, где на вас охотятся, где вас проклинают. Вы хотите нежиться в безделье и скрываться от возмездия. Ну что же, возвращайтесь туда! Но как только вы сделаете первый шаг, никогда больше не просите меня стать вашим вождем. Я никогда больше не приду вам на помощь!

Не успела я договорить, как все наше племя одобрительно зашумело. Моя все-таки взяла, потому что еще слишком многие помнили огромные когти и зубастые пасти свирепых котов. И тут я заметила, что ко мне бежит выжившая из ума Микки. Она подошла сзади и шепнула:

— Подземный голос заговорил! Бегите, спасайтесь! Скоро гора выплюнет огонь! Спешите!

И тут я поняла, что судьба играет мне на руку. Я закричала:

— Кто хочет погибнуть, пусть остается! Кто хочет спастись, пусть идет за мной!

И все крысы, как одна, встрепенулись и закричали:

— Веди нас, и мы пойдем за тобой! Ты наш вождь до скончания века!

Нельзя было терять ни мгновения. С одной стороны, я не знала, когда в самом деле начнется извержение, которое я до тех пор считала суеверием. С другой стороны, в любую минуту моим племенем могла овладеть паника и тысячи крыс ринулись бы искать в долине убежища, совершенно не зная ни кошек, ни людей! И в первом и во втором случае им грозила бы гибель.

В минуту опасности все мои сородичи сплотились вокруг меня. Они выстроились колоннами, а во главе их встали предводители родов.

— Мы верим тебе, — сказали они мне, — выведи нас отсюда, и мы — твои рабы навек.

Но мне рабы-крысы были не нужны. Скажу честно, если бы мне удалось заполучить рабов-людей, это было бы другое дело. Не обижайтесь, господин Дулиттл, и ты, Том Стаббинс, дело в том, что мое племя издавна привыкло жить за счет людей. А в ту минуту я вообще не думала о рабах, я думала только о том, как спастись. Я побежала, а за мной устремились все остальные крысы.

Когда я вела своих сородичей к вулкану, их было несколько тысяч. Теперь их было несколько десятков тысяч. Мы бежали в долину, где находился город, который полгода назад изгнал нас. Шесть молодых крыс несли Микки, которая сама не могла быстро бежать.

Когда мы пересекли долину и взобрались на вершину холма, я разрешила моему племени остановиться на отдых. И в ту же минуту раздался ужасающий грохот — началось извержение. Я взглянула на вершину вулкана — он взорвался языками пламени и выбросил в черное небо раскаленные каменные глыбы.

Гора в неудержимой злобе извергала смерть, потоки огня неслись по склонам и пожирали все на своем пути. Даже до холма, где мы стояли, долетал дождь из пепла.

К утру следующего дня гора утихла и перестала извергать огонь, лишь столб дыма рвался к небу из ее вершины. Деревни и город у подножия вулкана исчезли — они лежали под толстым слоем пепла.

Теперь моему племени пришлось стать лесными крысами. Мы жили в норах, вырытых под деревьями, питались орехами и желудями. Но так уж устроена жизнь — нам снова пришлось двинуться в путь. На этот раз виной тому стали ласки, которые вдруг расплодились в нашем лесу.

Старая отшельница Микки уверяла меня, что теперь вулкан проснется не раньше, чем через пятьдесят лет. Она оказалась права, когда предсказывала извержение, и я решила, что и на этот раз она не ошибается. Я отправилась в долину.

Боже, что мне довелось увидеть! Там, где раньше на солнечных склонах были виноградники, оливковые и финиковые сады, лежала пустыня, покрытая пеплом. Я дошла до того места, где когда-то стоял город, нашла щель и попыталась вырыть там нору. К моей радости, мне это удалось. Сверху спекшийся пепел был тверже камня, но внизу он легко поддавался моим лапкам. Работа продвигалась быстро, и скоро я проникла на улицу города.

Умерший город стоял под землей и был готов принять жителей.

«Сюда, — подумала я, — вернется мой народ. Когда-то город изгнал нас, теперь он приютит нас. Это будет первый в мире город крыс».

Глава 17

СВОБОДНЫЙ ГОРОД СВОБОДНЫХ КРЫС

Белая мышь заметила, что у вулканической крысы появилась хрипотца в голосе, она кивком головы подозвала официанта и попросила его принести воды.

Вулканическая крыса благодарно поклонилась, отпила из желудевой чашечки и продолжила свой рассказ:

— Итак, настало время моему племени двинуться в путь в третий раз. Многие крысы, узнав об этом, стали роптать. Раньше они роптали из-за того, что я увела их из города, теперь они роптали потому, что я хотела привести их в город.

— Выслушайте меня, — сказала я. — Два года тому назад вы не хотели жить как белки и питаться желудями и орехами. Сегодня я отведу вас туда, где наше племя расцветет, где мы получим то, о чем никогда и не мечтали.

В третий раз под покровом ночи я повела свой народ через долину к подножию вулкана. Мы проникли в подземный город и заняли его как свою собственность. Целый месяц мы рыли ходы, освобождали от пепла улицы,

площади, дома. Сверху город был надежно прикрыт сло-
ем окаменевшего пепла, но внизу кипела жизнь.

Мы были хозяевами всего, что раньше принадлежало
людям. Мы спали на пуховых перинах, мы мылись в
мраморных ваннах, построенных еще древними римля-
нами. В домах нашлись запасы одеколона, духов, кремов,
наши дамы завивались и делали маникюр. Вечерами па-
ры гуляли по главной улице. Со всех сторон нас окружала
красота.

Некоторое время спустя о нашем вольном городе уз-
нали другие крысы, и к нам потянулся поток туристов. А
мы все прихорашивали и перестраивали город, чтобы он
больше подходил для жизни крыс.

Как-то утром я сидела с нашим архитектором и об-
суждала с ним, как лучше укрепить крышу над главной
площадью. Вдруг прибежал мой камердинер. Он возбуж-
денно размахивал щипцами для завивки усов и кричал:

— О повелительница! Твой народ в опасности! В горо-
де появились люди! Они ломают крышу над главной
площадью!

Я помчалась на главную площадь. Там творилось не-
что невообразимое. Наверху стояли люди и били ломами
и лопатами в крышу, скрывавшую наш город от постор-
онних глаз. Они вернулись, чтобы отнять у нас свой го-
род и снова поселиться в нем.

Молодежь не хотела смириться и объявила запись
добровольцев в Армию Спасения Отечества. К утру в ее
рядах уже было несколько десятков тысяч готовых на все
крыс. Офицеры Армии пришли ко мне. Они говорили:

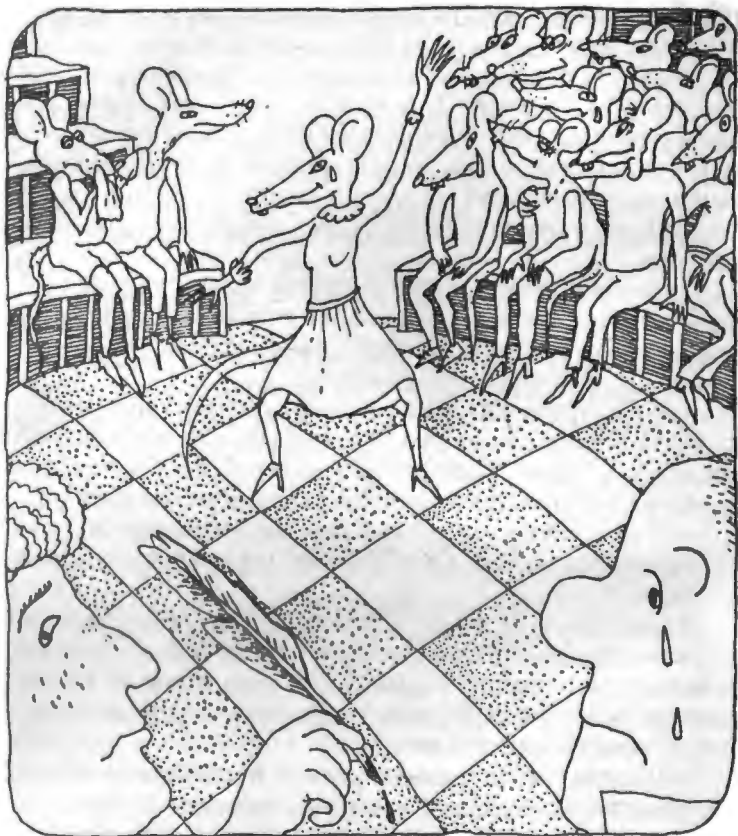
— Мы не уступим людям наших ценностей!

— Мы не сдадимся без боя!

— Их всего несколько человек, мы сомнем их одним
решительным ударом.

— Нет, — ответила им я. — До того как стать нашим,
город принадлежал людям. Возможно, вам удастся на
время отогнать людей, но они вернуться сюда с кошками,
собаками и капканами. Они истребят нас. Нам не остает-
ся ничего другого, как снова двинуться в путь и поды-
скать себе новую родину.

Но Армия Спасения Отечества не слушала меня и
рвалась в бой. Мне с трудом удалось уговорить их подо-

ждать хотя бы до следующего утра. Тем временем я бесцельно бродила по городу. На глаза навертывались слезы.

И вдруг я увидела, что люди уже в городе. Они стояли на улице и удивленно разглядывали мой памятник. Этот памятник поставили мне за то, что я первой в нашей истории основала свободный город свободных крыс. Правда, мне он не особенно нравился — скульптор вылепил меня слишком толстой.

Люди удивленно рассматривали мой памятник, а затем один из них поднял лопату, размахнулся и...

Я не стала смотреть дальше. Я вернулась домой, поти-

хоньку собрала все самое необходимое и покинула город. Вот так из предводителя могущественного крысиного племени я стала обычной бродягой.

Глава 18

МУЗЕЙНАЯ МЫШЬ

Вулканическая крыса умолкла, и в зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как поскрипывает мое перо. Я закончил записывать ее рассказ, поставил точку и поднял голову. У мышей и крыс, сидящих в зале, в глазах стояли слезы. Повелительница некогда великого племени, отправившаяся в добровольное изгнание, потрясла их воображение.

Белая мышь смахнула лапкой слезу, поднялась со своего кресла и сказала:

— Благодарю тебя, вулканическая крыса, твой рассказ займет достойное место в нашей книге. Напоминаю, что завтра в нашем клубе выступит со своим рассказом музейная мышь.

Было уже поздно, поэтому собрание объявили закрытым и все разошлись по норкам. Мы с доктором Дулиттлом тоже отправились домой.

Следующим вечером, хотя забот у нас хватало, Джон Дулиттл и я снова сидели в мышинном клубе. Музейная мышь слыла очень умной и образованной — еще бы, она почти всю жизнь провела в музее. Вот она встала, вышла вперед, и я наконец смог ее хорошенько рассмотреть. Вернее, не ее, а его, так как это был сухонький мышиный старичок, чем-то похожий на профессора. У него была небольшая голова, длинный острый носик, черные и блестящие, как бусинки, глазки, глядевшие на мир с озорной веселостью.

— Меня зовут Тотти, — начал он свой рассказ. — Вы спросите, откуда у мыши такое странное имя? Спешу удовлетворить ваше любопытство. — Тотти выражался зитиевато, как и подобает профессору. — Мои родители

жили в музее естественной истории, и я сам там родился и вырос. Наше гнездо находилось на книжной полке позади толстых томов, переплетенных в телячью кожу. На их корешках было написано «АРИСТОТЕЛЬ». Люди часто повторяли это слово, и моим родителям оно так понравилось, что они и меня называли Аристотелем, а сокращенно — Тотти. Я до сих пор не знаю, что означает это слово, но имя мне нравится.

Когда я подрос, то познакомился с очень милой и веселой мышкой по имени Саспарилла. Мы решили пожениться, и я повел ее в родной музей, чтобы выбрать там место для нашего гнездышка.

Мы долго бродили по огромным пустым залам, где стояли чучела птиц, скелеты невиданных чудовищ и стеклянные ящики с непонятно зачем выставленными камнями.

— Все это не годится, милый, — говорила мне Саспарилла. — Здесь везде гуляют сквозняки, наши будущие крошки простудятся и заболеют.

— Я знаю, где мы поселимся, — ответил я. — Иди за мной, дорогая.

И я привел ее в большую комнату в подвале. Это была мастерская, где изготавливали чучела птиц. Хозяиничал там профессор Фусс, Джереми Фусс, превредный старикашка, который боялся, что мыши испортят его драгоценные чучела, и потому постоянно сыпал их каким-то ядовитым снадобьем. Там же лежали слоновьи бивни, диковинные растения, засушенные бабочки, заспиртованные змеи и лягушки.

Жизнь в музее имеет свои преимущества. Как только музей закрывался, он весь оказывался в нашем распоряжении, а главное — там не было кошек. Мы никого не боялись и чувствовали себя там как дома. Да это и был наш дом.

У профессора Фусса на полках лежала коллекция птичьих гнезд, некоторые из них привезли в музей даже вместе с ветками, на которых они были свиты. На эти гнезда никто не обращал внимания, и мы, не ожидая ничего плохого, поселились в одном из них. Это было гнездо трехпалой птицы джи-джи из Индии. Удобнее жилища и представить себе нельзя — круглое как шар, с очень узким входом, куда могла прошмыгнуть только мышь.

Саспарилла пришла в восторг от гнезда джи-джи. На верстаке у стены лежала куча лоскутков — профессор Фусс набивал ими чучела. Мы с женой перерыли ее всю и нашли несколько обрывков шелка, которыми и устлали наше гнездо.

Много дней мы прожили спокойно и счастливо в нашем новом доме. Когда в мастерскую заходили люди, мы вели себя очень тихо, хотя иногда это было очень нелегко. Ну разве можно было удержаться от смеха, когда профессор Фусс делал чучела птиц из рук вон плохо и обычная серая ворона у него получалась похожей на гуся. А он еще подзывал учеников и подмастерьев, показывал им свою работу и самолюбиво слушал их похвалы:

— Ах, господин профессор! Она у вас как живая. Так и кажется, сейчас вспорхнет и улетит.

Вскоре у нас появились дети, и хлопот прибавилось. В музеях нет ничего съестного, и мне приходилось покидать дом, выбираться на улицу и добывать пищу. Это не всегда приятно, особенно в ненастную погоду. Но что было делать? Наши миленькие крошки постоянно хотели есть.

Однажды я вернулся домой на рассвете, мы накормили детей, и я лег спать, а Саспарилла отправилась на поиски обеда. Сытые дети тоже уснули.

Разбудило меня солнце, и я удивился — оно никогда не заглядывало в наше гнездо. Я протер глаза и осторожно выглянул наружу.

Мы пали жертвой собственной беспечности и человеческого коварства. Пока я спал, а Саспарилла добывала еду, профессор Джереми Фусс разложил коллекцию гнезд в большом стеклянном шкафу в одном из музейных залов. Его коллекция так долго пылилась на полке, что мы утратили осторожность. Теперь наш дом выставили на показ, для всеобщего обозрения, и — самое ужасное — закрыли в стеклянном шкафу.

«Чтоб тебе пусто было, — мысленно ругал я профессора Фусса. — Ну что тебе вздумалось выставлять гнезда, которые нужны только мышам и птицам».

А профессор Джереми Фусс стоял рядом со стеклянным шкафом, показывал пальцем на наш дом и что-то объяснял толстой женщине с двумя детьми.

ПРОФЕССОРУ ФУССУ НЕ ВЕЗЕТ

Можете себе представить, — продолжал Тотти, — какое отчаяние меня охватило. Я вместе со своими детьми оказался в западне, в огромной стеклянной мышеловке! Я боялся и нос высунуть из гнезда, хотя профессор Фусс и смешная толстуха с ребятами уже ушли. Но ведь в любую минуту могли появиться другие посетители или служители музея. Я уже мысленно видел, как какой-нибудь не в меру любопытный посетитель заглядывает в гнездо, замечает моих малышей и поднимает шум: «Мыши! Мыши!» На его крики прибегают служители во главе с профессором Фуссом и бросаются ловить нас.

И все же отчаиваться не стоило, следовало искать выход. Я осторожно осмотрелся. Наше гнездо лежало на средней полке, выше профессор Фусс расположил гнезда чаек и других морских птиц, ниже — чучело утки. Посетителей в зале почти не было, музейный сторож тоже куда-то ушел. И тут я увидел мою Саспариллу. Она бежала вдоль стены и со смертельным испугом оглядывалась по сторонам. Бедняжка вернулась в мастерскую, не нашла гнезда на полке и бросилась нас искать.

Я пискнул ей сквозь стекло. Саспарилла услышала, остановилась, увидела меня и облегченно вздохнула. Но тут же она насупила брови и грозно спросила:

— Что ты там делаешь, Тотти? Зачем тебе понадобилось залезать туда самому, да еще тащить за собой детей?

— Это не я, а профессор Фусс, — пытался оправдаться я.

Но Саспарилла не слушала меня и продолжала:

— Немедленно вылезай оттуда!

— Как? — крикнул я в ответ. — Я же не могу прогрызть дыру в стекле! Мне оно не по зубам.

— Но ведь пора кормить детей! — не успокаивалась моя жена. — Время завтрака давно прошло!

— О каком завтраке ты говоришь? — рассердился на нее я. — Сейчас надо думать не о еде, а о том, как отсюда выбраться. Придется нам попоститься до вечера, пока

музей не закроют. Уходи и не показывайся людям на глаза, а не то они и до нас доберутся.

Женщины, будь то мыши, крысы, собаки или люди, — существа безрассудные. Так и Саспарилла металась вокруг стеклянного шкафа и стенала, вздыхала, лила слезы и всплескивала лапками. Она была не в состоянии понять то, что я говорил.

— На полке ниже вас стоит утка, — лепетала она, как безумная, — оторви у нее крылышко и накорми им детей.

— Ты не в своем уме, дорогая! — ужаснулся я. — Разве ты забыла, что профессор Фусс посыпает свои чучела ядом? Ничего с нашими детьми до вечера не случится.

Наверное, Саспарилла спорила бы со мной до самого вечера, но меня неожиданно выручил сторож. Он вошел в зал, и Саспарилле пришлось бежать.

Но хлопот от этого у меня не убавилось. Не получившие ни завтрака, ни обеда детишки стали беспокойными, как кузнечики. Они сустились, пищали, так и норовили вылезти из гнезда.

И все время спрашивали:

— Где наша мама?

— Почему она не идет к нам?

— Мы проголодались.

— Мы хотим к маме.

— Пойдем искать маму!

Они довели меня до изнеможения, и я бы с удовольствием поколотил их, если бы не боялся, что от этого они расшумятся еще больше. То и дело мне приходилось хватать кого-нибудь из них за загривок и оттаскивать от выхода в дальний угол гнезда. Несмышлелыши не понимали, в какую пренеприятную историю мы влипли и чем это им грозит. Им было все равно, что посетители расхаживают по залу и рассматривают полку с птичьими гнездами, где лежал и наш дом, — им хотелось к маме.

Как же я был счастлив, когда наконец увидел, что сторож закрывает зал. Но он сразу не ушел. Для начала он осмотрел внимательно все углы — говорят, люди боятся, что кто-нибудь подбросит в музей бомбу и она взорвется. Не знаю, справедливы или нет человеческие страхи перед бомбой, — я ее никогда в глаза не видел, — но все же думаю, что кошки страшнее. Убедившись, что бомбы в зале

нет, сторож присел возле чучела слона и, словно насмежаясь над нами, принялся неторопливо жевать булочку с сыром.

Я смотрел на него, у меня текли слюнки и урчало в животе. Сторож съел одну булочку, задумчиво посмотрел на вторую и вышел из зала. Тут же появилась Саспарилла, ухватила булочку и затащила ее под шкаф, где сидел я с детьми.

— Наконец-то мы накормим детей! — воскликнула она. — Выбирайтесь оттуда, пока сторож не вернулся!

Легко сказать — выбирайтесь! Но как? Я обежал весь шкаф вдоль и поперек, проверил все стены, но не сумел обнаружить даже малейшей щелочки. Наконец я взобрался на верхнюю полку. Там профессор Фусс разместил гнезда морских птиц, а чтобы они выглядели естественнее, положил вокруг них камни. Не знаю, было ли это похоже на скалистый морской берег, но камни там оказались очень кстати.

«Если я не могу прогрызть стекло, то почему бы не попробовать разбить его камнем», — подумал я.

Я перенес детей на верхнюю полку, чтобы падающий камень или осколки стекла не дай Бог не ранили их, затем сказал Саспарилле:

— Сейчас я разобью стекло, спрячусь поблизости, а потом помоги мне отнести детей. Мне с ними одному не справиться.

— Будь осторожен! — крикнула она мне в ответ. — Битое стекло такое острое!

Я выбрал самый большой камень и медленно, с трудом покатиł его к краю полки. Дети с любопытством смотрели на меня. И тут раздался вопль Саспариллы:

— Прячьтесь! Сторож идет!

Наши несмышлениши испугались ее крика и заматались среди птичьих гнезд. Пока я ловил одного и прятал его, другие разбежались и с писком носились по полкам. От некогда красивых гнезд осталась только беспорядочная гора прутьев.

Нас спасло то, что сторож был подслеповат. Уже темно, и он ничего и не заметил. Наконец сторож ушел.

Я снова навалился на камень, он качнулся и полетел вниз. Камень упал на чучело утки, отскочил от него, как мяч, и с силой ударил в стекло.

Ба-бах!

Во все стороны полетели осколки битого стекла, дети перепугались еще больше, чем от крика Саспариллы, и, хотя жена пришла мне на помощь, мы долго не могли их поймать. Пока мы гонялись за ними, на грохот и звон стекла прибежал сторож.

— Бомба! Взорвалась бомба! — завопил он во всю глотку. — Караул! Полиция! Пожарные!

О том, чтобы выбираться из шкафа у него на глазах, не могло быть и речи. Я сказал Саспарилле:

— Придется нам переждать, пока не уляжется суматоха.

Как ни странно, Саспариллу это ничуть не испугало. Она думала только о том, чтобы накормить детей. Втащить украденную у сторожа булочку с сыром через дыру в стекле было делом одной минуты; а еще через минуту наши дети сидели в дальнем углу шкафа и грызли сыр.

А тем временем в зал прибежал полицейский, за ним — шестеро пожарных со шлангом.

— Где горит? Что горит? — спрашивали они и изумленно оглядывались.

Прибежала даже жена ночного сторожа с бинтами и пузырьком йода.

Все они столпились у разбитого стекла.

— А где же бомба? — спрашивал полицейский.

— Она взорвалась, — отвечал сторож. — Иначе откуда бы взялось разбитое стекло?

— А где же огонь? — спрашивали пожарные. — Когда взрывается бомба, начинается пожар.

— Откуда мне знать? — оправдывался сторож. — Может быть, это была особая бомба.

— Конечно, это была бомба, — поддержал сторожа полицейский. — И очень мощная. Вы только посмотрите: на полках все от взрыва смешалось, а чучело утки и вовсе раздавило в лепешку.

К счастью, дети увлеченно жевали, не обращая внимания на людей, и вели себя тихо. А сторож вытащил из постели профессора Джереми Фусса, и тот, как был в ночном колпаке, так и прибежал в зал. Он едва не разрыдался, когда увидел, что случилось с его выставкой птичьих гнезд. Профессора совсем не радовало, что музей не сгорел, он охал и причитал:

— Как же мне не везет! Это все враги и недоброжелатели. Это они подложили мне бомбу! Подлые завистники! Лучше бы они взорвали чучело слона. Ну ничего, не так-то просто запугать Джереми Фусса! Я сейчас же наведу порядок и вставлю новое стекло.

У меня от его слов упало сердце. Как? Он сейчас примется чинить гнезда, которые сломали мои сорванцы, а затем вставит новое стекло! Все мои старания пошли прахом. Нам не удалось выбраться из стеклянной тюрьмы!

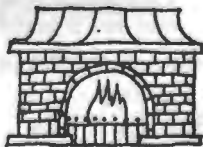
Но тут вмешался полицейский. Он важно сказал:

— Не прикасайтесь ни к чему, профессор. А что, если это заговор не против вас, а против государства? Я завтра утром вызову начальство, пусть оно посмотрит все как есть. Ведь наш музей — ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ! А ты, — ткнул полицейский пальцем в сторону, — сиди здесь всю ночь и ни на минуту не отлучайся.

Пожарные, полицейский, профессор Фусс отправились восвояси. Сторож походил вокруг разбитого шкафа, поцокал языком, потом опасливо оглянулся и пробормотал:

— Легко ему было сказать — не отлучайся! А что, если здесь где-то лежит еще одна бомба? Уйду-ка и я отсюда от греха подальше.

И сторож тоже ушел. Мы только того и ждали, перенесли детей сквозь дыру и поспешили вернуться в мастерскую. Пока Саспарилла охала над детишками, я вырыл норку за верстаком и натаскал туда шелковых лоскутков. На том и кончилось наше удивительное приключение, но с тех пор мы никогда не селились в птичьих гнездах, какими бы удобными они ни казались.

ТЮРЕМНАЯ КРЫСА

Каждый вечер в клубе крыс и мышей продолжались заседания, и каждый вечер кто-нибудь рассказывал свою историю. Я старательно записывал их рассказы. Однажды белая мышь, которая бессменно вела заседания, предоставила слово тюремной крысе.

— Погоди минутку, — обратился к ней доктор, — пока ты еще не начала рассказывать, объясни мне, почему ты решила поселиться в тюрьме. Мало кто по собственной воле выбирает себе такое мрачное жилье. Признаюсь честно, мне тоже приходилось бывать в тюрьме, иногда там можно отдохнуть от суеты, но все хорошо в меру. Меня совершенно не тянет жить там постоянно. К тому же тюрьма, на мой взгляд, далеко не лучшее изобретение человека.

Внешне тюремная крыса ничем не отличалась от своих товарок. Она была такая же серая, с таким же длинным хвостом и черными глазами. Даже говорила она на обычном крысином языке и не ввертывала в свою речь на каждом шагу уголовных словечек.

— Я расскажу вам свою историю, господин доктор, — сказала она, отвешивая поклон Джону Дулиттлу, — и вы поймете, почему я оказалась в тюрьме. Я тоже попала туда не совсем по собственной воле. Сначала я жила в мастерской художника. Меня привлекала веселая и беззаботная жизнь людей искусства. Во-первых, они никогда особенно не следят за порядком в доме, и им безразлично, сколько крыс и мышей живет у них под полом. Во-вторых, они сами себе готовят обеды, завтраки и ужины, а после еды очень редко моют посуду. Поэтому в таких домах всегда есть чем поживиться — от простой хлебной корочки до остатков изысканного соуса на грязной тарелке. А если хорошо поискать, то можно найти даже рыбью голову или куриные косточки.

Какое-то время я кочевала из одной мастерской в другую, пока не осела на чердаке у бородатого и волосатого художника. Он был настоящим чудачком — жил один, и казалось, у него совершенно нет друзей. Только изредка к

нему захаживал такой же бородатый и волосатый философ. Он сразу мне не понравился. В первый же свой визит он долго рассуждал о невесть каких премудростях. Я пыталась понять, о чем он толкует, но такие слова, как «общественный строй», «формация» или... — тут она загнулась и с трудом выдавила по слогам, а я с трудом, тоже по слогам, записал, — «люм-пе-ни-за-ци-я», — были выше моего понимания. «Не доведет это до добра, — думала я. — Чему хорошему может научить человек, который любит такие слова?»

А в один прекрасный день старый философ произнес слово, от которого я вздрогнула и поспешила спрятаться за ведро с углем. Это было слово «кот»!

Я тихо сидела и прислушивалась к разговору.

— Почему бы тебе не завести кота? — спросил философ.

— Ты шутишь? — удивился художник. — Зачем мне кот?

Ответ художника обрадовал меня. «Он славный человек, — подумала я. — Он не любит котов, и я останусь у него навсегда».

— Тогда заведи себе собаку, — настаивал философ. — Нельзя же жить в полном одиночестве.

— Можно, — возразил художник, глядя вдаль. — Мне хорошо и одному.

Но я чувствовала, что ему не так хорошо, как он говорил.

Как-то я отправилась на поиски еды. Разгуливая среди грязных тарелок на столе, я вдруг поскользнулась в луже красного соуса и свалилась в ведро. Ведро, к счастью, было пустое. Выбраться из него было не так уж и сложно, но я при падении вывихнула заднюю лапку. Всю ночь я провела на дне ведра, а когда утром пришел художник, мысленно распрощалась с жизнью.

Художник взял ведро, чтобы принести воды, увидел меня и решительно протянул руку к кочерге. Но вдруг его лицо смягчилось.

— Мы с тобой оба отшельники, — сказал он. — Мы оба чужаемся людей. Зачем же мне тебя убивать? Выметайся из моего ведра, мне надо принести воды и вымыть посуду.

Он наклонил ведро, чтобы я могла выбраться наружу. Вывихнутая лапка нестерпимо болела, и я с трудом доковыляла до норы. Художник задумчиво смотрел мне вслед.

— С тобой приключилось несчастье, — сказал он. — Я помогу тебе, хотя и не рассчитываю, что ты когда-нибудь отплатишь мне тем же. Вот тебе завтрак, — и он бросил мне кусочек сала.

Я с благодарностью приняла его подарок и скрылась в норе.

Несколько дней я отлеживалась, а когда моя лапка поджила, выбралась наружу. Художник не швырнул в меня башмаком, как обычно поступают люди, а заговорил со мной:

— А вот и ты! Я ждал тебя, Макиавелли. Надеюсь, ты не имеешь ничего против, если я буду называть тебя этим именем? А пока подкрепись.

И художник накормил меня корочкой хлеба и остатками мяса.

Он часто разговаривал со мной, и вскоре я уже совершенно перестала его бояться. Он не возражал, когда я свободно разгуливала по его чердаку, садилась рядом с ним и смотрела, как он рисует картины. Иногда он даже приглашал меня пообедать вместе с ним. Он ставил на пол тарелку с едой, а сам садился к столу.

— Макиавелли, — говорил он, — ты замечательный друг. Ты можешь сам позаботиться о себе, и я не беспокоюсь о тебе, когда уйду из мастерской. Ты не ограничиваешь мою свободу, а для меня это очень важно. Спасибо тебе. За твоё здоровье! — При этом он наклонялся ко мне и выпивал стаканчик пива.

Под полом его мастерской жили еще другие крысы, но они сторонились художника. Да оно и понятно — нам трудно довериться человеку.

Однажды я выбралась на прогулку. Стоял прекрасный весенний денек, и я ушла далеко от дома. И вдруг на меня набросилась собака. Это был страшный терьер, из тех, что так ловко ловят нас, крыс. Бежать быстро я не могла — как вы уже заметили, я хромаю с тех пор, как упала в ведро. Поэтому мне пришлось забиться в щель и отсиживать там. Вернулась домой я только через три дня.

И, к моему большому удивлению, не застала там художника. Не появился он и на следующее утро.

Я принялась расспрашивать других крыс.

— Вряд ли он вернется вообще, — ответили они мне. — За ним пришла полиция и арестовала его.

— За что? — изумилась я. — Ведь он ничего плохого не делал!

— Не знаем, — пожали плечами крысы. — Мы только слышали, как полицейские часто повторяли непонятное слово «революция». Нам все равно, будет он здесь жить или нет. Без него нам даже выгоднее.

Ограниченные создания! Они понятия не имели о том, что такое дружба. Но я чувствовала себя несчастной. Я плакала, металась по опустевшей мастерской и не знала, что делать.

Следующим утром я вышла из норы и долго стояла перед его картинами. Они мне нравились. Думаю, он был настоящим художником. Я вспомнила, как часто он повторял, что я — всего лишь неразумное, хотя и хорошее, существо, что мне не будет жаль, если он вдруг исчезнет навсегда, что только люди способны тосковать.

И я решила отыскать его, даже если бы мне для этого пришлось обойти все тюрьмы страны. Так начались мои скитания по тюрьмам.

Глава 21

ТЮРЕМНЫЕ СТРАНСТВИЯ

Я раньше никогда не задумывалась, сколько же тюрем в нашей стране. Но когда я отправилась на поиски моего друга художника, оказалось, что их очень много.

Там сидели под замком и за решеткой тысячи людей. Среди них были воры, фальшивомонетчики, жулики, взломщики, грабители и убийцы. Но встречались и другие — те, кто поссорился с правительством и кого за это упекли в тюрьму.

Почти все они пытались подружиться со мной. Вот

тогда-то я сделала открытие — сидящие в тюрьме люди меняются. На свободе никто из них не стал бы разговаривать со мной, наоборот, они постарались бы убить меня. Но в тюрьме они чувствовали себя одинокими и несчастными, им хотелось перекинуться словом с кем угодно, хотя бы и с крысой.

Только мой художник и на свободе относился ко мне дружелюбно, чем и отличался от остальных людей. Тем сильнее мне хотелось отыскать его.

В тюрьмах живет много крыс, и я первым делом спрашивала их о моем художнике. Но они ничем не могли мне помочь. И тогда я терпеливо перебиралась из одной тюремной камеры в другую, но задерживалась там лишь на столько, сколько было надо, чтобы убедиться, что моего друга там нет. Дело было не из легких. Перебраться из камеры в камеру можно было или по узкому карнизу с внешней стороны стены, или по коридору. Но в коридоре расхаживали тюремщики, они были люди свободные и ненавидели крыс. Это было ужасно — от одного взгляда на грубые подкованные сапоги у меня холодел кончик хвоста.

Иногда я пряталась в тюремном дворе и ждала, когда узников выведут на прогулку. Но в тюрьме бывали камеры, откуда узников никогда не выводили, и тогда я, как акробат, пробиралась по карнизу и заглядывала сквозь зарешеченное окошко.

Я обходила тюрьму за тюрьмой, город за городом. Не раз за мной гнались кошки и собаки, и только чудом я осталась жива. Через три месяца я пала духом, но поисков не прекратила.

Как-то в очередной тюрьме я уже успела осмотреть все камеры, кроме одной. Эта камера располагалась в дальнем крыле тюрьмы, и узника из нее никогда не выводили на прогулку. Прошла неделя, а я так и не узнала, кого там держат за решеткой. Я уже подумывала, что не стоит терять время из-за одной-единственной камеры и одного-единственного узника, что лучше идти дальше и искать моего друга в других тюрьмах. «А если это он? — говорил мне внутренний голос. — Тогда ты больше никогда его не увидишь».

И я осталась выжидать удобного случая, чтобы про-

никнуть в ту таинственную камеру. Никогда впоследствии я не пожалела о том, что поступила так, потому что предчувствия не обманули меня. Как-то ночью я пристроилась у закрытой двери и дремала. Вдруг меня разбудил свист. Узник насвистывал до боли знакомую мелодию. Я знала ее наизусть, потому что мой друг-художник всегда насвистывал ее, когда рисовал картины.

Наконец-то я нашла его! Оставалось только проникнуть в камеру. Утром надзиратель принес завтрак, и я, несмотря на то что до ужаса боялась кованых сапог, шмыгнула вслед за ним в раскрытую дверь. Пока надзиратель ставил на стол миску с похлебкой, я спряталась под тюремной койкой.

Дверь за тюремщиком закрылась, и я смело вышла из укрытия.

— Здравствуй, — приветствовал меня мой художник. — Ты слишком похожа на моего друга Макиавелли. Никогда не думал, что бывают крысы-близнецы.

Художник был худ и бледен. Его волосы и борода отрасли еще больше. Но голос остался прежним, и говорил он точно так же, как и раньше.

Я прошла перед ним, чтобы он заметил мою хромоту.

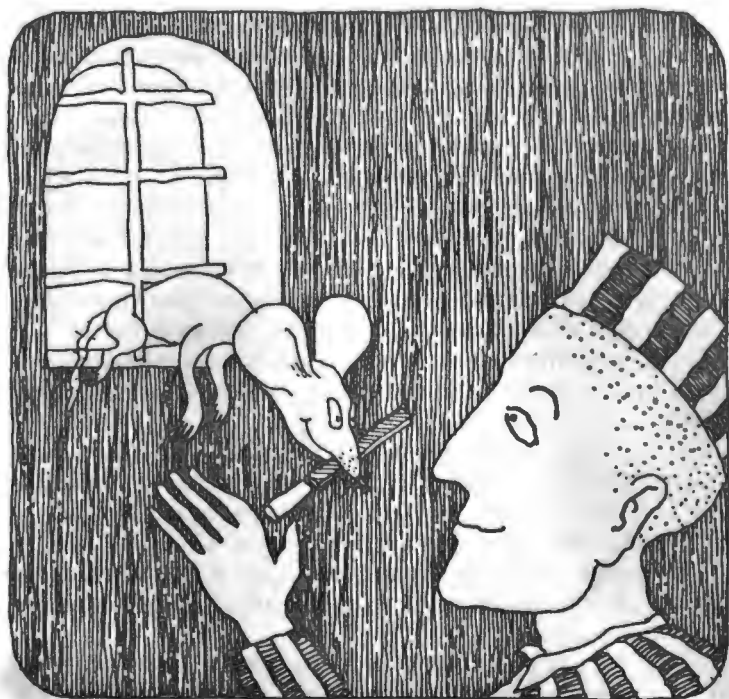
— Так это и в самом деле ты! — воскликнул художник. — Это ты, мой старый добрый Макиавелли! Ты первый и единственный, кто вспомнил обо мне и навестил меня. Ну что же, садись завтракать. Извини за скромное угощение.

Теперь, когда я вошла в камеру, мне надо было придумать, как из нее выйти. Прогрызть каменную стену? — об этом нечего было и думать. Я бы только поломала зубы, но ничего не добилась бы. Тюрьма была новенькая и выстроенная на совесть.

Вверху, под самым потолком, было небольшое зарешеченное окошко. Я принялась прыгать на стену, в надежде что художник поймет, чего я добиваюсь.

— Что ты делаешь, старина Мак?! — изумился художник. — Погоди, погоди, похоже, ты хочешь взобраться на окошко.

Он встал на койку, взял меня на руки и посадил на окошко. Я осмотрелась. Оттуда можно было добраться до

водосточной трубы и по ней спуститься вниз. Я осторожно начала спускаться и добралась до окошка первого этажа. Там, в большой комнате, сидели тюремщики. Я надеялась, что мне удастся стянуть у них что-нибудь вкусненькое и угостить моего друга. Я заглянула в окошко.

Тюремщики сидели за столом, уписывали за обе щеки толстые ломти хлеба и колбасы. И вдруг я услышала слово «революция». Именно его повторяли полицейские, которые арестовали моего друга. Может быть, тюремщики говорили о нем?

Я наострила уши.

— Недолго ему осталось у нас сидеть, — говорил толстый начальник тюремщиков. — Завтра его посадят на пароход и отправят в ссылку.

Услышанное так поразило меня, что я едва-едва не

свалились вниз. Завтра моего друга увезут неизвестно куда. И тогда я отправилась к старой тюремной крысе и спросила у нее, что нужно, чтобы человек сумел убежать из тюрьмы.

— Пустяк, — ответила мне крыса. — Пару железных напильников, чтобы перепилить решетку.

И тут меня осенило. К тому времени я успела изучить тюрьму не хуже, чем свои пять пальцев, и я помчалась в мастерские. Там днем работали заключенные, а вечером их тщательно обыскивали, чтобы они не унесли с собой какой-нибудь инструмент, и снова уводили в камеры. Я проникла в тюремную мастерскую, нашла там напильник, зажала его в зубах и снова полезла по водосточной трубе, на этот раз — вверх.

Спрыгнуть с окошка внутрь камеры было совсем несложно. Мой друг спал. Я положила ему на грудь напильник, он открыл глаза и забормотал спросонок:

— Что это ты мне принес, Макиавелли?

Но когда он протер глаза и увидел напильник, лицо его озарилось радостью. До утра он пилил решетку на окне и приговаривал:

— Ай да старина Мак, ай да удружил! Пусть мне теперь кто-нибудь скажет, что крысы противные. Да я готов расцеловать тебя, мой старый друг Макиавелли.

Когда стало светать, он аккуратно смел и спрятал железные опилки, чтобы тюремщики ничего не видели. Одной ночи ему не хватило, чтобы перепилить толстые прутья решетки.

Весь день он провел как на иголках и, едва стемнело, снова взялся за работу. И тут — о ужас! — напильник сломался у него в руках. Он растерянно посмотрел на меня и обреченно сказал:

— Видно, такая уж у меня судьба. Даже ты, старина Мак, не сможешь меня отсюда вытащить.

Я снова бросилась к окну. Он уже знал, чего я хочу, и посадил меня на окно. Путь вниз по водосточной трубе был мне уже знаком...

Когда я вернулась с новым напильником в зубах, мой художник схватил меня и прижал к груди.

Вот и конец моего рассказа. Когда взошло солнце, художника в камере уже не было. Стражники, охранявшие

тюрьму с улицы, задремали и не заметили, как он ловко спустился по водосточной трубе. Больше я никогда не видела своего друга. Говорят, он успел перейти границу до того, как его хватились. Может быть, когда-нибудь я снова отправлюсь в путь, чтобы отыскать его.

Глава 22

МЫШЬ ИЗ КОНЮШНИ

Число записанных мной рассказов увеличивалось. Я перелистал записную книжку и увидел, что в ней осталось место только для одного рассказа, не больше.

— Кто еще из членов вашего клуба хочет рассказать нам свою историю? — спросил доктор Дулиттл у белой мыши.

— Все, господин доктор, — ответила мышь. — Но мы прекрасно понимаем, что вы не можете тратить на нас столько времени, поэтому просим прийти к нам только завтра и выслушать последнюю историю. Я сама отберу для завтрашнего заседания рассказ поинтереснее. Думаю, пяти историй как раз будет достаточно для книги, которую для нас издаст Том Стаббинс.

— Вот и хорошо, — одобрил ее решение Джон Дулиттл, — а следующую книгу мышиных историй мы подготовим в другой праздник Нового месяца.

Когда на следующий день мы с доктором снова заняли свои места в зале заседаний мышиного клуба, то с удивлением увидели, что вперед вышла невзрачная, ничем не примечательная мышь, которую мы раньше не замечали. Неужели и с ней могла приключиться невероятная история?

— Мне сегодня весь день вкратце пересказывали свои истории десятки крыс и мышей, — шепнула нам белая мышь. — Самой поучительной из них мне показалась история этой мыши. Она живет в конюшне. Не удивляйся, Том, самые чудесные истории, как правило, и случаются в самых обыденных местах.

Я обмакнул перо в чернильницу и вывел в записной книжке заглавие рассказа. А мышь из конюшни смущенно пискнула и начала говорить. И тут же со всех сторон раздалось:

— Громче! Громче, пожалуйста! Нам ничего не слышно.

Рассказчица смутилась еще больше, но все же заговорила громче. Сразу бросалось в глаза, что она выросла в глуши и не привыкла выступать с публичными речами. А поскольку мне громкие речи крыс и мышей уже изрядно поднадоели, я проникся к ней симпатией.

— Я хотела рассказать вам историю, которая приключилась с моим мужем. Родители дали ему имя Ник, но все называли его не иначе как Ник-Озорник, а то и просто Озорник. Честно говоря, прозвище это как нельзя больше подходило к нему.

Мы оба происходили из двух почтенных семейств, живших в большом и богатом загородном имении. Наши родители дружили, и мы с Ником с детства росли вместе. Еще малышом он был ужасным непоседой и очень любил пошалить. А когда немного подрос, то принялся дразнить людей — слуг, горничных, поваров.

Когда мы с ним поженились, я постаралась увести его от греха подальше и настояла на том, чтобы жить в конюшне. Там было безопаснее. Ведь Озорник даже не мог спокойно пройти мимо мышеловки, ему непременно надо было стащить приманку. А в конюшне, слава Богу, не было мышеловок.

Однако и на конюшне мой муж продолжал шалить и озорничать. Представьте, однажды он нашел у двери сложенный кольцами резиновый шланг, из которого огородники поливали грядки. Озорник забрался внутрь и со смехом бегал там. Я пыталась приструнить его, но все слова были напрасны.

— Здесь очень весело! — отвечал он. — Здесь можно кататься как на санках с горки!

— Вылезай! — кричала я. — Сюда идут люди!

Но он не вылез. А тут и в самом деле пришел огородник, неспешно размотал шланг и включил воду. Мой муж вылетел из шланга, как снаряд из пушки, струя воды подхватила его, подбросила вверх, выше и выше и опустила у свинарника прямехонько в ведро с помоями.

Я помчалась сломя голову ему на выручку. И вовремя, потому что пока он отфыркивался в ведре и приходил в себя, к помоям подошла свинья. Она с рождения была подслеповата и могла принять беднягу Озорника за морковку и слопать. Едва-едва я успела вытащить его из помоев.

Но и этот случай ничему не научил моего мужа. Он продолжал из озорства подвергать свою жизнь ужасным опасностям. До сих пор я не могу понять, как он не погиб еще в первый месяц жизни. Бывают такие мыши — они на всю жизнь остаются сущими детьми и никогда не взрослеют.

Но однажды он попал в серьезный переплет и погиб бы ни за грош, не поспеши я ему на помощь.

К нашей конюшне частенько прилетала из ближайшей рощи старая сорока, чтобы напиться воды или поклевать овса. Мой Озорник сороку терпеть не мог. Признаюсь честно, я тоже ее недолюбливала. Сорока была жадная, утрюмая и недружелюбная. Обычно она сидела на крыше конюшни и глаз не спускала со двора. Как только мы с мужем находили что-нибудь съедобное, она уже была тут как тут, щелкала своим огромным, похожим на ножницы клювом и отгоняла нас, а потом со смехом съедала то, что мы нашли, а нам не оставляла даже крошки.

Ее боялись даже крысы, которые не отступали перед петухом и селезнем с птичьего двора. Однажды на нее напала кошка, но сорока так ударила ее своим острым клювом в лоб, что та с диким визгом бросилась наутек. С тех пор кошка обходила сороку стороной и не решалась напасть на нее даже сзади.

Мы прозвали сороку Колдуньей. Она была уверена в своей силе и безнаказанно хозяйничала во дворе, отнимала пищу у всех без разбору и смеялась над нами. Все мы ее ненавидели.

В один прекрасный день ко мне прибежал Озорник и, задышавшись от волнения, выпалил:

— Ты слышала новость? Колдунью скоро поймают!

— Кто и как? — спросила я недоверчиво. Я уже разуверилась, что кто-нибудь может справиться со страшной птицей.

— Кто? — переспросил Озорник. — На конюшне появился новый мальчишка, он помогает конюху. Он рыжий, ловкий и веселый. Мальчишка уже готовит силки, чтобы поймать в них Колдунью. Я сам видел.

Я только разочарованно махнула лапкой и сказала:

— Чему ты радуешься? Никакой рыжий мальчишка не поймает Колдунью. Она знает все силки, которые когда-либо придумывали люди, и сумеет их обойти.

Но мой Озорник жил надеждой увидеть Колдунью в клетке. Дни напролет он сидел в углу и смотрел, как мальчишка пытается поймать сороку. Для начала мальчишка взял решето, подпер его прутиком, а к прутику привязал длинную веревку. Под решетом он положил кусок мяса. Наверное, он думал, что сорока не устоит перед искушением, бросится на мясо, а он тут — раз! — выдернет прут — и решето накроет птицу.

Наивный мальчишка! Колдунья только один раз взглянула на ловушку, прострекотала: «Бездар-р-р-рно!» — и гордо отвернулась.

Мальчишка просидел полдня возле своей ловушки, но сорока так и не появилась. Зато, как только он убрал решето, она молнией слетела с крыши конюшни, подхватила лежавший у его ног кусок мяса и была такова.

Мальчишку задело за живое. Он придумывал все новые и новые ловушки и силки, но Колдунья умело избегала их. По нескольку раз на день Озорник прибежал ко мне и кричал:

— Вот уж теперь-то она наверняка попадется! Мальчишка сплел силки из конского волоса. А для приманки взял изюм.

Но сорока не клюнула на изюм. Ключнул мой муж с приятелями. Они забрались в силки, съели сладкое лакомство, но запутались в конском волосе. Только моему мужу чудом удалось спастись.

Сорока заметила, что Озорник целыми днями следит за мальчишкой. Как-то раз, когда мой муж нашел на помойке рыбью голову, она вихрем налетела на него, отняла находку и сказала:

— Что ж тебе так не терпится увидеть меня в силках? Гляди веди себя потише, а не то я откушу тебе хвост.

Дрожащий от страха Озорник спрятался в норку, затем выглянул оттуда и пропищал:

— Ничего, я еще посмеюсь над тобой, когда тебя посадят в клетку. Дождешься ты у меня, чучело пернатое!

— Ха-ха-ха! — хрипло захохотала сорока и клюнула рыбью голову, отнятую у Озорника. — Вкусную еду ты для меня откопал. Так будет всегда, а тот рыжий дурачок никогда меня не поймает. Я в силках смыслю больше, чем он.

Но рыжий дурачок был упрям и вовсе не настолько глуп, как показалось сороке. Со временем он заметил, что сорока обычно пьет воду из небольшой лужицы возле колодца, в самом углу двора. А кроме того, он уже убедился, что хитрая птица никогда не садится там, где лежит что-то новое и неизвестное. И тогда он начал с того, что положил возле лужицы сломанную веточку.

Колдунья захотела напиться, подлетела к лужице и вдруг заметила веточку. Осторожная и хитрая птица долго летала вокруг, с недоверием присматривалась к веточке, но в конце концов посчитала, что безобидный прутик ничем ей не грозит, и, как обычно, подошла к луже и напилась.

На следующий день возле лужи лежали две веточки, на третий — четыре. С каждым днем веточек становилось больше. Сначала сорока обходила их, старалась не наступать на них, но однажды веточки окружили лужицу со всех сторон. И тогда Колдунья попрыгала вокруг и улетила восвояси, так и не напившись.

И вдруг рыжему птицелову пришла на помощь погода. Стояла поздняя осень, и однажды утром мы проснулись и увидели, что землю прикрыл снег, а лужи, пруды и ручьи затянуло ледком. Как обычно, сорока спустилась к нам во двор, чтобы позавтракать, но на этот раз ничего не нашла. Все вокруг было белое и холодное.

Колдунья заглянула в конюшню и увидела нас. Мы удобно устроились в кормушке для лошадей и грызли зернышки овса. Сороке очень хотелось залететь к нам и поклевать овса, но она боялась, что рыжий мальчишка захлопнет за ней дверь и тогда ей не миновать клетки.

— Эй вы, мелюзга! — прострекотала она нам с порога. — Хорошо вам здесь, под крышей, знай себе грейся да объедайся! А в это время благородным птицам приходится мерзнуть на улице и помирать от голода. Проклятая погода! Ни одной травинки не видно из-под снега!

— А ты хотела, чтобы мы накормили тебя? — распищался в ответ Озорник. — Вспомни, как ты оставляла нас голодными! Проклятая погода, говоришь ты? Только для тех, у кого нет друзей!

Глава 23

КОВАРНАЯ КОЛДУНЯ

Мышь из конюшни так громко вскрикнула: «Только для тех, у кого нет друзей!» — что закашлялась. Пока ей принесли теплого молока, пока она его пила и прочищала горло, я сменил перо. Наконец мышь отдышалась и продолжила:

— Колдунья долго ругала нас, грозила пооткусывать нам хвосты и уши, но потом улетела — голод не тетка, пора было найти хоть что-нибудь съестное.

— Ничего она во дворе не найдет, — заявил Озорник. — Давай-ка взлезем на окошко и посмотрим, как ей придется улететь несолоно хлебавши.

Я охотно согласилась. Мы взобрались на окошко и выглянули во двор. Колдунья долго прыгала взад-вперед по двору, но ничего не могла отыскать. Даже помойка, на которой всегда можно было найти чем поживиться, лежала под снегом.

Наверное, Колдунью мучил не только голод, но и жажда. Прыгая по двору, она проверила все лужи, но только одна из них не была покрыта льдом. Ничего странного в этом не было — рыжий мальчишка рано утром собственноручно разбил лед.

Вода манила Колдунью к себе, веточки вокруг лужи, которых так опасалась Колдунья, припорошил снег, и скоро наконец решилась.

Она прыгнула на веточки и стала пить. Она пила долго. Озорник, сидя рядом со мной на окошке, попискивал от нетерпения — что же будет дальше? Признаюсь, я сама затаила дыхание, до того мне хотелось, чтобы мальчишка поймал воровку.

Но сорока преспокойно пила воду, а ничего не происходило. Никакие сети, петли, клетки не падали на нее сверху. Или там не было никакой ловушки, или мальчишка так и не сумел перехитрить Колдунью. Мальчишка и Озорником огорченно вздохнули и хотели уже было вернуться в кормушку с овсом...

...И вдруг ловушка сработала! Сорока напилась, махнула крыльями, но не смогла улететь. Ее ноги крепко и крепко приклеились к вороху веток — все они были намазаны густым слоем клея.

Ненавистная нам Колдунья прыгала и трепыхалась, но, чем больше она металась, рвалась и била крыльями, тем больше веточек к ней прилипало. А когда на пороге дома появился рыжий мальчишка, всем стало ясно, что на этот раз сорока попалась. Мальчишка ухватил беспомощную Колдунью и сунул в приготовленную клетку из ивовых прутьев.

Мой Озорник от радости принялся кувыркаться прямо на окошке, где мы сидели. А я, признаюсь, пожалела сороку.

Мальчишка поставил клетку с Колдуньей в конюшню. Тут же из всех углов вылезли мыши и крысы, обступили клетку и стали показывать на Колдунью и смеяться над ней. Наверное, сорока больше страдала даже не оттого, что мальчишка перехитрил ее и поймал, а оттого, что ее выставили на посмешище, оттого, что все те, кого она раньше обижала, теперь хохотали над ней.

Видели бы вы в ту минуту Колдунью! Клей перепачкал ее блестящие перья, и она стала похожа на старую, найденную на свалке дамскую шляпку. Несчастная узница билась головой о прутья клетки, но мальчишка работал птичью тюрьму на совесть. С головы у сороки летел пух, и скоро на нее стало страшно смотреть — огромный страшный клюв и почти лысая голова.

Бессердечный шалун Озорник плясал перед клеткой и осыпал сороку насмешками. Когда Колдунья была на свободе, ему столько раз приходилось от нее удирать, что теперь он решил сполна рассчитаться с ней за унижение.

— Чучело пернатое! — визжал он. — Отольются тебе наши слезы.

Мне было не по душе то, что он вытворял. В конце

концов не он поймал Колдунью, а рыжий мальчишка. И я сказала Озорнику:

— Ты не смел насмехаться над ней, пока она была на свободе, поэтому не должен насмехаться над ней и теперь. Ее можно только пожалеть. К тому же я боюсь ее.

Но беспечный Озорник только отмахнулся от меня.

— Кого ты боишься? Эту лысую уродину? Ха-ха-ха! Она теперь и пальцем не сможет нас тронуть! Ее наконец-то посадили в клетку, и она просидит в ней до конца жизни!

— Очень хорошо, что она сидит в клетке, — ответила ему я, — но не следует забывать, что ее не зря прозвали Колдуньей. Она очень коварная птица. Не забывай об этом и будь с ней поосторожнее.

Но Озорник, как всегда, пропустил мои слова мимо ушей.

А сорока тем временем перестала бесноваться в клетке. Она сидела неподвижно, сгорбившись, словно печальная старуха на пепелище. В ее отчаянии было что-то трогательное и исполненное достоинства. Она не обращала внимания на сидящих вокруг крыс и мышей, на выходки Озорника и его таких же непутевых приятелей. Казалось, она умерла, и только глаза говорили, что Колдунья еще жива. Они сверкали ненавистью и горечью и вспыхивали еще ярче при каждой обидной насмешке.

Меня всегда удивляло, до чего бессердечны бывают иногда звери. Почему одно живое существо не должно пожалеть другое, если то попало в беду? Озорник и его друзья расходились не на шутку, а когда сорока, казалось, смирилась со своей участью, они влезли на клетку и принялись швырять в узницу конским навозом.

— Прекратите! — крикнула им я.

Но они не слушали меня. Остановить их было невозможно, все мои слова отлетали от них, как горох от стенки. И я махнула на них рукой и ушла домой, в норку.

Я перетряхнула наши половики, вытерла пыль и взялась перестилать постель, и вдруг снаружи до меня донесся пронзительный визг. Дурные предчувствия не обманули меня — визжал мой Озорник, я сразу узнала его голос.

В смертельном испуге за жизнь моего мужа я опрометью выбежала наружу — и что же я увидела?

Все непутевые друзья моего мужа стояли вокруг клетки и в страхе таращились на сороку, а она крепко сжимала когтистой лапой Озорника.

Потом мне рассказали, что он, как и обычно, вел себя слишком дерзко и неосторожно, его длинный хвост свесился в клетку, сорока в мгновение ока ухватила его клювом и втащила внутрь.

Когда я приблизилась к клетке, мой муж отчаянно визжал, а сорока говорила ему:

— Немедленно замолчи, а не то я откушу тебе голову.

Озорник испуганно затих.

— Где его жена? — спросила Колдунья у стоявших вокруг мышей.

— Я здесь, — ответила я и вышла вперед.

— Ты пришла вовремя, — продолжала сорока, — чтобы спасти жизнь своему муженьку. Мыши умеют грызть дерево, вот и покажи мне, как ловко вы это делаете. Если до темноты ты не освободишь меня из клетки, я откушу твоему мужу голову. И съем его! — И Колдунья жутко захохотала.

Я ни минуты не сомневалась, что Колдунья так и делает. Не теряя времени, я взялась за дело. Ивовые прутья, из которых рыжий мальчишка сделал клетку, были очень толстые и поддавались с трудом. Я перегрызла один прут, другой, третий...

Но скоро, очень скоро я поняла, что одной мне до темноты не справиться. К счастью, приятели мужа все еще стояли рядом.

— Помогите же мне, — попросила я их.

Но они боялись, что сорока схватит и их, и отказались. Только один согласился и принялся грызть прутья с другой стороны. Потом, правда, и остальные осмелели и стали нам помогать. Дело пошло быстрее.

Мой бедный Озорник сидел в когтях Колдуньи и со страхом следил, как продвигается работа. А сорока не выпускала его и только твердила:

— Быстрее! Быстрее!

Когда нам оставалось перегрызть всего два прутика, из дома вышел мальчишка и направился к дверям конюшни. У меня упало сердце. Ведь если он помешает нам освободить Колдунью, та, не задумываясь, убьет моего мужа! И я заработала зубами еще быстрее.

Мальчишка появился на пороге конюшни в ту минуту, когда я перегрызла последний прут. Сорока отпустила Озорника, ударила сильной лапой по клетке, и та упала набок. Колдунья снова была свободна. Она взмахнула крыльями, пронеслась над головой рыжего мальчишки и была такова.

Ничего не понимающий мальчишка таращился на то, что осталось от клетки, на два десятка пищущих мышей на полу и чесал затылок. А мы спешили скрыться в норах...

Глава 24

ДВОРЕЦ ГРАФА УИЗЛОБЛИ

Мы еще не знали, чем закончится рассказ мыши из конюшни, и ждали продолжения. Вернулась ли на скотный двор злая сорока Колдунья? Изменился ли после такого ужасного приключения Озорник?

Но мы не получили ответа на все вопросы, которые так и вертелись у нас на языке. У входа в зал послышался шум, кто-то взволнованно зашептался, чей-то голос потребовал, чтобы его немедленно пропустили к доктору Дулиттлу.

Белая мышь как ужаленная вскочила с места. Неслышанно! Кто-то осмелился вторгнуться в их клуб без приглашения! Мало того, он еще перебил рассказчицу на самом интересном месте!

— Да как ты смеешь! — запищала белая мышь. — Доктор Дулиттл занят важным делом!

Незванный гость протолкался сквозь толпу. Это был запыхавшийся от долгого бега мышонок.

— А у меня к нему тоже важное дело! — отмахнулся он от белой мыши. — Пожар!

— Где пожар? — взвизгнула белая мышь.

— Пожар во дворце графа Уизлобли! — продолжал мышонок. — Загорелось в подвале! А все люди во дворце спят!

— Может случиться беда! — воскликнул доктор и вскочил с места. — А почему они все спят? — Он взглянул на часы. — Ах да, уже за полночь.

— Весь подвал забит дровами, — взволнованно рассказывал мышонок. — К счастью, они еще не загорелись. Мы с женой свили себе гнездо среди поленицы и вывели там пятерых малышей. И вдруг этой ночью, непонятно как, загорелась сваленная в углу мешковина. В подвале полно дыма, скоро станет нечем дышать и дети задохнутся. А вынести их из подвала в сад нельзя, потому что хозяин держит у себя полдюжины котов. Если огонь охватит дрова, мы пропали. Нам неоткуда ждать помощи, поэтому моя жена послала меня к вам. Прошу вас, спасите моих детей.

— Бегу! — воскликнул доктор и нырнул в узкий подземный ход.

Я бросился вслед за ним. Мы в спешке так топали ногами, что было слышно, как над нами содрогается здание мышиного клуба.

— Стаббинс, — сказал доктор, когда мы выбрались наружу, — разбуди Бед-Окура, и бегите вместе с ним к дворцу графа. Но прежде отправь О'Скалли за Мэтьюзом Маггом. — Он вырвал из записной книжки листок и что-то на нем написал. — Вот записка для пожарных. Пусть О'Скалли передаст ее Мэтьюзу. Но, боюсь, пожарные приедут слишком поздно.

Джон Дулиттл вручил мне записку и убежал в одну сторону, а я помчался в другую. Разбудить О'Скалли и растолковать ему, что к чему, было делом одной минуты, а вот с Бед-Окуром мне пришлось провозиться четверть часа.

— Вставай, Бед-Окур, вставай, миленький, — теребил я его за плечо.

Но наследник короны Ума-Лишинго упрямо не хотел просыпаться. Выручила старушка Полли. Она уселась к нему на грудь и, как в те времена, когда мы плавали на «Ржанке», громко крикнула:

— Свистать всех наверх!

Бед-Окур мгновенно вскочил, потом открыл глаза и начал изумленно озираться.

— Я... — бормотал он. — Мы... Так мы не на «Ржанке»!

Пока он, полусонный, одевался и натягивал башмаки не на ту ногу, я объяснил ему, что и где горит.

Дворец графа Уизлобли был самым большим и богатым поместьем в окрестностях Паддлеби. Он располагался неподалеку от города, среди садов, полей и лугов. Его хозяин граф Генри Уизлобли получил его в наследство совсем недавно от скоропостижно скончавшегося дяди. Вместе с этим дворцом старый граф Дорнтон — так звали покойного дядю — оставил племяннику еще полдюжины поместий в разных концах Англии и Шотландии.

Но графу Уизлобли приглянулось именно это поместье, и он жил в нем безвыездно. Сначала жители Паддлеби удивлялись такому пристрастию графа, но со временем привыкли и даже перестали судачить об этом.

Ворота во дворец всегда были закрыты, и всякий, кто хотел войти, должен был для начала предстать перед сторожем.

Когда я с Бед-Окуром подбежал ко дворцу, доктор уже давно стоял там и изо всех сил колотил в ворота, пытаясь разбудить сторожа. Но сторож не отзывался, ворота были крепко-накрепко заперты, а вокруг дворца тянулась высокая каменная ограда, настолько высокая, что нечего было и думать перепрыгнуть через нее.

— Боже праведный! — восклицал доктор, ударяя с размаху кулаком в ворота. — До чего же крепко они спят! Пока их добудисься, сгорят не только дрова в подвале, но и весь дворец. Может быть, сторож куда-то ушел?

— Нет, — запыхавшимся голосом возразил Мэтьюз Магг. Он только-только присоединился к нам. — Сторож все время присматривает за воротами, а если и уходит куда-то, то его подменяет жена. Попробую-ка я бросить камень в окно сторожки.

Он поднял с дорожки камень, размахнулся и швырнул его за ворота. Послышался звон битого стекла, а за ним — разгневанные голоса. Через мгновение дверь сторожки распахнулась, и оттуда вышел мужчина со старинным кремневым пистолетом в руке. В другой руке он держал свечу в тяжелом бронзовом подсвечнике. Подсвечник выглядел не менее угрожающе, чем пистолет.

Ворота приоткрылись, и в щель выглянуло сначала дуло пистолета, а затем перепуганное лицо сторожа.

— Успокойтесь, пожалуйста, — сказал сторожу Джон Дулиттл. — Я пришел к вам, чтобы предупредить: у вас пожар в подвале. Впустите меня и разбудите всех во дворце.

— И не подумаю, — заупрямился сторож. — Знаю я вашего брата взломщика, вы и не то наплетете, чтобы забраться в чужой дом. Зачем вам понадобилось бить окна в сторожке? И откуда вы знаете, что в подвале горит?

Доктор Дулиттл не был бы доктором Дулиттлом, если бы он не брякнул:

— Мне сказала мышь.

Сторож ошалело уставился на доктора. Тот понял, что сказал лишнее, попытался исправить положение, но только ухудшил его.

— Да какая вам разница, откуда я знаю, что во дворце пожар? Пропустите меня, пожалуйста. Неужели вы мне не верите?

— Не верю, — сказал сторож и хотел было захлопнуть ворота перед носом подозрительных незнакомцев, которые плели невесть что про пожар и мышей. Если бы ему это удалось, то огонь в подвале охватил бы дрова, а скоро и весь дворец вспыхнул бы как факел. Но, к счастью, в дело вмешался Мэтьюз Магт. Он рванул ворота на себя, выхватил у сторожа пистолет, а Бед-Окур — подсвечник. Крепость была взята штурмом.

Не успел остолбеневший сторож прийти в себя, как пистолет и подсвечник полетели в кусты, его самого оттолкнули, да так, что он растянулся на клумбе, а «злумышленники» уже мчались ко дворцу.

— Боюсь, и здесь нам придется потратить не меньше времени, чтобы кого-нибудь разбудить, — проворчал Мэтьюз Магт. Он заорал благим матом: — Пожар, — и вдруг помчался назад к воротам.

Пока мы продолжали орать: «Пожар!» — он вернулся с кремневым пистолетом сторожа и выстрелил в воздух.

В окнах зажегся свет. Мертвый до того дворец начал оживать. Послышались встревоженные голоса.

— Пожар! — Доктор уже охрип от крика. — Откройте дверь и впустите нас!

Через несколько мгновений заскрипели засовы, дверь открылась и на пороге предстал старый слуга.

— Я нигде не могу найти хозяина, — сказал он Джон Дулиттлу. — Его нет в спальне. Наверное, он сегодня лег спать в другой комнате. Всех остальных я уже разбудил.

Джон Дулиттл выхватил у него из рук горящую свечу и спросил:

— Где у вас вход в подвал? Покажите мне дорогу туда.

Старый слуга недоуменно пожал плечами.

— Наш хозяин никогда не ночует в подвале. Там вы не найдете никого, кроме мышей.

— Их-то мы и ищем, — ответил доктор опешившему слуге. — Покажите мне, как пройти в подвал.

Глава 25

ПОЖАР

Это была странная, очень странная ночь. Все шло не так, как должно было бы идти. Обитатели дворца вели себя не так, как обычно ведут себя люди при пожаре. Когда Мэтьюз, Бед-Окур и я вошли вслед за доктором Дулиттлом во дворец, там уже царила суматоха. Множество слуг в наспех надетых ливреях носились вверх-вниз по лестницам, таскали взад-вперед тяжелые сундуки, бестолково совали друг другу в руки драгоценные вазы и дорогие безделушки. Со стороны они были похожи на шайку грабителей, которые ворвались в чужой дом и в спешке переворачивают все вверх дном, не зная, что бы им похитить.

Дым наполнял дворец и с каждой минутой становился все гуще и гуще. Теперь доктору Дулиттлу уже не надо было спрашивать, где вход в подвал, — клубы дыма валили из угла. Там находилась винтовая лестница, ведущая вниз.

Признаюсь, мне стало страшно. Доктор Дулиттл закрыл лицо носовым платком и ринулся к винтовой лестнице. Прежде чем мы с Бед-Окуром успели его остановить, он исчез в клубах дыма. Мы хотели броситься вслед за ним, но Мэтьюз Магг встал на нашем пути.

— Не смейте идти за доктором! — крикнул он. — Вы только помешаете ему, а помочь ничем не сможете. А если вы там упадете в обморок и ему придется вытаскивать наверх и отхаживать вас, вместо того чтобы спасти мышей? Давайте лучше выйдем наружу и попытаемся найти окошко подвала. Там, внизу, дыма небось еще больше, чем здесь. Мы разобьем стекло, чтобы выпустить дым, может быть, хоть так сможем помочь доктору.

Мы выбежали втроем из дворца и у входа едва не сбились с ног старого слугу. Он бесцельно бродил вокруг дома, всплескивал руками и повторял:

— Где же наш хозяин? Где же он?

Мэтьюз ухватил его за рукав и спросил:

— Где тут окошко подвала? Ну-ка показывай, живо!

Но тот, казалось, мог думать только о хозяине, и ни о ком больше.

— Да зачем вам понадобился подвал? Я ведь уже сказал вашему приятелю, что граф Уизлобли никогда не ночует в подвале!

Мэтьюз Магг потерял терпение и встряхнул старого слугу за шиворот.

— Найдется твой граф! Показывай окошко подвала!

Рыдающий верный слуга повиновался и повел нас к черному ходу. Там, по обе стороны от двери, тускло поблескивали в лунном свете два запыленных оконца. Мэтьюз размахнулся ногой и разбил оба. Оттуда сразу же повалили густые клубы дыма.

Мэтьюз Магг наклонился к окошку и крикнул:

— Доктор! Вы здесь? Пробирайтесь к окну, мы вас вытащим!

Ответом ему была тишина. Мэтьюз зажег фонарь и сунул его в разбитое окно. Я дрожал от страха за доктора. «Почему он не отвечает? Ведь если он жив, то должен был услышать звон стекла, услышать крики Мэтьюза и заметить зажженный фонарь!»

Мэтьюз Магг продолжал помахивать фонарем в оконном проеме. Затем он взглянул на меня через плечо и хмуро проворчал:

— Доктор отправился спасать мышей, а, похоже, нам придется спасать его самого.

Он уже хотел было нырнуть в подвальное оконце, но я удержал его.

— Погоди, — крикнул я. — Смотри!

Из густого дыма возникла рука. Это была рука доктора Дулиттла. На раскрытой ладони сидели пять розовых, еще не покрывшихся пухом мышат.

— Ну и ну! — обрадовался Мэтьюз, сгреб с ладони доктора мышинных малышей и передал их мне, а я устроил их в кармане куртки.

Ладонь доктора Дулиттла исчезла и через мгновение появилась снова. На этот раз на ней сидела дрожащая от пережитого испуга мышка-мать. Я сунул ее в карман к мышатам.

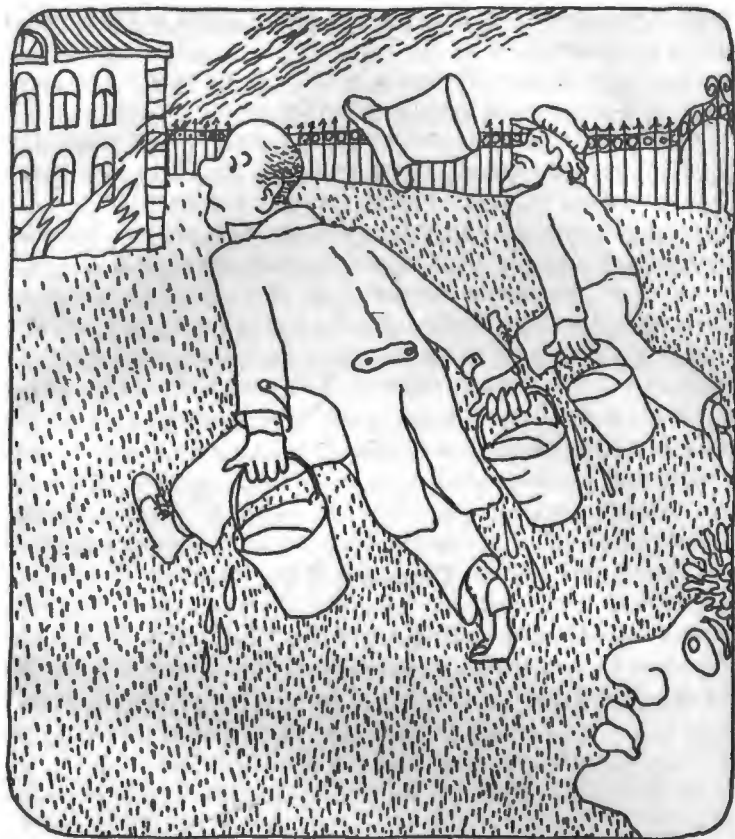
Мэтьюз Магг не стал дожидаться, когда рука доктора Дулиттла снова исчезнет, а крепко ухватил ее, позвал на помощь Бед-Окура, и они вдвоем потащили доктора из подвала. Но Джон Дулиттл вовсе не был худеньким, его толстое брюшко застряло в раме. Я поспешил к ним на подмогу, мы дружно дернули доктора и вытащили его во двор вместе с оконной рамой.

Освободив доктора от рамы, мы отнесли его на руках подальше от удушливого дыма, все еще валившего из подвала, и положили на траву. Джон Дулиттл был близок к обмороку, но едва отдышался — и тут же вскочил на ноги.

— Я прекрасно себя чувствую, — чуть слышно прохрипел он. — Просто этот дым удивительно едкий. Теперь нам надо залить огонь, иначе займутся дрова и тогда дворец не спасти. На слуг надежды нет, придется нам браться за дело самим.

Джон Дулиттл был совершенно прав. Мышь, которая принесла доктору известие о пожаре, спасла не только сам дворец, но жизнь многим его обитателям. Даже если бы слуги проснулись вовремя, им ни за что не удалось бы справиться с огнем. Никогда и нигде мне не приходилось встречать такую бестолковую толпу. Все суежились, ахали, охали, но никто ничего не делал.

Но мы и не ждали от них помощи. Доктор, Бед-Окур и я без устали таскали воду из колодца. Мэтьюз нашел в саду шланг для полива, включил воду, направил струю через окошко прямо в подвал. Там внутри шипело, хлопотало, вместо дыма из окошка повалил пар. Похоже, с пожаром мы справились.

Мы все еще бегали как угорелые от колодца к подвалу и не заметили, как из-за кустов вышел человек. Он подошел к доктору и грубо спросил:

— Кто вы такой?

Нелепый вопрос в нелепом положении застал доктора врасплох.

— Я? — изумленно переспросил он. — Вы спрашиваете, кто я такой? Я — Джон Дулиттл. А вы кто?

— Я граф Генри Уизлобли, — надменно ответил человек. — И я хочу знать, по какому праву вы ворвались сю-

да ночью, повышибали окна в моем доме и напали на моего сторожа?

— Боже, какую чушь вы несете! — не сдержался доктор. — У вас горел дом, и, если бы мы пустились в излишние объяснения, он сгорел бы дотла. А ваш сторож — болван, потому что не хотел выпускать нас. Что нам оставалось делать? Слава Богу, мы успели вовремя.

Я выглянул из-за доктора Дулиттла и увидел, что позади графа стоит его до глупости верный сторож.

— Вы поступили самовольно и нарушили закон, — злобно прорычал граф. — Мой сторож знает, что делает, когда не пускает бродяг на порог моего дома. А тушить пожары — это дело пожарных. Благодарите судьбу, что я человек добрый и не вызвал полицию, чтобы арестовать вас. А теперь убирайтесь вон.

Глава 26

САФЬЯНОВАЯ КОРОБОЧКА

Мне показалось, что Джон Дулиттл не может понять, что ему говорят, — до того долго он смотрел на графа. А может быть, он был настолько потрясен, что просто не мог издать ни звука. На лице доктора по очереди отразились изумление, гнев, затем — обида.

Джон Дулиттл не пустился ни в объяснения, ни в извинения. Любые слова в его положении были бы излишними.

Когда он совладал с собой, то совершенно спокойным голосом произнес:

— Я позабыл свой сюртук в вашем подвале. Я возьму его, и мы тотчас же уйдем.

Граф Уизлобли, по-видимому, решил унижить нас не только словом, но и делом. Он последовал за нами в подвал, словно хотел подчеркнуть, что не доверяет незванным гостям и лично посмотрит, не стащили ли они чего-нибудь в подвале. Лицо доктора оставалось спокойным, Мэтьюз только ухмыльнулся.

В подвале стояла вода. Мы постарались на славу, ничто нигде не только не горело, но даже не тлело. Увидев залитый водой пол, граф Уизлобли принялся бормотать под нос проклятия. Это переполнило чашу терпения Бед-Окура, и он вдруг закричал:

— Как ты смеешь, о неблагодарный?! Как ты смеешь оскорблять тех, кто спас твой дом от огня?!

Его глаза засверкали, наследник престола Ума-Лининго угрожающе пошел на графа Генри Уизлобли. Граф попятился.

— Оставь его в покое, Бед-Окур. — Доктор Дулиттл мягко взял принца под руку. — Мы и в самом деле перестарались.

Чернокожий принц остановился, а граф Уизлобли снова принял надменный вид и, чтобы никто из нас не подумал, что он испугался, принялся заглядывать во все углы подвала. Я заметил, что граф держит в руках несколько красивых коробочек, обтянутых сафьяном. Чтобы они не мешали ему, он положил их на бочку с вином.

Как только граф на мгновение отвернулся, Мэтьюз с кошачьей ловкостью ухватил одну из них, открыл, тут же закрыл и возвратил сафьяновую коробочку на прежнее место. Я успел заглянуть ему через плечо и увидел, как в полутьме сверкнули бриллиантовые запонки.

Джон Дулиттл отыскал свой перепачканный копотью сюртук и, не задерживаясь ни на минуту, зашагал к лестнице. Вслед за ним и мы без сожаления покинули него-степриимный дом, который мы спасли от огня.

У ворот усадьбы стояла запряженная четверкой кляч пожарная карета. Это была большая повозка с огромной бочкой, насосом и длинным шлангом. На ней восседали brave пожарные.

— Здесь горит? — деловито спросил один из них.

— Горело! — насмешливо отозвался Мэтьюз Магг. — Но уже не горит. Вы бы еще позже приехали. Вода-то в бочке у вас есть?

Пожарные, видно, давно привыкли к насмешкам, потому что безропотно развернулись и уехали в Паддлеби.

Мы зашагали вслед за ними. По дороге Мэтьюз Магг и Бед-Окур дали выход своему гневу.

— Неблагодарный негодяй! — гремел Мэтьюз.

— Подлец неблагодарный! — вторил ему чернокожий принц.

— Он думает, что если у него денег куры не клюют, то ему все сойдет с рук, — все больше распалялся Мэтьюз. — Ради чего мы выскочили из теплой постели посреди ночи и помчались спасать его дворец?

— Не горячись, Мэтьюз, — сказал доктор Дулиттл, — ведь мы спасли из огня мышинное семейство. Кстати, где мыши?

— У меня в кармане, господин доктор, — ответил я. — Кстати, где ваш цилиндр?

Доктор схватился за голову — цилиндра на ней и вправду не было.

— Боже мой! — засокрушался Джон Дулиттл. — Что за невезение! Неужели я забыл его в подвале? Придется мне туда вернуться, другого выхода у меня нет, потому что нет и другого цилиндра.

Он остановился. Было ясно, что ему ужасно не хочется возвращаться и объясняться с грубияном графом, но другой шляпы у него и в самом деле не было. Но делать было нечего, и мы поплелись обратно.

Ворота все еще были распахнуты, сторожка — пуста, и мы беспрепятственно вошли в усадьбу. Вдруг доктор сказал:

— Лучше бы вам было подождать меня здесь. Не стоит дразнить этого гуся графа и заявляться к нему всей компанией. Да и какой смысл идти за одной шляпой всем четверым?

И он пошел дальше один, а мы остались на садовой дорожке. Тем временем взошла луна. Деревья бросали на землю длинные черные тени, и мне стало немножко не по себе. Прошло несколько минут, и Мэтьюз ни с того ни с сего начал беспокоиться. Внезапно он встрепенулся, словно решил что-то очень важное для себя, и сказал:

— Нет, я скорее сяду в тюрьму, чем позволю доктору пойти туда одному. Уж очень мне не по вкусу лицо этого графа. Пойдемте за доктором, но осторожно, среди деревьев, чтобы нас не заметили. Чует мое сердце, что доктору понадобится наша помощь.

Трудно сказать, что заставило Мэтьюза Магга так поступить, но по собственному опыту я знал, что предчув-

ствия никогда его не обманывали, тем более что отговорить его было невозможно. Если уж он что-то решал, то так и делал, кто бы и что бы ему ни говорил. Наверное, причиной такого удивительного чутья и упрямства была капля цыганской крови, доставшаяся ему в наследство от отца.

Мы крались за доктором Дулиттлом, скрываясь в тени, прячась за стволами деревьев. Это было похоже на детские игры в индейцев, но в то же время я чувствовал, что это не игра.

Граф Генри Уизлобли, наверное, увидел из окна, как по освещенной лунным светом садовой дорожке шагает доктор Дулиттл, и вышел ему навстречу. Он стоял на пороге дома и ждал, пока доктор приблизится.

Доктор Дулиттл приблизился и открыл рот, чтобы вежливо — а он со всеми без исключения разговаривал вежливо, — чтобы вежливо попросить позволения еще раз спуститься в подвал и забрать оттуда свой цилиндр. Но граф не дал ему произнести ни слова. Он в бешенстве заорал:

— Вы опять здесь? Как вы посмели вернуться? Я же сказал вам, чтобы вы убирались вон! И если вы сейчас же не уберетесь, пеняйте на себя, я натравлю на вас собак!

Как вы понимаете, собаками доктора Дулиттла было не запугать. Кстати, его вообще было трудно запугать чем бы то ни было.

— Я вернулся за моей шляпой, — преспокойно произнес Джон Дулиттл. — Я забыл ее в подвале.

— Вон! — взвизгнул граф Уизлобли.

Никогда не думал, что благородный граф может так неблагородно визжать. Я стоял за деревом в десяти шагах, но мне захотелось заткнуть уши.

— Вон! — надрывался Генри Уизлобли. — Сию же минуту! Я не потерплю бродяг у себя в усадьбе!

Я уже давно заметил, что уверенные в себе люди никогда не кричат. Вот и теперь доктор Дулиттл ответил графу чуть ли не шепотом:

— Без шляпы я не уйду. Прошу прощения за излишние объяснения, но этот цилиндр я купил себе еще в те времена, когда учился в университете. С тех пор я с ним сроднился. К тому же у меня это единственный цилиндр.

Граф злобно расхохотался — как же, голодранец смел что-то требовать от него, от самого Генри Уизлобли! Он вытащил из кармана свисток и дунул в него. Из глубины сада ему тут же ответили резким окриком.

— Выпустите Диану и Волка! — рявкнул граф Уизлобли.

Глава 27

ЧТО ДЕЛАТЬ С ЦЕПНЫМИ СОБАКАМИ?

В самом деле, что делать с цепными собаками? Особенно если их спустили с цепи и они мчатся на вас? Бежать? От собак не очень-то убежишь. Залезть на дерево? Но с него когда-нибудь все равно придется слезть. Отбиваться? Но у них такие острые зубы.

Когда граф Уизлобли рявкнул: «Выпустите Диану и Волка!» — послышался лязг цепи, затем — хруст камешков, которыми была посыпана садовая дорожка, и из темноты выбежали две огромные овчарки из тех, что охраняют стада овец. Они неслись огромными прыжками напрямик к доктору Дулиттлу.

— Ату его! Ату! — орал граф Уизлобли.

Он уже представлял себе, как собаки набросятся на чужака, как во все стороны полетят клочки его потертого сюртука...

Но странный толстяк не побежал, не залез на дерево, он повернулся к собакам и зарычал на них. И тут же огромных и свирепых собак словно подменили. Они принялись лизать руки чужаку, завилили хвостами, словно перед ними стоял их давний друг.

Мэтьюз Магт прикрывал рот рукой, чтобы не расхохотаться. Я тоже давился от смеха, глядя на опешившего графа Уизлобли.

— Возвращайтесь в свою конуру! — пролаял собакам доктор Дулиттл, и те послушно засеменили прочь по садовой дорожке. — А теперь, — сказал по-человечески Джон Дулиттл, — я схожу за своим цилиндром.

Он мягко отодвинул в сторону стоящего на пороге

графа и вошел в дом. Потрясенный граф потерял дар речи. Он всегда хвастался своими собаками. «Они разорвут любого, кто посмеет проникнуть ко мне во дворец!» — гордо говорил он приятелям. И что же? Его хваленые псы вдруг превратились в беззлобных дружелюбных щенков! Никто и никогда не оскорблял графа так тяжело, как этот неизвестный толстяк.

И граф решил отомстить. Пока доктор Дулиттл ходил за цилиндром, он спрятался за колонну.

— Вот этого я и боялся, — прошептал рядом со мной Мэтьюз. Он несколько раз сжал и разжал кулаки и крадучись пошел поближе к колонне, за которой прятался коварный граф Уизлобли.

Доктор Дулиттл вышел из дома с драгоценным, выдавшим виды цилиндром в руках, огляделся, не увидел графа, пожал плечами и пошел прочь. Говорить с графом ему было не о чем, и он хотел только одного — поскорее уйти из этого негостеприимного места.

Но как только он ступил ногами на садовую дорожку, из темноты на него навалилась страшная тяжесть, спшибла с ног, придавила к земле. Это граф Уизлобли напал на доктора сзади и в ярости душил его.

— Я научу тебя, как врываться ко мне в дом! — хрипло шипел граф. — Ты больше никуда не ворвешься...

Он не успел договорить. На него бросился Мэтьюз Магг и повалил на землю. Но граф был силен, намного сильнее Мэтьюза. Он отшвырнул нападавшего, прыжком вскочил на ноги и замахнулся на все еще лежащего на земле доктора Дулиттла, чтобы одним ударом разmozжить ему голову.

На этот раз он не успел ударить. Помешал ему наследный принц королевства Ума-Лишинго. Бед-Окур ухватил бесноватого графа за шиворот и поднял его в воздух. Генри Уизлобли рычал и дрыгал ногами, но поделать ничего не мог.

Бед-Окур нашел на ближайшем дереве толстый сук, повесил на нем за воротник графа и отступил на шаг.

Граф извивался и кричал:

— Отпустите меня, иначе я вас всех упеку за решетку!

Бед-Окур наклонился, нашел на земле увесистую, похожую на дубинку палку и запел:

— Рази врага, моя дубина!..

Это была древняя воинственная песня его народа.

— Стой! — закричал в страхе доктор. — Что ты собираешься делать?

Доктор еще спрашивал! И так было совершенно ясно, что чернокожий принц решил расправиться с врагом по обычаям своего народа. Он взмахнул дубинкой.

— Не смей! — Доктор бросился к Бед-Окуру и повис у него на руке. — Нельзя же просто так убивать человека!

— Почему? — удивился чернокожий принц. — Разве он не оскорбил нас? Разве он не напал на вас? Разве он не хотел убить вас? Этого за глаза хватит, чтобы я приговорил его к смерти.

— Нет-нет, — настаивал доктор. — Он помешался и не может отвечать за свои поступки. Кроме того, мы не в Африке.

Бед-Окур послушно снял с дерева графа и бережно опустил его на землю.

— Это я-то помешался? — снова заорал граф. — Завтра же вы все будете сидеть за решеткой!

— Послушайтесь моего совета, — сказал графу Мэтьюз Магг, — и держите язык за зубами, если не хотите вляпаться в неприятную историю. У нас есть три свидетеля, которые собственными глазами видели, как вы подкрались сзади к господину доктору и напали на него. Это называется покушение на жизнь и карается десятью годами каторги. Боюсь, что всех ваших денег не хватит, чтобы откупиться.

— Вам меня не запутать, бродяги! — закричал в ответ граф. — У меня найдутся свидетели, которые под присягой покажут, что вы напали на моего сторожа, ворвались в дом и залили весь подвал водой!

— А мы и не станем отнекиваться, — пожал плечами Мэтьюз. — Да, мы сделали все это, но только для того, чтобы спасти ваш дом от огня. Можете подавать дело в суд, вам его все равно никогда не выиграть.

— А еще он называл меня помешанным! — взвизгнул Генри Уизлобли.

Чернокожий принц недоуменно посмотрел на графа, затем на доктора Дулиттла и наклонился к земле за дубинкой. Генри Уизлобли не стал дожидаться расправы и скрылся в доме.

Доктор Дулиттл подхватил нас под руки и потащил к воротам усадьбы.

— Пойдемте домой, друзья, — уговаривал он нас, как малых детей. — Скоро уже утро, нам надо поспать хотя бы пару часов. А с этим графом не стоит связываться, Бог с ним.

Мы снова вышли за ворота и запагали по ночной дороге. Все молчали. Я чувствовал усталость — наверное, всегда сильно устаешь, когда вместо благодарности за труды получаешь брань и затрешины.

Когда мы прошли уже полпути, Мэтьюз сказал:

— Что-то тут не так.

— Что не так? — спросил доктор.

— Дело здесь нечисто, помяните мое слово. Почему граф принял нас за бродяг? Ведь вас, господин доктор, все знают. Должен же он был хотя бы краем уха слышать о Джоне Дулиттле. Почему сторож не хотел впускать нас? Боялся подвоха? Тогда почему он не послал жену проверить, горит дом или нет? Почему слуги не помогали тушить пожар, а бестолково сустились и искали хозяина? Кстати, где он прятался все это время? Старый слуга не мог его найти, но сторож нашел, и очень быстро. Значит, сторож знал, где его искать. Почему сам хозяин набросился на нас с бранью? Может быть, мы ему чем-то помешали?

— Не мы ему помешали, а он сам помешался, — сказал Бед-Окур.

— Пожалуй, так оно и есть, — устало произнес доктор Дулиттл. — Иначе все это невозможно объяснить.

Наконец мы подошли к калитке нашего сада. Я радовался, что сейчас лягу в теплую постель, но все же на душе у меня было тяжело — Мэтьюз сумел убедить меня, что во всей это истории что-то неладно.

КЛОЧОК ПЕРГАМЕНТА

Спасенная из огня семья мышей перекочевала из моего кармана в мышиный клуб. Им там выделили одну из лучших комнат, и сама белая мышь приглядывала за тем, чтобы погорельцам ни в чем не отказывали. Первые дни к ним все шли с расспросами и соболезнованиями. А так как всю ту ужасную ночь они просидели в моем кармане и слышали и видели все, история пожара стала достоянием мышино-крысиной общности, а затем — и всего зоопарка.

Спасенные нами мыши быстро привыкли к роли знаменитостей и уже на следующий день, немножко оправившись от пережитых страхов, сидели на солнышке возле клуба и рассказывали толпе своих сородичей:

— Вы не представляете, что нам пришлось испытать! — При этом мышка-мать закатывала глаза. — Огонь со всех сторон! Дым! И тут появляется доктор Дулиттл!

Отец мышиного семейства стал героем дня. Его провожал восхищенный шепот:

— Вы слышали? Он ночью, в полной темноте, сумел добраться до Паддлеби и привести помощь!

А когда крысы и мыши узнали, как подло повел себя хозяин имения, их негодованию не было предела. Все единодушно решили объявить священную войну графу Уизлобли и достойно отомстить за оскорбление любимого доктора Дулиттла. Был выбран очень простой и действенный способ мести.

— Мы растерзаем в клочья все шторы в замке! — грозились крысы.

— А если в замке заведут котов? — осторожничали самые робкие.

— Наша сила в единстве с собаками! — отвечали им. — Позовем на помощь О'Скалли и его псов!

— Мы уничтожим все съестное!

— Мы прогрызем дыры в его персидских коврах!

— Мы перебьем ему весь хрусталь! Мы оставим от его китайского фарфора только черепки!

— Мы превратим в труху полы в комнатах!

Я не сомневался, что крысы и мыши опустошат замок Уизлобли, тем более что они взялись бы за дело с охотой. К счастью, доктор Дулиттл наотрез отказался возглавить их поход. Тогда они с моей помощью обратились к Мэтьюзу Маггу, но и он последовал примеру Джона Дулиттла. Правда, оба они отказались от мести по разным причинам: доктор потому, что был добрый и не хотел мстить, а Мэтьюз потому, что такое наказание казалось ему недостаточным.

На разговоры о ночном происшествии доктор Дулиттл упрямо отвечал одним и тем же:

— Даже слышать больше не желаю о графе и его замке, — и затыкал пальцами уши.

И все же против собственной воли Джон Дулиттл оказался втянутым в продолжение истории. А началось все с того, что как-то вечером ко мне зашла белая мышь и сказала:

— Том, сегодня ко мне в клуб, — с недавнего времени она так и говорила: «мой клуб», словно она его основала, — сегодня ко мне в клуб пожаловала одна из мышей, живущих во дворце Уизлобли. Она хотела бы кое-что показать господину доктору. Но он последние дни ужасно занят, поэтому я решила сначала поговорить с тобой. Не мог бы ты заглянуть ко мне в клуб, — она снова подчеркнула «ко мне в клуб», — и выслушать мышь из дворца Уизлобли?

Я уже давно привык к тому, что звери ведут себя подобно людям, точно так же любят похвастаться и точно так же зазнаются. Поэтому я не обиделся и ответил:

— Непременно, если ты считаешь, что это поможет доктору и всем нам.

Я отложил все дела и отправился в клуб крыс и мышей. Нырнув в подземный ход, я снова оказался в зале заседаний. Там уже собралась огромная толпа. Крысы и мыши ужасно любопытны, и что бы где бы ни случилось, они тут как тут.

Пришедшая из дворца Уизлобли мышь чувствовала себя в центре внимания и очень гордилась этим. Она напускала на себя таинственный вид и очень неохотно отвечала на вопросы, которыми ее забрасывали присутствующие в зале сородичи. Увидев меня, она сказала:

— Мне кажется, что вам это пригодится, — и протянула мне клочок бумаги. — Я не могу прочесть то, что здесь написано, но в чем, в чем, а в бумагах я разбираюсь. Вернее, в сортах бумаги. Она бывает белая, с желтизной, толстая, тонкая, мягкая, жесткая... Дело в том, что я живу в библиотеке дворца Уизлобли, и наша семья испокон веков выстилает себе гнезда бумагой. Но эта бумага особенная. Может быть, и написано на ней что-нибудь особенное?

Я взял в руки клочок бумаги. Это был пергамент, настоящий пергамент, который используют для составления официальных документов: купчих, завещаний и прочего. Со всех сторон он был обгрызен мышами.

Единственное, что я смог на нем прочесть, было: *«ПРИСУТСТВИИ НОТАРИУСА И ДРУГ... СТО ТЫСЯЧ ФУНТОВ ИЗ МОЕГО ДОСТ... БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕ...»*

Не сомневаясь ни минуты, что доктор должен посмотреть на этот клочок пергамента, я побежал в дом. Случилось так, что в ту минуту в кабинете доктора сидел Мэтьюз Магг. Когда он увидел пергамент и узнал, откуда он, его глаза вспыхнули.

А доктор клочком пергамента совершенно не заинтересовался. Он только спросил:

— Почему мыши пришло в голову, что нам это может пригодиться?

— Потому что это пергамент, — ответил я.

Доктор водрузил на нос очки, прочел чудом уцелевшие три строки и с напускным равнодушием вернул мне бумагу. Я догадался, что он, так же как и я, понял, о чем идет речь, но не хочет вмешиваться в дела, касающиеся дворца Уизлобли.

— Ты уж прости, меня, Стаббинс, — сказал Джон Дулиттл, — но мне сейчас недосуг заниматься старыми бумагами. Меня ждут более важные дела.

Я не считал, что старая бумага — дело совершенно неважное, но спорить с доктором мне, мальчишке, не пристало, поэтому я подчинился и оставил его в покое. Я вышел из кабинета, и меня тут же нагнал Мэтьюз и взял под руку.

— Том, — сказал он, — ты же знаешь, что я ни читать, ни писать не умею. Пожалуйста, не сочти за труд, прочти мне, что написано на этом клочке бумаги.

Я прочел. Мэтьюз в задумчивости пожевал губами, покачал головой и, наконец, спросил:

— И что же ты обо всем этом думаешь?

— Мне кажется, что это обрывок завещания. Доктор тоже вроде бы того же мнения, но он не хочет связываться с графом Уизлобли, поэтому не подал виду, что догадался, о чем идет речь. Нельзя ставить доктору в вину то, что он отрешивается от всего, что хоть как-то связано с именем графа. После всего, что он пережил в ту ужасную ночь...

— Ты сказал — завещание, — перебил меня Мэтьюз. — А чье?

— Не знаю, — развел я руками. — Точно известно, что этот клочок бумаги нашла мышь в библиотеке дворца Уизлобли.

— Вот оно как... — протянул Мэтьюз. — Придется нам еще поломать над этим голову.

— Почему? — спросил я напрямик. — Зачем нам ломать голову над клочком пергамента?

— Я тебе расскажу попозже, — загадочно ответил Мэтьюз. — Дворцы, как правило, скрывают немало тайн.

И он ушел, а я так и остался стоять с непонятным клочком пергамента в руках, на котором сохранилось всего три строчки.

Глава 29

КЛИНГ

В течение нескольких дней от Мэтьюза не было известий. Его загадочные слова возбудили мое любопытство. Я подолгу вертел в руках клочок пергамента и ломал голову над обрывками слов, которые были на нем написаны. Однако необычное происшествие отвлекло меня.

Как я уже говорил, доктор Дулиттл запретил О'Скалли

приводить в зоопарк новых жильцов-собак. Но однажды О'Скалли, как обычно, бродил по городу и вдруг увидел под забором пса.

Грязный и взлохмаченный, пес лежал на голой земле и жалобно скулил. Он явно попал в беду, и ему требовалась помощь.

— Что с тобой? — участливо спросил О'Скалли незнакомого пса.

— Сам не знаю, — ответил тот. — Я съел крысу, а теперь у меня болит живот. Ой, как больно!

— Это не от крысы, — с уверенностью заявил О'Скалли. — Крысы — очень здоровая пища. От них ничего плохого собаке не будет. Я сам съел их не одну сотню.

— Я съел их не меньше твоего, — проскулил в ответ пес. — И до сих пор тоже ничего плохого от них не было. Но у сегодняшней был какой-то странный привкус.

— Ну ничего, сейчас я отведу тебя к доктору Дулиттлу, и он быстро поставит тебя на ноги, — утешил пса О'Скалли.

Но пес так страдал от боли в животе, что не мог идти. О'Скалли помчался домой. «Надо бы посоветовать доктору придумать носилки для больных собак, — думал он по дороге. — Или хотя бы тележку».

Доктора дома не оказалось, поэтому О'Скалли позвал на помощь меня, и я привез больного пса к нам на Волвью улицу в садовой тачке — мне не доставало сил принести его на руках.

Тем временем доктор Дулиттл вернулся и осмотрел больного.

— Ты отравился, — сказал доктор.

— Но ведь он съел только крысу! — удивился О'Скалли. Он стоял рядом и ужасно волновался.

— Значит, крыса была отравлена, — объяснил Джон Дулиттл. — Кто-то из людей решил вывести в своем доме крыс, разбросал везде отравленную приманку, крысы отравились, и тут ты слопал одну из них. Ничего страшного, мы с твоей болезнью справимся шутя. Но тебе придется остаться у меня на несколько дней. Спать будешь в гостиной, так мне будет легче присматривать за тобой. Выпей это лекарство и ложись на тюфяк. Стаббинс, укрой его потеплее, чтобы он не простудился.

На следующее утро меня разбудил странный шум, доносившийся из спальни доктора. Казалось, что он неуютно зачем двигает мебель. Я встал с постели, оделся и заглянул в спальню доктора.

Он и вправду двигал мебель! С красным от напряжения лицом доктор оттащил от стены шкаф, заглянул за него, покачал головой и полез под кровать.

Я удивленно смотрел на него. Доктор вылез из-под кровати, заметил меня и сказал:

— Доброе утро, Стаббинс. Ты случайно не видел мой ботинок?

— Ботинок? — опешил я и переспросил: — Какой ботинок?

— Ну да, ботинок. Левый. Он исчез.

— Нет, не видел, — замотал я головой.

— Странно, — проворчал доктор. — Я поставил их вчера вечером под кровать. Не мог же он уйти из спальни сам, без меня.

Однако пора было браться за дела. Для начала я решил заглянуть в гостиную к больному псу, которого накануне привел О'Скалли. Но Клинга — так звали пса — в гостиной не оказалось.

Я встревожился и вышел в сад, чтобы попросить О'Скалли отыскать пропавшего пациента. Каково же было мое удивление, когда на лужайке я нашел не только пса, но и левый ботинок доктора — пес с явным удовольствием грыз башмак.

В ту же минуту в сад вышел и Джон Дулиттл — на правой его ноге был башмак, а на левой — домашний шлепанец.

— Кто тебе разрешил выходить на улицу? — стал доктор журить пса. — Ты еще не здоров. Эй, а что ты делаешь с моим башмаком?

Конечно, доктор спрашивал зря — и так было понятно, что Клинг делал с башмаком, — сбоку на нем уже виднелась изрядная дыра.

— Что же ты наделал! — огорчился Джон Дулиттл. — Зачем ты выгрыз в башмаке дыру? Как же я теперь его надену?

— Так вы его еще носите, господин доктор? Очень жаль, — сказал пес. Правда, я не совсем понял, что же ему

жаль: что он испортил башмак или что башмак у него сейчас отнимут. — Очень жаль, я был совершенно уверен, что они вам уже не нужны.

— Это мои лучшие, и единственные, башмаки, — загрустил Джон Дулиттл. — А сегодня вечером мне непременно надо быть в Зоологическом обществе. По-моему, будет неприлично явиться туда в домашних шлепанцах. Стаббинс, прошу тебя, после завтрака сходи к своему отцу, поклонись ему от меня и попроси поставить на башмак заплату. Клинг, — обратился доктор к псу, — зачем ты грызешь башмаки? Только щенки точат об обувь зубы, а ты ведь уже немолод.

— У меня эта привычка осталась с детства, — ответил Клинг. — Есть люди, которые и в старости грызут ногти. Я грызу башмаки. Одни говорят, что это дурная привычка, другие, правда их мало, что это признак гениальности. А отец считал, что я глупый щенок и никогда не повзрослею.

Сидевшая на ветке Полли скрипнула:

— Твой отец был умным псом, к сожалению, ты не в него пошел.

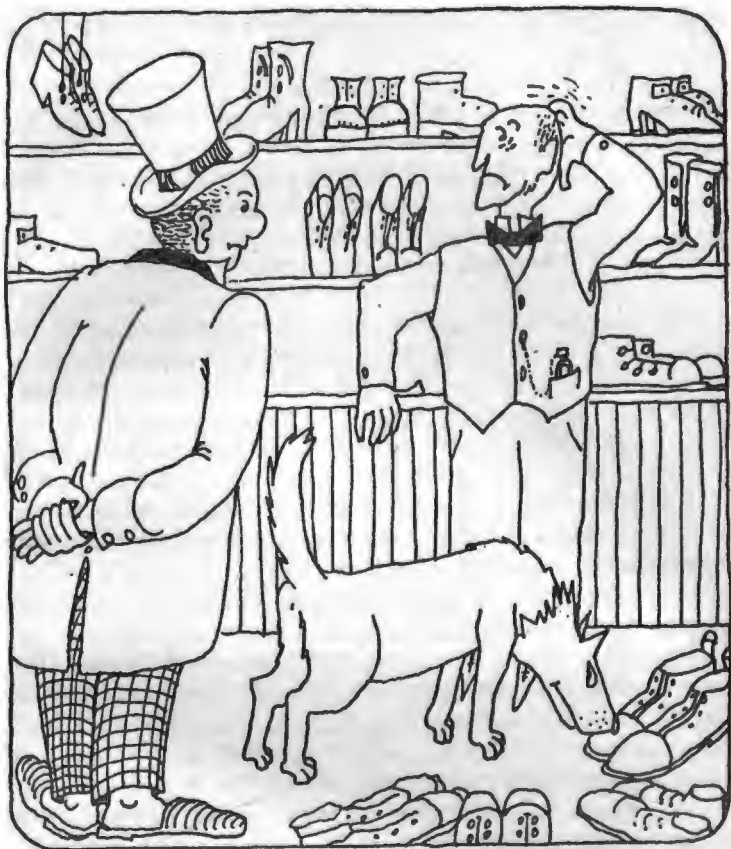
Но Клинг не обратил на ворчание попугаихи внимания и продолжал:

— Это очень вкусно, господин доктор. Я за один башмак готов полжизни отдать, а за целую пару и умереть не жалко.

— Ну что же, — улыбнулся Джон Дулиттл, — придется мне купить для тебя пару. Какие ты больше любишь — черные, коричневые или желтые?

— Если уж вы мне предлагаете башмаки на выбор, — ответил Клинг, — то я бы предпочел коричневые, и не со шнурками, а с пуговицами, по последней моде. Страсть как люблю грызть пуговицы. Это успокаивает, и я становлюсь тихий и смирный.

— Боюсь, что в Паддлеби не найдется именно такой пары, чтобы коричневые, да еще с пуговицами, по последней моде, — засмеялся доктор. — Мы живем в провинции, и мода доходит до нас с опозданием. Но есть еще одна загвоздка. Когда люди покупают обувь, а потом примеряют ее дома на ногу и она не подходит, то им в магазине разрешают поменять купленную пару на дру-

гую. Если ты примеришь башмаки на зуб и они тебе не понравятся, то назад их у нас не примут. Поэтому, наверное, будет лучше, если ты пойдешь со мной в магазин и сам выберешь себе пару по вкусу.

Пока я ходил к отцу и он чинил изуродованный псом башмак, доктор с Клингом наведались в магазин обуви. После этого все жители Паддлеби окончательно поверили, что доктор Дулиттл не в своем уме. Хозяин магазина еще долго веселил соседей и знакомых, представляя в лицах, как чудак доктор велел выставить на полу все коричневые ботинки, какие только имелись, и как грязный

беспородный пес долго обнюхивал все пары, а потом ткнул лапой в самую дорожку.

— У пса губа не дура, — хихикал хозяин. — А доктор-то, доктор! Купил псу ботинки, а сам пришел ко мне в домашних шлепанцах!

Клинг очень быстро освоился в зоопарке доктора Дулиттла и стал всеобщим любимцем, несмотря на дурную детскую привычку грызть обувь.

Глава 30

ТАЙНА ДВОРЦА УИЗЛОБЛИ

О'Скалли долго обижался на меня за то, что в ночь, когда случился пожар, я не взял его с собой в имение Уизлобли, а отправил домой.

— Я бы показал этому гр-р-рафу, — рычал он, — как обижать нашего доктора.

Как-то я сидел на кухне с Мэтьюзом Маггом. Мы ждали, когда Крякки подаст ужин, и ломали голову над загадкой клочка пергамента.

— Нам ее никогда не разгадать, — говорил Мэтьюз, — пока мы не узнаем, что там было написано.

— Как же мы узнаем? — отвечал я. — Для этого надо найти остальные клочки.

О'Скалли лежал у очага. Вдруг он вскочил и выбежал из кухни. Через несколько минут пес вернулся с белой мышью.

— Том, — шепнула мне на ухо белая мышь, после того как устроилась на моем плече, — давай позовем мышь из дворца, ту, из библиотеки, которая принесла пергамент.

— Хорошо, — согласился я. — Пошли во дворец кого-нибудь из вашего клуба. Вдруг эта мышь узнала что-нибудь новенькое?

К концу ужина белая мышь вернулась и снова устроилась у меня на плече. Вместе с ней появилась та мышь, которая несколько дней тому назад принесла нам клочок пергамента.

— Ты не расспрашивала других мышей о пергаменте? — спросил я у нее.

— Только то и делала, — ответила библиотечная мышь. — Но никто ничего не знает. Мало кто из мышей вообще встречал такого сорта бумагу. Ведь тот клочок я случайно обнаружила в старой, заброшенной мышиной норе. Я хотела там обосноваться и переустроить гнездо. Но сегодня вечером я нашла бывшую хозяйку норы!

— Неужели! — вскричал я в нетерпении. — Что же она рассказала?

— Это старая и дряхлая мышь, она старше всех мышей во дворце. Но у нее замечательная память. Она сразу же вспомнила, откуда взяла тот клочок бумаги. Еще задолго до смерти старого графа Дорнтон она поселилась в его библиотеке. В то время в библиотеке было мало книг, полки стояли почти пустые, и мышь в поисках мягкой бумаги для гнезда залезла в письменный стол хозяина. Но там она нашла всего лишь лист толстой бумаги. На гнездо такая бумага не годится, но мышь отгрызла у нее уголок, чтобы закрыть им в норе щель, откуда тянуло сквозняком. По-видимому, старый граф очень дорожил той бумагой. Когда он через пару дней открыл ящик письменного стола и заметил, что мыши отгрызли уголок, он ужасно рассердился, топал ногами и бранился. Библиотечная мышь сидела за старинными часами и все видела. Она и теперь говорит, что никогда в жизни старик Дорнтон так не сердился. Он бросился искать отгрызенный уголок, перевернул все вверх дном и даже приказал отодвинуть от стен книжные шкафы. Конечно, он ничего не нашел. Не мог же он заглянуть во все мышиные норы! В конце концов он смирился с потерей, а оставшийся большой кусок пергамента унес с собой и спрятал.

— Спрятал? — От возбуждения я едва не свалился со стула. — Куда спрятал?

— Старая мышь не знает, куда он ее спрятал, — сказала библиотечная мышь. — Но она уверена, что в библиотеке бумаги нет.

Я разочарованно вздохнул и спросил:

— А что, если мы попросим всех мышей из дворца взяться за поиски того пергамента? Неужели вы сообща не сумели бы его отыскать?

Мышь покачала головой.

— Я сразу догадалась, что тебе нужна эта бумага, и мы добровольно взялись за ее поиски, но ничего не нашли. Бумага исчезла бесследно.

Я пересказал Мэтьюзу Маггу то, что мне поведала библиотечная мышь. Мэтьюз огорчился еще больше, чем я. И тут О'Скалли тихонько ткнул меня носом в колено и сказал:

— Том, не ломай понапрасну голову. Решить такую задачку могут только Горлопан и Клинг.

— Горлопан — может быть, — согласился я. — Он все слышит и все знает. Но Клинг? Насчет Клинга я сомневаюсь.

Но О'Скалли не сдавался и защищал своего нового приятеля.

— Клинг больше всех знает о преступниках, об их уловках и привычках. Его бывший хозяин был вором.

— Вором? — удивленно переспросил я. — Разве вору держат собак?

— Вору разные бывают, — назидательно сказал О'Скалли, словно мне это могло пригодиться в жизни. — Выбери как-нибудь свободную минутку и порасспроси Клинга о его похождениях. Он тебе расскажет такую потрясающую историю, какой ты никогда не слышал и больше не услышишь. Когда Клинг еще был щенком, его украл бродяга. Он-то и научил Клинга всяким штукам и хитростям. Бродяга водил Клинга на поводке и приставал к прохожим, которые казались ему побогаче: «Купите собаку, господин. Замечательный верный пес еще послужит вам». Клинг сразу же начинал ластиться и лизать руку будущему хозяину. Трюк всегда удавался — Клинга покупали. А потом пес убегал от нового хозяина и возвращался к бродяге. Так они кочевали из города в город, и везде два-три простофили попадались на удочку. Но бродяге этого показалось мало, и он обучил Клинга новой хитрости — теперь собака отыскивала в доме место, где хранили столовое серебро, а затем приводила туда бродягу.

— Боже мой! — изумился я. — Какая ужасная жизнь! Он из собаки сделал преступника.

— Так оно и было, — согласился со мной О'Скалли. —

Но Клинг даже не догадывался, что совершает дурной поступок. Однажды он подружился с собакой священника. Узнав, какой образ жизни ведет Клинг, она едва не упала в обморок, хотя собаки в обморок не падают. Она долго говорила о каком-то возмездии и грозила карой небесной. Клинг не понял, что это такое, но все же решил порвать с прошлым. И он сбежал от своего хозяина, не смотря на то что бродяга его любил и никогда не обижал.

О'Скалли вздохнул, помолчал, а затем продолжил:

— Вот поэтому Клинг и разбирается лучше всех в делишках преступников. Пока он бродил по миру со своим хозяином, ему встречалось немало мошенников и воров. Потом, когда Клинг попал в Бельгию, его взяли на работу в полицию. Он там ловил квартирных воров и взломщиков. Но такая работа ему не нравилась, поэтому через год он сбежал и стал собакой-бродягой. Только теперь он понял, что такое настоящая жизнь! Уверяю тебя, Том, внешность обманчива. Когда впервые видишь Клинга с изжеванным башмаком в зубах, он кажется недоумком, но это не так. Никто лучше Клинга не справится с вашей головоломкой.

Я призадумался: «А что, если О'Скалли прав?» И решил:

— Ступай к Клингу и попроси его прийти сюда. Только держи язык за зубами и ничего не говори другим собакам.

Мэтьюз Магг до сих пор еще не познакомился с Клингом, ведь тот поселился у нас всего два дня тому назад. Пока О'Скалли ходил за Клингом, я вкратце пересказал Мэтьюзу все, что узнал о необычном псе.

Когда Клинг вошел в комнату, Мэтьюз Магг вдруг побледнел и стал беспокойно озиаться. Клинг тоже повел себя странно. Он несколько мгновений присматривался к Мэтьюзу, словно пытался вспомнить, где раньше видел этого человека. Затем как ни в чем не бывало улегся на пол, положил перед собой башмак и принялся осматривать его со всех сторон, чтобы решить, куда лучше вонзить в него зубы. О'Скалли многозначительно взглянул на меня.

Мэтьюз Магг не понимал по-собачьи, поэтому я без стеснения спросил у Клинга:

— Вы раньше встречались?

Пес оторвал пуговицу от ботинка, разжевал ее и только потом ответил:

— Разве это так важно? Главное, что он твой друг и друг доктора. Не стоит ворошить прошлое. Я в жизни встречал столько людей, что могу и обознаться. Мне сказали, что у тебя ко мне дело.

— Да, — подтвердил я. — И нам нужна твоя помощь. А вот и Горлопан прилетел! Садись на стол, угощайся крошками и слушай.

Глава 31

СОБАКА-ИЩЕЙКА

Я повторил Клиngu и Горлопану всю историю от начала и до конца: как мы ночью помчались спасать от огня дворец, как грубо нас встретил граф Уизлюбли, как он набросился на доктора Дулиттла. Я рассказывал медленно, стараясь не пропустить ни одной подробности.

О'Скалли говорил, что Клинг поначалу кажется недоумком. И был прав. Пес лежал на полу и с глупейшим видом грыз ботинок. Я даже начал опасаться, что и потом Клинг не покажется мне умнее. Но вскоре я убедился, что пес не так прост: он запомнил мельчайшие подробности моего рассказа.

— Я как-то видел, — сказал Клинг, когда я умолк, — как дети складывают из разноцветных клочков бумаги узоры и фигуры. Каждый клочок сам по себе ничего не представляет, но собранные в нужном порядке, они создают картину. Так и мы пока имеем отдельные клочки правды. Когда мы сумеем сложить их как следует, то увидим, что же произошло на самом деле. Когда граф Уизлюбли набросился на вас с бранью, в руках у него что-нибудь было?

— Да, — ответил я, — несколько сафьяновых коробочек.

— А что было в этих коробочках? — продолжал спрашивать Клинг.

— Бриллиантовые запонки. Когда мы спустились в подвал, граф положил коробочки на бочку с вином, и Мэтьюз улучил минутку и заглянул в одну из них. Там лежали четыре запонки с огромными бриллиантами.

Клинг кивнул головой, словно что-то начинал понимать, и снова спросил:

— А те два цепных пса, где их обычно держат ночью.

Я перевел его вопрос Мэтьюзу Маггу, и тот вдруг хлопнул себя по лбу.

— Вот оно как! — вскричал Мэтьюз. — Как же мне самому это не пришло в голову! Я ведь не раз слышал, что граф Уизлюбли каждую ночь приводил собак во дворец и пускал их разгуливать по всем комнатам. Они даже как-то загрызли насмерть вора. Бедняга — хотя что его жалеть — пробрался в дом и уже открыл ящик со столовым серебром. Тут-то на него и набросились собаки. Мне об этом рассказал... ну да ладно, кто рассказал, к делу не относится. Но в ту ночь ни Дианы, ни Волка во дворце не было. Их оставили во дворе на цепи. Очень странно!

Я быстро перевел слова Мэтьюза Клингу. Пес снова кивнул головой, словно из клочков правды уже что-то получалось похожее на картину.

— Вы говорите, что граф Уизлюбли разъярился потому, что вы вторглись в его владения без спроса. А мне кажется, что он рассердился потому, что вы потушили пожар. А это может быть только в том случае, если он сам поджег дворец.

Я даже подпрыгнул от неожиданности. Такого поворота дела я никак не ожидал.

— погоди минутку, Клинг, — остановил я собаку-ищейку. — Я переведу твои слова Мэтьюзу.

Мэтьюз Магг тоже подпрыгнул на месте, когда узнал, что говорит Клинг. Но ему предположение собаки не показалось невероятным.

— Вот это мысль так мысль! — заорал он от восторга. — Теперь почти все сходится. Иначе зачем ему понадобилось поскорее выставить нас вон? Да только потому, что он там занимался темными делишками и боялся чужих глаз! Дворец стоит кучу денег, а он взбесился из-за разбитого окна в подвале.

— Мало того, — продолжал Клинг, — раз он взял с со-

бой бриллианты и собак не было в доме, это значит, что он ждал пожара. Ведь собаки первыми учуяли бы дым и лаем разбудили бы всех слуг.

— Это похоже на правду, — согласился я с Клингом и тут же возразил: — Но от пожара графу были бы только убытки, и немалые!

— Не спеши с возражениями, — сказал Клинг. — Представь себе, что граф понес бы намного большие убытки, если бы не было пожар. Такое тоже бывает. Я сам знал несколько случаев, когда хозяева сжигали свои дома, чтобы замести следы. Вопрос в другом: что заставило его поджечь дворец? Предположим, что ему надо было любым способом избавиться от кого-то или чего-то. Может быть, он хотел сжечь кого-то живьем.

— Ты не слышал, Мэтьюз, — спросил я, — были ли у графа смертельные враги?

Мэтьюз отрицательно покачала головой.

— А нет ли у него братьев и сестер? — пролаял Клинг.

— Нет-нет, у него не осталось никаких родственников, даже дальних. Он единственный наследник покойного дяди, — сказал Мэтьюз, когда понял, куда клонит Клинг.

— Ну что же, — продолжала собака-ищейка, — значит, он хотел уничтожить не кого-то, а что-то. Но почему ему понадобилось для этого сжигать дворец, который к тому же стоит уйму денег?

— В самом деле, почему? — удивился я. — Если граф и вправду хотел уничтожить какую-то вещь, то что может быть проще?

— Нет ничего проще, — возразил мне Клинг, — если знаешь наверняка, где эта вещь лежит. А если ты ее ищешь месяц, год, а от этой вещи зависит твоя жизнь, то проще всего сжечь весь дом и раз и навсегда избавиться от страха. И здесь все встает на свои места, если он искал и никак не мог найти...

— Завещание! — в нетерпении воскликнул я.

— Да, завещание, — подтвердил мою догадку Клинг и отгрыз еще одну пуговицу от ботинка. Теперь жующая ботинок собака не казалась мне глупой. Я как на иголках ждал, когда Клинг слопает пуговицу и продолжит рассуждать. Мне это напоминало полицейские истории из газет, но еще увлекательнее — ведь я сам участвовал в расследовании.

— Почему люди хотят уничтожить завещание? — спросил Клинг и сам же ответил: — Да потому, что им это завещание не нравится, оно не в их пользу. Граф Уизлобли получил все состояние покойного дяди только потому, что он был единственным наследником, а завещания так и не нашли. Но сам граф знал, что дядя завещание составил и оно спрятано где-то в доме. Для начала он выгоняет всех старых слуг и нанимает новых, заводит цепных псов, ставит у ворот сторожа с пистолетом. Еще бы! Граф боится, что кто-нибудь другой найдет завещание и ему придется поневоле расстаться с огромным состоянием дяди. Так легче сжечь один дом, чем лишиться всего.

Глава 32

СТАРЫЙ ГРАФ ДОРНТОН

— Вот теперь все сходится! Вот теперь все верно! — воскликнул Мэтьюз, вскочил со стула и в возбуждении принялся шагать взад-вперед. — Я как-то сидел за стаканчиком пива со старым садовником графа Дорнтон, и он мне рассказал, что дядя не ладил с племянником. Они постоянно ссорились, поэтому граф Уизлобли и носа не казал к дяде. Он все больше ездил по дальним краям, пока старик не умер. Дядя не хотел, чтобы люди узнали о его вражде с племянником и, наверное, именно поэтому спрятал завещание подальше от чужих глаз. Но эта собака настоящий колдун. Ты только смотри, Том, как легко она разгадала головоломку, над которой мы так долго бились. Но теперь нам надо действовать быстро. Граф Уизлобли не остановится на полпути и снова подожжет дворец.

— Ну нет, — засомневался я, — так быстро он не отважится. Ему надо выждать, чтобы поутихли слухи, иначе все сразу заподозрят, что дело нечисто. А лишние пересуды графу тоже ни к чему. Он ведь знает, что совершает преступление, поэтому будет осторожен. Но теперь я понял, почему он с такой яростью набросился на нас.

Клинг разжевал еще одну пуговицу от башмака, подаренного доктором, и сказал:

— Прежде чем действовать, попробуйте узнать, кому старый граф Дорнтон хотел оставить в наследство все свое состояние.

И тут внезапно Горлопан, до того спокойно клевавший крошки на столе, запрыгал и зачирикал:

— Я хорошо знал старика Дорнтона и попробую помочь вам. Правда, мне с ним не приходилось встречаться в этой усадьбе, но каждое лето он проводил в своем имении под Ашби, и я частенько гостил у него. Денег у него куры не клевали, но он совсем не важничал. Когда граф Дорнтон постарел, он полюбил деревенскую жизнь и занялся разведением редких пород скота. В своем саду он на каждом дереве приказал повесить скворечники и дуплянки для птиц, расставить везде кормушки и сам по утрам выходил в сад и наполнял их пшеном и хлебными крошками. Старый чудак любил птиц и животных. Он собрал у себя в доме дюжины полторы бездомных собак. Я бы вовсе не удивился, если бы узнал, что старый граф Дорнтон завещал свое состояние какому-нибудь приюту для бездомных животных.

— Таких приютов пока нет, — возразил я воробью, — но я слышал, что в Лондоне уже появилось Общество защиты животных. — И вдруг у меня в голове мелькнула мысль. Я достал из кармана записную книжку, где, между страницами, хранил ключок пергамента из мышиной норки в библиотеке дворца Уизлюбли.

Я взял в руки пергамент и еще раз вчитался в странные строчки: *«ПРИСУТСТВИЕ НОТАРИУСА И ДРУГ... СТО ТЫСЯЧ ФУНТОВ ИЗ МОЕГО ДОСТ... БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕ...»*

Теперь мне стало ясно, что «в присутствии нотариуса и других свидетелей граф Дорнтон выделил сто тысяч фунтов из своего достояния на благотворительные цели». Может быть, оно звучало несколько по-другому, но, несомненно, смысл был этот.

Все очень удивились, когда я вскочил со стула и вскричал:

— Идем к доктору!

Библиотечная мышь ныкнула:

— Я бы с удовольствием пошла с вами, но мне пора возвращаться домой. Уже темно, и муж, наверное, беспокоится.

Белая мышь пошла проводить гостью до калитки, а мы — Мэтьюз, О'Скалли, Клинг, Горлопан и я — поспешили к доктору Дулиттлу.

Как и всегда по вечерам, доктор сидел в кабинете над книгами.

— Простите, господин доктор, что мы беспокоим вас, — извинился я, входя в кабинет, — но у нас спешное дело.

Доктор отложил перо, повернулся к нам и терпеливо выслушал.

— Теперь вы сами видите, — звенел от ликования мой голос, — что граф Дорнтон оставил сто тысяч фунтов на благотворительные цели. Наверняка их можно будет потратить на животных. Говорят, в последние годы жизни старик не жалел денег на птиц и зверей. А граф Уизлобли украл сто тысяч фунтов, а теперь пытается замести следы.

Доктор задумался. Он кивал головой, морщил лоб, а я никак не мог понять, согласен он со мной или нет.

— А если ты ошибаешься, Стаббинс? — произнес наконец доктор. — Ведь ты строишь свое обвинение только на догадках. Конечно, я вынужден признать, что выглядят твои догадки очень правдоподобно. Может быть, так оно и есть на самом деле: граф Дорнтон завещал сто тысяч фунтов животным, а граф Уизлобли украл их. Но что мне в этом случае делать? Бежать в полицию? Да надо мной посмеются.

Волей-неволей и мне пришлось признать, что доктор прав. Но уступать мне не хотелось. Ведь речь шла о несправедливости по отношению к животным. Поэтому я упрямо сказал:

— Господин доктор, мы должны найти завещание. Найти его во что бы то ни стало!

— Но как? — удивился доктор. — Ты уже был во дворце и видел, что это такое. Каким образом мы сможем ночью незаметно проникнуть в дом, перерыть его сверху донизу и найти завещание? Племянник ищет его год и не может найти, а мы вдруг найдем за одну ночь? Смеш-

но даже думать! К тому же граф Уизлобли будет настороже, и если нас там схватят, то тюрьмы нам не миновать.

Я молча стоял перед доктором Дулиттлом и с грустью смотрел, как исчезает надежда помочь зверям и восстановить справедливость. И вдруг из сада послышался писк белой мыши:

— Том! Том! Они его нашли!

Сердце у меня радостно екнуло, и я, еще не веря в удачу, переспросил:

— Кто и кого нашел?

— Ну что за непонятливый мальчишка! — выбранила меня, и за дело, белая мышь. — Мыши во дворце нашли завещание.

Глава 33

ТАЙНИК

Словно ужаленный, я бросился к окну, распахнул его, выпрыгнул в сад и взял на руки белую мышь.

— Правда?

— Ну конечно, правда, — пискнула белая мышь. — Здесь со мной крыса из дворца, помоги ей взобраться на окно.

Я передав белую мышь через окошко Мэтьюзу Маггу, а сам наклонился и поднял с земли крысу. Крыса тяжело дышала после быстрого бега. С крысой в кармане я вернулся в кабинет доктора.

Не успели мы рассестись по местам, как в дверь постучали. Мэтьюз открыл, и в кабинет влетела старушка Полли.

— Что у вас случилось? — спросила она. — Вы так шумите, словно нашли клад. Но я точно знаю, что в этом доме клада нет и быть не может.

— Нашли, но не клад, а завещание! — ответил ей я.

— То самое завещание старого графа? — удивилась Полли. — Где и как?

— Мы сами еще не знаем, — поспешила с ответом бе-

лая мышь. — Я пошла провожать к калитке нашу гостью, и тут прибежала вот эта крыса и сказала, что его нашли.

— Тише, тише, — сказал им доктор Дулиттл. — Пока вы будете болтать, мы ничего не узнаем. Расскажи нам все по порядку, — обратился он к дворцовой крысе.

Крыса вышла вперед и откашлялась. Было видно, что она чувствует себя очень важной — еще бы, все смотрели на нее и ждали, что она скажет.

— Не тяни, начинай, — пролаял О'Скалли.

Услышав собачий лай, крыса вздрогнула, сразу же перестала важничать и сказала:

— Мы нашли его на чердаке. Мы долго его искали, а потом наткнулись на тайник. Сначала мы даже не знали, что это тайник, но когда прогрызли дыру в досках, то увидели лист плотной бумаги. Одни из нас хотели сразу же позвать вас, другие говорили, что сначала надо проверить, что это за бумага, тогда мы позвали на помощь самого маленького мышонка, он сумел прошмыгнуть в дыру и все как следует осмотрел. Это именно та бумага, у нее обгрызен уголок.

Я заметил, что от равнодушия и недоверия доктора Дулиттла не осталось и следа.

— Вот теперь можно действовать! — воскликнул он.

Мэтьюз Магг поддержал его:

— И немедленно! Сию же минуту отправляемся во дворец Уизлобли!

— И вас там сразу же схватят! — вмешалась Полли. — Сначала составьте план. Без плана у вас ничего не выйдет.

— Полли права, — согласился доктор. — Дело предстоит очень серьезное. Генри Уизлобли только и ждет, чтобы мы попали за решетку. Который час?

Мэтьюз взглянул на часы и сказал:

— Без пяти минут полночь. Самое время, чтобы браться за дело.

— Еще рано, — возразил доктор. — Нам нельзя показываться в имении Уизлобли раньше двух часов. Надо дожидаться, пока слуги не уснут. О'Скалли, ты сможешь пробраться в усадьбу?

— Без труда, — ответил пес. — Я вырою лаз под воротами.

— Будь осторожен, — наставлял пса Джон Дулиттл. — У сторожа есть пистолет, и он может с перепуту выстрелить в тебя. Обойди дом со всех сторон, найди двух сторожевых собак, их зовут Диана и Волк. Скажи им, чтобы не поднимали тревоги, когда мы проникнем в дом. А теперь беги.

О'Скалли радостно потрянул головой, так что у него даже уши замотались из стороны в сторону, выпрыгнул в окно и исчез в темном саду.

— Не забудьте взять с собой веревку, — снова вмешалась Полли.

— Веревку? — удивился Мэтьюз Магг. — Да зачем она нам нужна?

— Веревка всегда пригодится, — настаивала Полли. — Сама в этом убедилась, когда плавала с пиратами.

— А ведь Полли дело говорит, — поддержал ее доктор Дулиттл. — Без веревки нам не перебраться через ограду. Стаббинс, не сочти за труд, сходи на чердак, найди там веревку.

Когда я вернулся с веревкой, то застал всю компанию выясняющей в споре, что и кого брать с собой.

Белая мышь предложила взять фонарь, чтобы освещать дорогу.

— И метлу, чтобы заметать следы! — расхохотался Горлопан.

Но доктор Дулиттл подумал и сказал, что, пожалуй, фонарь и в самом деле пригодится.

— А не взять ли нам с собой Бед-Окура? — спросил Мэтьюз Магг. — Когда мы в прошлый раз попали в переделку, он нас здорово выручил.

— Боюсь, он снова начнет искать себе дубину поувесистее, — засомневался доктор.

— Не станет, — успокоил его Мэтьюз. — Он возьмет из дому кочергу.

— Что ты говоришь, Мэтьюз! — ужаснулся доктор. — Какая кочерга? Кстати, и ты не вздумай взять с собой свой любимый ломик.

Мэтьюз Магг пожал плечами и пошел будить Бед-Окура. До часа выхода из дома оставалось еще минут сорок, но этого времени как раз в обрез хватило, чтобы подняться с постели соню принца и растолковать ему, что от него требуется.

Когда все были в сборе, фонарь и веревка приготовлены, доктор Дулиттл взглянул на часы и сказал:

— Пора.

Мы покинули наше тихое пристанище и вышли на улицу. Луна еще не взошла. Впереди шагал доктор с дворцовой крысой в кармане, рядом семенил Клинг. За ними шел я с Полли на плече. Замыкали «шествие злоумышленников» Бед-Окур и Мэтьюз. Над ними летел Горлопан.

Мне было немного не по себе, хотя я знал, что мы идем восстанавливать справедливость. Полли заметила, что я волнуюсь, и шепнула мне на ухо:

— Не тревожься, Том. Доктору всегда везло, и пока ты с ним, с тобой ничего плохого не случится.

Честно признаюсь, ее слова меня мало успокоили.

Доктор остановился у ограды имения Уизлобли, там, где огромный старый клен свесил свои ветви на улицу, и стал разматывать веревку.

— Позвольте мне, господин доктор, — сказал Бед-Окур, взял веревку из рук Джона Дулиттла и ловко захлестнул петлю на толстой ветке.

Пока мы по очереди забирались по веревке на дерево, а затем спрыгивали в сад, Горлопан сидел на верхушке клена и следил за домом, а Клинг — за дорогой. Но все было спокойно, дом спал, запоздалых путников на дороге не было.

Таким образом мы все благополучно оказались в саду. Клинг помчался к воротам и пролез через вырытый О'Скалли лаз.

Когда я спустился с дерева, первое, что я увидел, был мчащийся к нам О'Скалли.

— Все в порядке, — шепнул он доктору. — Диана и Волк ждут вас в доме и проведут куда скажете. Главное — попасть в дом.

— Для начала его еще надо найти, — хмыкнул доктор и оглянулся. — В такую темень, да еще среди этих зарослей я не могу понять, куда надо идти. Прошу, проведи нас к дому.

— Хрюкки с вами нет? — почему-то спросил О'Скалли.

— Нет, — удивленно ответил доктор. — А почему ты о нем спрашиваешь?

— Тогда я проведу вас через огород, мимо морковных грядок. Так будет и ближе и надежнее, там нас прикроют кусты.

Минут десять мы шли гуськом за О'Скалли вдоль кустов и грядок. И вдруг чуть ли не носом уперлись в каменную стену дома. Там нас уже ждал Клинг.

— Господин доктор, — шепотом сказал Клинг, — не стоит ломать замок и давать графу повод вызвать полицию. Пусть дворцовая крыса проберется в дом и стащит у хозяина ключ от двери. Лучше будет, если граф Уизлобли и не догадается, что мы побывали у него в гостях.

Крыса высунулась из кармана доктора и спросила:

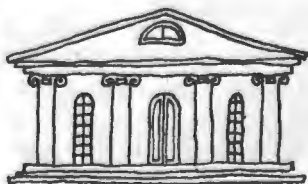
— А где мне искать этот ключ?

— В спальне у хозяина. Я по опыту знаю: все люди одинаковы, они суют ключ под подушку. Если не сможешь вытащить его сама, позови на помощь мышей.

Джон Дулиттл достал крысу из кармана сюртука и опустил ее на землю. Крыса подбежала к стене дома, нашла норку и шмыгнула в нее. Прошло пять минут, десять. Вдруг что-то упало мне на голову. Я потер на голове шишку и наклонился к земле, чтобы рассмотреть, что меня так больно ушибло.

Передо мной лежал ключ. Он тускло блестел в свете мерцающих звезд. По-видимому, спальня графа Уизлобли располагалась прямо над нашими головами, а крыса поленилась бегать взад-вперед с ключом в зубах и выбросила его в окошко.

Я вложил ключ доктору в руку, и мы молча двинулись к входной двери.

Глава 34

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

По нашему плану только Мэтьюз должен был сопровождать доктора Дулиттла на чердак. Бед-Окур остался караулить дверь. Чернокожего наследного принца было почти не видно в темноте. Мне велели ждать у лестницы, ведущей на чердак.

Джон Дулиттл сунул ключ в замок, дважды повернул его, и дверь открылась. Хорошо смазанные петли даже не скрипнули, но меня непонятно почему охватил страх.

Из-за двери высунулись две огромные головы страшных собак. Диана и Волк уже ждали нас и завиляли хвостами, приветствуя доктора.

В доме царила крошечная тьма, и я даже обрадовался, что мне не надо идти на чердак. Я уселся на ступеньки лестницы. Хорошо еще, что Полли осталась сидеть у меня на плече, с ней было хоть не намного, но все же спокойнее.

Джон Дулиттл и Мэтьюз Магг взяли за ошейник по собаке и бесшумно поднялись по устланной ковром лестнице. Собаки уверенно вели к тайнику.

Я сидел внизу, и мне казалось, что со времени их ухода прошла вечность. Я быстро убедился, что хорошего взломщика из меня не выйдет. Признаюсь, мне было страшно. Всякий раз, когда ветер раскачивал в саду ветки и они стучали в окно, мне казалось, что меня заметили, что кто-то целится в меня из пистолета или заносит над моей головой дубину. Мне ужасно хотелось открыть дверь и позвать Бед-Окура, но я знал, что этого делать нельзя.

Я все еще боролся со своими страхами, когда Полли шепнула мне на ухо:

— Не бойся. Доктор с собаками уже возвращаются. Я слышу их шаги.

Минуту спустя Диана ткнулась в мою щеку холодным и влажным носом. Какое счастье, что Полли предупредила меня, иначе я или умер бы от страха, или заорал благим матом. И кстати, неизвестно, что было бы хуже.

Смутные фигуры доктора и Мэтьюза проплыли мимо

меня в сторону двери. За ними шел О'Скалли. Они все были похожи на привидения. Я встал и поспешил вслед за привидениями.

На улице Джон Дулиттл благодарно потрепал Диану и Волка за уши и, когда они скрылись в доме, запер дверь на ключ. Потом достал из кармана все ту же крысу — видимо, она присоединилась к ним на чердаке, — отдал ей ключ и попросил отнести его на прежнее место.

О'Скалли снова повел нас через огород к ограде. Я с трудом сдерживался, чтобы не спросить доктора, все ли сошло гладко. И только когда мы стояли под знакомым кленом, я отважился задать вопрос:

— Завещание у вас?

— Да, — шепотом ответил доктор, — оно у меня в кармане. Кажется, нам нечего тревожиться. Мы открыли, а затем снова закрыли тайник и при этом сумели не наследить. Конечно, завещание я еще не читал. Прочтем его дома. Где наша веревка?

Веревку нашли, спустили ее с толстой ветки на другую сторону ограды, и все мы по очереди выбрались из имения Уизлобли на дорогу. Последним перелезал через ограду Бед-Окур. Он отвязал веревку от ветки, сунул ее за пазуху и спрыгнул на землю. Я догадался, зачем он так сделал — чтобы утром сторож не заметил свисающую с клена веревку и ничего не заподозрил.

Похоже, мы и в самом деле не оставили следов. Тем временем О'Скалли и Клинг пролезли через лаз под воротами и догнали нас.

Вскоре мы были дома. Там мы сразу же направились в кабинет доктора, задернули шторы на окнах, зажгли свечи и собрались вокруг стола. Доктор вытащил из кармана аккуратно свернутый лист пергамента, положил его на стол и распрямил.

Я достал клочок пергамента, который принесла мне библиотечная мышь, и приложил его к завещанию. Сомнений не оставалось — клочок был отгрызен от завещания.

Доктор быстро пробежал глазами начало завещания, а вслух прочел только главное:

— «...ТАКЖЕ Я, ГРАФ РИЧАРД ДОРНТОН, В ПРИСУТСТВИИ НОТАРИУСА И ДРУГИХ ОЗНАЧЕННЫХ ВЫШЕ

СВИДЕТЕЛЕЙ, ЗАВЕЩАЮ СТО ТЫСЯЧ ФУНТОВ ИЗ МОЕГО СОСТОЯНИЯ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ОБЩЕСТВА ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ. МОИ ДУШЕПРИКАЗЧИКИ САМИ ОПРЕДЕЛЯТ...

Я не знал, кто такие душеприказчики, и знать в ту минуту не желал. Я не дал доктору дочитать до конца и закричал: «Ура!» Мэтьюз и Бед-Окур заплясали вокруг стола.

Когда мы наконец успокоились, доктор, радостно улыбаясь, сказал:

— Да сядьте же, друзья. Давайте посмотрим все завещание.

Мы сели. Доктор обвел нас глазами, и вдруг улыбка сползла с его лица. Я проследил за его взглядом и увидел, что доктор не отрываясь смотрит на что-то блестящее в руках Мэтьюза Магга. Я тоже присмотрелся, и у меня внутри все похолодело — Мэтьюз задумчиво вертел в пальцах запонку из сафьяновой коробочки графа Уизлобли.

— Откуда это у тебя, Мэтьюз? — сдавленно произнес доктор.

— О чем вы, господин доктор? — невинно улыбнулся Мэтьюз. — Ах это! Безделушка на память о посещении дворца графа Уизлобли. Она мне случайно попала под руку.

Казалось, доктор потерял дар речи. Остальные тоже подавленно молчали.

— А что случилось? — оправдывался Мэтьюз. — Подумаешь, взял я у него блестящий камушек. Так ведь он все равно принадлежит не графу. Старик Доритон по завещанию отдал все свое состояние животным.

— Но когда же ты успел, Мэтьюз? — наконец вымолвил доктор. — Ты же не отходил от меня ни на шаг!

— Мы с вами шли по коридору мимо спальни графа. Дверь была приоткрыта, а эта штукавина блестела на комоде. Рука у меня сама подхватила ее.

Доктор закрыл лицо руками и простонал:

— Ох, Мэтьюз, Мэтьюз! Ты же обещал мне исправиться и оставить эту дурную привычку!

Белая мышь вскарабкалась по рукаву ко мне на плечи и тихонько спросила:

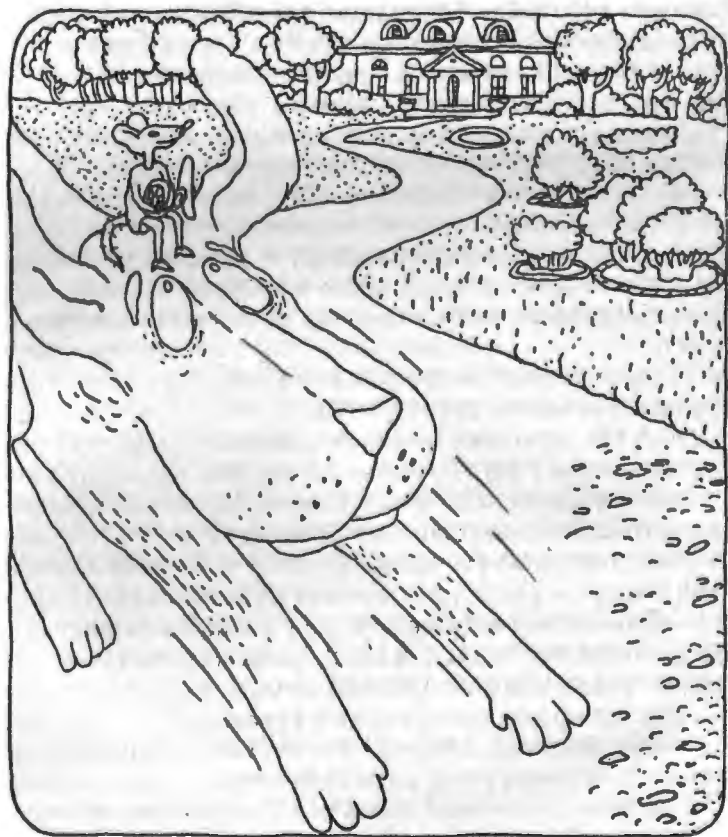
— Что случилось? Почему так расстроился доктор?

Я объяснил ей как мог, что Мэтьюз похитил из дворца бриллиантовую запонку, что утром граф Уизлобли заметит пропажу, догадается, чьих рук это дело, и нас арестует полиция.

— А если эта такая дорогая путовка снова окажется на месте? — спросила белая мышь. — Тогда вас не арестуют?

— Нет, — ответил я. — Но как она может оказаться на месте? Запонки по воздуху не летают.

— Зато мы, мыши, бегаем по земле. — Она спрыгнула

с моего плеча на стол и подошла к Джону Дулиттлу. — Господин доктор, дайте мне эту пуговку, и я отнесу ее на место.

Лицо доктора осветилось надеждой.

— Ты и в самом деле можешь это сделать? — спросил доктор. — Солнце уже встало, во дворце небось давно заметили пропажу. Да и тебе до дворца быстро не добратъся, путь туда не близкий.

И вдруг О'Скалли неожиданно предложил:

— Пусть садится на меня верхом, я в миг ее доставлю. А там уж она сама проскользнет под дверь и отнесет запонку в спальню графа.

Доктор согласно кивнул головой, взял из рук разочарованного Мэтьюза запонку и отдал ее белой мыши.

— Желаю тебе удачи, — сказал он.

Белая мышь зажала запонку зубами, вскарабкалась на спину О'Скалли и крепко уцепилась лапками за его густую шерсть. Пес выбежал из кабинета, выпрыгнул на улицу через распахнутое на кухне окно и помчался к калитке.

Когда белая мышь и О'Скалли исчезли из вида, в кабинете опять воцарилось неловкое молчание. Мне казалось, что я присутствую на похоронах.

— Я надеюсь, что вы, Стаббинс и Бед-Окур, сохраните в тайне то, что здесь произошло. Впрочем, будем надеяться на лучшее, — наконец сказал доктор.

Но по его голосу было ясно, что сам он на лучшее не надеется. Чернокожий принц и я согласно кивнули головами.

— А что касается тебя, Мэтьюз, — продолжал доктор, — то я предупреждаю тебя, что, если что-то подобное еще раз повторится, нам придется расстаться. Я знаю, что ты у меня никогда и ничего не взял, но я хочу, чтобы ты так же относился и к чужой собственности. Мы должны доверять друг другу. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — виновато пробасил Мэтьюз. — Я не подумал, что подведу вас. Давайте забудем об этом.

У Мэтьюза был вид повинившегося школьника, и доктор не удержался от улыбки.

— А ведь все не так страшно, как кажется, друзья, — сказал он. — Белая мышь и О'Скалли сумеют возвратить

запонку на прежнее место. Даже если граф Уизлобли вызовет полицию, у них не будет доказательств, что именно мы побывали ночью во дворце. Мы не оставили им никаких следов, так что дело в шляпе...

И вдруг на его просветлевшем было лице проступил смертельный испуг. Он оглянулся, словно искал что-то, а затем простонал:

— Шляпа! Стаббинс, ты не видел, где мой цилиндр?

— Неужели вы снова забыли его во дворце Уизлобли? — вскричал я.

Глава 35

МЫ АРЕСТОВАНЫ

— Может быть, вы вышли из дому с непокрытой головой? — предположил Бед-Окур. — Я сам часто хожу без шляпы.

Все схватились за его мысль как утопающий хватается за соломинку и стали вспоминать, был ли на голове доктора цилиндр, когда мы отправились в путь ко дворцу Уизлобли.

Увы, был! Полли точно помнила, что доктор вышел из дому в цилиндре.

— Может быть, вы потеряли его по дороге? — с надеждой спросил Мэтьюс Магг.

Его надежда была напрасной — доктор точно помнил, что он снял цилиндр на чердаке, потому что он мешал ему добраться до тайника.

— Господи! — вздохнул доктор. — Ну какой из меня взломщик, если я забываю на месте преступления собственную шляпу! Нет бы забыть носовой платок или что-то такое же пустяковое! Меня утोरаздило забыть цилиндр, по которому меня в минуту найдет даже начинающий сыщик. Весь Паддлеби знает мой цилиндр. Я бы сам хотел до упаду, не будь все так серьезно. Ну что же, теперь все зависит от белой мыши и от ее расторопности. Никакие коты по дороге ей не страшны, потому что с ней

О'Скалли. Дай Бог, чтобы она успела положить на место запонку до того, как граф Уизлобли забудет тревогу.

В ту же минуту в кабинет вошла Крякки.

— Завтрак уже готов? — удивился доктор Дулиттля. — Что-то ты сегодня решила накормить нас раньше, чем обычно.

— Нет, — ответила утка. Она прошла к доктору и шепнула ему: — В калитку вошли трое мужчин. У них в руках ваш цилиндр.

— Цилиндр! — ахнул доктор.

— Да, господин доктор, цилиндр. Один из этих мужчин одет в полицейскую форму. По-моему, это тот сержант, что живет на соседней улице.

Как только я перевел Мэтьюзу Маггу, что сказала Крякки, он вскочил и бросился к окну, но вдруг остановился и сел на прежнее место.

— Нет, господин доктор, — произнес он решительно, — я не допущу, чтобы вы один расхлебывали кашу, которую я заварил. Я скажу, что один во всем виноват. А в тюрьме мне сидеть не впервой, я и там не пропаду.

Он умолк и сгорбился.

Доктор посмотрел на него строго и сказал:

— Я требую, чтобы ты до поры до времени держал язык за зубами. Будешь говорить, только если тебя будет спрашивать полиция. Стаббинс, открой дверь этим людям.

Я открыл дверь. На пороге стояли граф Генри Уизлобли, сторож его имения, с которым мы уже встречались в ту ночь, когда тушили пожар, и сержант полиции.

На лице полицейского было написано смущение. Повидимому, ему было неловко перед Джоном Дулиттлем за то, что он врывается в его дом. Он давно знал доктора, и все происходящее было ему неприятно. Он развел руками, будто хотел сказать: «Вы уж простите, господин доктор, но у меня служба такая».

Граф Уизлобли чувствовал себя как дома. Не успел я сказать им: «Войдите», как он отстранил меня, подошел к доктору Дулиттлю, встал перед ним и воскликнул:

— Вот они! Вся шайка в сборе! Я вас запомнил еще тогда, когда вы ворвались в мой дом и что-то кричали про пожар. Не было никакого пожара! Вы хотели разню-

хоть, что где лежит в доме, чтобы потом ночью ограбить меня. Сержант, арестуйте их!

Что оставалось делать сержанту? Во-первых, граф Уизлобли был очень влиятельный человек, а во-вторых, арестовывать преступников было его долгом. Поэтому сержант повернулся к Джону Дулиттлу и сказал:

— Господин доктор, граф Генри Уизлобли утверждает, что сегодня ночью вы проникли в его дом и похитили драгоценную бриллиантовую запонку. Как доказательство он представил ваш цилиндр, найденный на чердаке. Я вынужден вас просить отправиться вместе с нами в дом графа Уизлобли для установления истины на месте преступления.

Мы повиновались и пошли. Солнце только недавно встало, и мы порадовались, что на улицах еще мало прохожих, иначе уже к обеду весь Паддлеби знал бы, что доктора Дулиттла и всех его друзей арестовали и увели. А вот за что арестовали и куда увели — и стало бы предметом пересудов и самых невероятных домыслов.

А каково было бы моим родителям? Конечно, они ни за что не поверили бы, что доктор Дулиттл — преступник, но все соседи полезли бы к матери с соболезнованиями — ведь ее сын попал в дурную компанию!

По пути мы молчали. Только граф Уизлобли позабыл о своей благородной крови и время от времени восклицал:

— Разбойники! Теперь вам не отвертеться! Я ведь предупреждал, что укуе вас за решетку!

Но никто из нас не отвечал на его неблагородную брань.

Старый слуга открыл нам ворота в имение, и я заметил, что лаз, прорытый О'Скалли ночью, еще не засыпали. Но гадать, успела белая мышь или нет, было уже некогда. Нас провели в дом. Под презрительными взглядами толпы слуг мы поднялись по лестнице на второй этаж в спальню графа.

Генри Уизлобли встал посреди спальни. Он был хорошим актером. Вы бы слышали, с какой горечью и негодованием он рассказывал:

— Как обычно, я проснулся в шесть часов утра. И тут

же заметил, что сафьяновая коробочка с запонками лежит не на том месте, где я оставил ее накануне. Еще не веря в несчастье, я открыл ее и увидел, что одной запонки не хватает — вечером их было четыре, а теперь — только три! Неслыханно! Кража в моем доме! Сначала я заподозрил слуг, созвал их и расспросил каждого по отдельности. Мне стыдно, что я заподозрил невиновных, потому что полчаса спустя на чердаке обнаружили цилиндр этого разбойника, который смеет называть себя доктором медицины! Он доктор разбойных дел! Увидев цилиндр, я сразу понял, что кража — дело его рук.

— Погодите, — остановил его Джон Дулиттл. — А сейчас сафьяновая коробочка лежит на том же месте, где вы обнаружили ее сегодня утром?

— На том же, — подтвердил граф. — Но что это меняет? Ведь запонки в ней всего три!

— Если уж вы обвиняете меня в краже, — продолжал доктор, — то не могли бы вы показать мне, как вы открыли коробочку? Может быть, запонка выкатилась из нее и лежит на полу?

— Ваши увертки не помогут, — самонадеянно сказал Генри Уизлобли, но выполнил просьбу. — Сначала я раздвинул шторы, затем подошел к комоду, вот так, взял в руки коробочку и открыл ее...

Граф на мгновение умолк, а потом вдруг взвизгнул:

— Этого не может быть!

Услышав его крик, мы все вздохнули с облегчением — белая мышь справилась с задачей.

Я никогда не забуду выражение лица Генри Уизлобли. Он стоял белый, как стена, и таращил глаза на сафьяновую коробочку. Там, внутри, лежали не три, а все четыре запонки.

Сержант заглянул через плечо графа, и его лицо стало паливаться кровью.

— Так что же у вас украли этой ночью, господин граф? — процедил он сквозь зубы. — Кого и в чем вы обвиняете?

Чем больше краснел полицейский, тем больше бледнел Генри Уизлобли.

Планы графа сорвались. Он охотно отдал бы все четы-

ре запонки, лишь бы засадить за решетку вставшего у него на дороге доктора. Но граф не привык оставаться в дураках. Он повернулся к доктору Дулиттлу и в ярости заорал:

— Я не знаю, каким колдовством вы вернули запонку сюда, но вам все равно не отвертеться! Вы проникли в мой дом этой ночью! Почему ваш цилиндр нашли у меня на чердаке?

— Я готов дать вам все необходимые объяснения, — спокойно ответил ему доктор, — но в ваших же интересах, если я это сделаю с глазу на глаз.

— Никогда! Я хочу, чтобы сержант слышал, что вы станете плести! — заупрямился граф.

Он зря упрямился, потому что Джон Дулиттл сказал:

— Хорошо. Мне нечего скрывать от полиции. Я приходил к вам этой ночью за завещанием...

Глава 36

Последняя, со счастливым концом

Граф Генри Уизлобли был раздавлен. Ненависть на его лице сменилась испугом. Он забормотал жалким голосом:

— Да, конечно, нам лучше поговорить наедине... Я погорячился, но, надеюсь, вы меня поймете... Пройдемте в библиотеку, там нам никто не помешает.

Доктор и граф скрылись за дверями библиотеки.

— Даже не знаю, как мне благодарить белую мышь, — шепнул Мэтьюз Магг. — Кстати, я боюсь, что граф снова набросится на доктора с кулаками. Может быть, нам тоже войти?

— Лучше подождем здесь, — ответил я. — Мне кажется, на этот раз граф Уизлобли проиграл по всем статьям. К тому же он не посмеет пустить в ход кулаки при полицейском.

Когда доктор с графом переступили порог библиотеки, часы пробили семь раз. Вышли они в восемь. Граф

Уизлобли был очень бледен, но держал себя в руках. Он подошел к полицейскому и сказал:

— Сержант, произошла ошибка, и я прошу извинить меня. Сожалею, что поднял вас с постели в столь ранний час. Я забираю назад свой иск против господина Дулиттла.

Мы опять спустились, прошли по устланной коврами лестнице и зашагали к воротам усадьбы. У ворот сержант взял под козырек и пошел в Паддлеби.

Когда сержант отошел подальше и не мог нас слышать, Мэтьюз нетерпеливо спросил:

— Господин доктор, как же вы объяснили графу загадку с запонкой и цилиндром?

— Я ничего ему не объяснял, — ответил Джон Дулиттл. — Я только сказал, что завещание у меня и что я могу доказать, что он сам поджег дворец. Все остальное время граф умолял пощадить его и не вмешивать в дело полицию. Теперь он соберет чемоданы и уедет в Австралию.

— Почему в Австралию? — удивился я.

— Ему теперь придется самому зарабатывать на жизнь, — сказал доктор. — По завещанию, все состояние старого графа Дорнтон пойдет на благотворительные цели.

Когда история пожара и завещания стала известна зверям из зоопарка доктора Дулиттла, их ликование не было конца. Само собой, тут же предложили устроить праздник. И устроили — даже не на день, не на два, а на всю неделю.

Потом звери признавались мне, что никогда прежде у них не было таких веселых праздников, хотя в зоопарке доктора Дулиттла жилось им весело и они развлекались вовсю.

На праздник пригласили всех-всех зверей из округи. Сад и зоопарк украсили разноцветными лентами, а ночью на деревьях зажгли фонарики. Везде расставили столы с питьем и едой, чтобы, гуляя по саду, звери могли подкрепиться и освежиться.

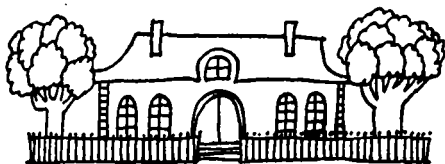
Гостей пришло очень много. Крысы, мыши, кролики, собаки, барсуки, белки и лисы из зоопарка встречали гостей как хозяева. Им помогали Крякки, Полли, Чи-Чи, Хрюкки, тyani-толкай и Бу-Бу. Все работали не покладая рук, чтобы накормить и развлечь всех пожаловавших на праздник.

Доктор Дулиттл, Мэтьюз и я то и дело бегали в окрестные лавочки, чтобы прикупить еще съестного. Бу-Бу рассказала мне потом, что к празднику мы купили телегу зеленого салата, четыре мешка пшеницы, бочку костей и бочку мяса, четыре головки сыра, две дюжины караваев хлеба... Это не считая мелких лакомств вроде орешков в сахаре и медовой воды!

По дорожкам сада невозможно было пройти, так много там было ежей, сверчков, белок, крыс, бобров, цапель, зайцев, и прочих, и прочих, и прочих. Звери кричали «Ура!» и славили старого графа Дорнтон и доктора Дулиттла.

Деревья и кусты в саду сгибались под тяжестью птиц. На ветках сидели фазаны и воробьи, дрозды и корольки, голуби и малиновки. Они пели свои веселые песни.

А когда гости разошлись, звери взялись за метлы и лопаты и трудились весь день, чтобы привести в порядок свой родной зоопарк. Да-да, так они теперь и говорили: «Наш родной зоопарк».

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОПЕРА ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Часть первая

Глава 1. Зоомагазин	4
Глава 2. Белая персидская кошка	11
Глава 3. Жизнь канарейки	17
Глава 4. Первое путешествие Пипинеллы	22
Глава 5. Новый дом	27
Глава 6. Жизнь, полная приключений	29
Глава 7. Свобода	33
Глава 8. Как, ты не знаешь, кто такой доктор Дулиттл?	39
Глава 9. Страдания молодого поросенка	44
Глава 10. В Лондоне	46
Глава 11. Проба голосов	51
Глава 12. Птичья музыка	55
Глава 13. Корнелиус нашелся!	57

Часть вторая

Глава 1. Преступный план	61
Глава 2. Караул! Полиция!	68
Глава 3. Несговорчивый господин Гаррис	75
Глава 4. Темное прошлое господина Гарриса	83
Глава 5. Театральные хлопоты	87
Глава 6. Пипинелла исчезла!	91
Глава 7. Премьера	96
Глава 8. История Пипинеллы на сцене	100
Глава 9. Грандиозный успех	104
Глава 10. Реклама — двигатель торговли	112
Глава 11. Дворец для обжоры	116
Глава 12. Посещение театра	119

Часть третья

Глава 1. Прием у княгини	122
Глава 2. Пес и парфюмер	126
Глава 3. Звериная реклама	131
Глава 4. Карманная лошадь	135
Глава 5. Как разделить деньги... ..	139
Глава 6. ...И как их потратить	145
Глава 7. Звербанк	149
Глава 8. Неутешительные новости из Паддлеби	152
Глава 9. Легенда о привидениях из Джобберич	157
Глава 10. Прощай, Лондон!	161

ЗООПАРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Предисловие	168
Глава 1. Посланцы Крякки	171
Глава 2. Возвращение путника	174
Глава 3. Неожиданность	180
Глава 4. Новый зоопарк	185
Глава 5. Город зверей	190
Глава 6. Мы опять без денег	195
Глава 7. Зуб Барсука	199
Глава 8. Золотая лихорадка в Паддлеби	202
Глава 9. Мышиная азбука	207
Глава 10. Плоды просвещения	210
Глава 11. Клуб крыс и мышей	215
Глава 12. Праздник Нового месяца	218
Глава 13. Гостиничная крыса	221
Глава 14. Косушка	225
Глава 15. Вулканическая крыса	230
Глава 16. Подземный голос	235
Глава 17. Свободный город свободных крыс	238
Глава 18. Музейная мышь	241
Глава 19. Профессору Фуссу не везет	244
Глава 20. Тюремная крыса	249
Глава 21. Тюремные странствия	252
Глава 22. Мышь из конюшни	257
Глава 23. Коварная Колдунья	262
Глава 24. Дворец графа Уизлобли	266

Глава 25. Пожар	270
Глава 26. Сафьяновая коробочка	274
Глава 27. Что делать с цепными собаками?	278
Глава 28. Ключок пергамента	282
Глава 29. Клинг	285
Глава 30. Тайна дворца Уизлобли	290
Глава 31. Собака-ищейка	294
Глава 32. Старый граф Дорнтон	297
Глава 33. Тайник	300
Глава 34. Дело в шляпе	305
Глава 35. Мы арестованы	310
Глава 36. Последняя, со счастливым концом	314

Хью Лофтинг

ДОКТОР ДУЛИТТЛ И ЕГО ЗВЕРИ

Сочинения для детей в трех книгах

Книга третья

Редактор *Л. А. Жукова*

Технический редактор *Г. В. Климушкина*

Корректор *О. В. Селиванова*

•

Подписано к печати 12.01.93. Формат 84 x 108 1/32. Бумага тип. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 100 000 экз. Издание подготовлено к печати на персональных компьютерах. Редакционно-производственное агентство «Олимп», 121069, Москва, в/я 68. Издательство Русского ПЕН-центра «ППП» (Проза. Поэзия. Публицистика), 103031, Москва, Неглинная ул., 18/1. Тульская типография, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109. Заказ № 19

